

ФОРУМ: ЛЮДИ И ДРУГИЕ ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА

Варвара Юрьевна Бахолдина

Московский государственный университет
1, стр. 12 Ленинские горы, Москва, Россия
vbaholdina@mail.ru

Алекс Блانشетт

Университет Тафтса
110 Брейкер Холл, 8 Аппер Кампус Роуд, Медфорд, США
alex.blanchette@tufts.edu

Елена Александровна Богданова

Независимый исследователь
Хельсинки, Финляндия
bogdanova.nova@gmail.com

Анна Алексеевна Варфоломеева

Независимый исследователь
Оулу, Финляндия
an.varfolomeeva@gmail.com

Максим Викторович Винарский

Санкт-Петербургский государственный университет
7/9 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
5/2 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
radix.vinarski@gmail.com

Григорий Дмитриевич Винокуров

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
123А наб. канала Грибоедова, Санкт-Петербург, Россия
grigorijvinokurov@gmail.com

Александр Игоревич Волковицкий

Арктический научно-исследовательский стационар
Института экологии растений и животных УрО РАН
21 ул. Зеленая горка, Лабытнанги, Россия
terekhina.yamal@gmail.com

Оксана Николаевна Запорожец

Центр городских исследований им. Г. Зиммеля, Университет им. Гумбольдтов
6 Унтер ден Линден, Берлин, Германия
oksana.zaporozhetc@hu-berlin.de

Александра Леонидовна Захарова

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
azakharova@eu.spb.ru

Степан Сергеевич Калинин

Международный славянский институт
9 ул. Годовикова, Москва, Россия
rage_of_gods@inbox.ru

Фредерик Кек

Лаборатория социальной антропологии, Национальный центр научных исследований /
Коллеж де Франс / Высшая школа социальных исследований
52 рю дю Кардинал Лемуан, Париж, Франция
frederic.keck@cnsr.fr

Ольга Владимировна Коровкина

Независимый исследователь
Москва, Россия
kazia-kordecka@mail.ru

Владимир Анатольевич Коршунков

Вятский государственный университет
36 Московская ул., Киров, Россия
vla_kog@mail.ru

Ольга Евгеньевна Кошелева

Институт всемирной истории РАН
32А Ленинский пр., Москва, Россия
okosheleva@mail.ru

Екатерина Владимировна Крылова

Кентерберийский университет
20 Кирквуд авеню, Аппер Риккартон, Крайстчерч, Новая Зеландия
ekaterina.krylova@gmail.com

Анна Владимировна Мазаник

Мюнхен, Германия
anya.mazanik@gmail.com

Ева Мейер

Амстердамский университет
145 Оуде Турфмаркт, Амстердам, Нидерланды
e.r.meijer@uva.nl

Марк Владиславович Мефёд

Независимый исследователь
Балашиха, Россия
fleainmyhead@gmail.com

Генриетта Мондри

Кентерберийский университет
20 Кирквуд авеню, Аппер Риккартон, Крайстчерч, Новая Зеландия
henrietta.mondry@canterbury.ac.nz

Елена Дмитриевна Никифорова

Независимый исследователь
Хельсинки, Финляндия
elenikifor@gmail.com

Тамар Новик

Университет им. Гумбольдтов
47 Георгенштрассе, Берлин, Германия
tamar.novick@hu-berlin.de

Степан Игоревич Петряков

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
spetryakov@eu.spb.ru

Мария Михайловна Пироговская

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
mpirogovskaya@eu.spb.ru

Ирина Подгорная

Национальный научный и технический исследовательский совет (CONICET)
Исторический архив Музея Ла-Платы, Национальный университет Ла-Платы
Пасео дель Боске, Ла-Плата, Аргентина
ipodgo@isis.unlp.edu.ar

Милена Павловна Пугина

Факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет
58–60 Галерная ул., Санкт-Петербург, Россия
milenapugina.ru@gmail.com

Лидия Яковлевна Рахманова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
123А наб. канала Грибоедова, Санкт-Петербург, Россия
muza-spb@yandex.ru

Джон Санбонмацу

Вустерский политехнический институт
100 Инститют роуд, Вустер, США
js@wpi.edu

Денис Юрьевич Сивков

Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
82, стр. 3 пр. Вернадского, Москва, Россия
Московская высшая школа социальных и экономических наук
5 Газетный пер., Москва, Россия
d.y.sivkov@gmail.com

Сергей Валерьевич Соколовский

Институт этнологии и антропологии РАН
32А Ленинский пр., Москва, Россия
SokolovskiSerg@gmail.com

Дрю Суонсон

Южный университет Джорджии
Междисциплинарное академическое здание, Стейтсборо, США
dswanson@georgiasouthern.edu

Александра Николаевна Терёхина

Арктический научно-исследовательский стационар
Института экологии растений и животных УрО РАН
21 ул. Зеленая горка, Лабытнанги, Россия
terekhina.yamal@gmail.com

Анастасия Алексеевна Федотова

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
5/2 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
f.anastasia.spb@gmail.com

Кароль Ферре

Лаборатория социальной антропологии, Национальный центр научных исследований /
Коллеж де Франс / Высшая школа социальных исследований
52 rue дю Кардинал Лемуан, Париж, Франция
carole.ferret@college-de-france.fr

Ян Хельфант

Университет Колгейт
13 Оук Драйв, Хамилтон, США
ihelfant@colgate.edu

Марк Д. Херси

Университет штата Миссисипи
208 Аллен Холл, Старквилл, США
mhersey@history.msstate.edu

Юлия Сергеевна Шанина

Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН
11 Пушкинская ул., Петрозаводск, Россия
ishanina@eu.spb.ru

Аннотация: Исследования *более-чем-человеческой социальности* в целом и мультимедийная этнография в частности становятся все более популярным направлением в глобальной (социальной, гуманитарной и трансдисциплинарной) науке. В публикуемой дискуссии представители различных дисциплин рассуждают о преимуществах, подводных камнях и вызовах, которые это направление несет с собой, а также делятся своими размышлениями о том, почему мультимедийные исследования (не)популярны в России и какое будущее может их ожидать. Дискуссия затрагивает ключевые вопросы генезиса этого направления и его специфического терминологического аппарата, определения субъекта и объекта исследования, поисков адекватной методологии и языка описания, междисциплинарности и соотношения политического активизма и науки.

Ключевые слова: более-чем-человеческая социальность, мультимедийная этнография, поворот к животным, Антропоцен, междисциплинарность.

Благодарности:

Материал Александры Терехиной и Александра Волковицкого подготовлен в рамках госзадания ИЭРИЖ УрО РАН № 122021000089-9.

Материал Юлии Шаниной подготовлен в рамках Государственного задания КарНЦ РАН (№ 124022000029-0), финансовое обеспечение которого осуществлялось из средств федерального бюджета.

Для ссылок: Форум: Люди и другие живые существа // Антропологический форум. 2024. № 62. С. 11–224.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-62-11-224

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/062/forum.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2024, NO. 62

FORUM 62: HUMANS AND OTHER SPECIES

Varvara Baholdina

Lomonosov Moscow State University
1, Bld 12 Lenin Hills, Moscow, Russia
vbaholdina@mail.ru

Alex Blanchette

Tufts University
110 Braker Hall, 8 Upper Campus Road, Medford, MA, USA
alex.blanchette@tufts.edu

Elena Bogdanova

Independent researcher
Helsinki, Finland
bogdanova.nova@gmail.com

Anastasia Fedotova

St Petersburg branch of the Institute for the History of Science and Technology, RAS
5/2 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
f.anastasia.spb@gmail.com

Carole Ferret

Laboratoire d'anthropologie sociale, CNRS / Collège de France /
École des hautes études en sciences sociales
52 rue du Cardinal Lemoine, Paris, France
carole.ferret@college-de-france.fr

Ian Helfant

Colgate University
13 Oak Drive, Hamilton, NY, USA
ihelfant@colgate.edu

Mark D. Hersey

Mississippi State University
208 Allen Hall, Starkville, MS, USA
mhersey@history.msstate.edu

Stepan Kalinin

International Slavic Institute
9 Godovikova Str., Moscow, Russia
rage_of_gods@inbox.ru

Frédéric Keck

Laboratoire d'anthropologie sociale, CNRS / Collège de France /
École des hautes études en sciences sociales
52 rue du Cardinal Lemoine, Paris, France
frederic.keck@cnrs.fr

Olga Korovkina

Independent researcher
Moscow, Russia
kazia-kordecka@mail.ru

Vladimir Korshunkov

Vyatka State University
36 Moskovskaya Str., Kirov, Russia
via_kor@mail.ru

Olga Kosheleva

Institute of World History, RAS
32A Leninskiy Ave., Moscow, Russia
okosheleva@mail.ru

Ekaterina (Katya) Krylova

University of Canterbury
20 Kirkwood Ave., Upper Riccarton, Christchurch, New Zealand
ekaterina.krylova@gmail.com

Anna Mazanik

Munich, Germany
anya.mazanik@gmail.com

Mark Mefed

Independent researcher
Balashikha, Russia
fleainmyhead@gmail.com

Eva Meijer

University of Amsterdam
145 Oude Turfmarkt, Amsterdam, the Netherlands
e.r.meijer@uva.nl

Henrietta Mondry

University of Canterbury
20 Kirkwood Ave., Upper Riccarton, Christchurch, New Zealand
henrietta.mondry@canterbury.ac.nz

Elena Nikiforova

Independent researcher
Helsinki, Finland
elenikifor@gmail.com

Tamar Novick

Humboldt University
47 Georgenstrasse, Berlin, Germany
tamar.novick@hu-berlin.de

Stepan Petryakov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
spetryakov@eu.spb.ru

Maria Pirogovskaya

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
mpirogovskaya@eu.spb.ru

Irina Podgorny

CONICET / Archivo Historico del Museo de La Plata-UNLP
Paseo del Bosque s/n, La Plata, Argentina
ipodgo@isis.unlp.edu.ar

Milena Pugina

Faculty of Liberal Arts and Sciences, St Petersburg State University
58–60 Galernaya Str., St Petersburg, Russia
milenapugina.ru@gmail.com

Lidiya Rakhmanova

HSE University
123A Griboedov channel Emb., St Petersburg, Russia
muza-spb@yandex.ru

John Sanbonmatsu

Worcester Polytechnic Institute
100 Institute Rd, Worcester, MA, USA
js@wpi.edu

Julia Shanina

Karelian Scientific Centre
11 Pushkinskaya Str., Petrozavodsk, Russia
ishanina@eu.spb.ru

Denis Sivkov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82, Bld. 3 Vernadskogo Ave., Moscow, Russia
The Moscow School of Social and Economic Sciences (Shaninka)
5 Gazetny Lane, Moscow, Russia
d.y.sivkov@gmail.com

Sergei Sokolovskiy

Institute of Ethnography and Anthropology, RAS
32A Leninskiy Ave., Moscow, Russia
SokolovskiSerg@gmail.com

Drew Swanson

Georgia Southern University
Interdisciplinary Academic Building, Statesboro, GA, USA
dswanson@georgiasouthern.edu

Alexandra Terekhina

Arctic Research Station of Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of RAS
21 Zelenaya gorka Str., Labytnangi, Russia
terekhina.yamal@gmail.com

Anna Varfolomeeva

Independent researcher
Oulu, Finland
an.varfolomeeva@gmail.com

Maxim Vinarski

St Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
St Petersburg branch of the Institute for the History of Science and Technology, RAS
5/2 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
radix.vinarski@gmail.com

Grigorij Vinokurov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
HSE University
123A Griboedov channel Emb., St Petersburg, Russia
grigorijvinokurov@gmail.com

Alexandr Volkovitskiy

Arctic Research Station of Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of RAS
21 Zelenaya gorka Str., Labytnangi, Russia
alvolkovitskiy@gmail.com

Aleksandra Zakharova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya, St Petersburg, Russia
azakharova@eu.spb.ru

Oksana Zaporozhets

The Georg-Simmel Center for Urban Studies, Humboldt University
6 Unter den Linden, Berlin, Germany
oksana.zaporozhets@hu-berlin.de

Abstract: Studies of more-than-human sociality in general, and multispecies ethnography in particular, are becoming an increasingly popular trend in global (social, human, and transdisciplinary) scholarship. In the current forum, researchers from various disciplines discuss the advantages, limitations, and challenges of this trend. They also share their thoughts on why multispecies research has (or has not) an appeal in Russian academia and what the future may hold for it. The discussion addresses the key issues of the origin of this trend and its distinctive vocabulary; the subject and object problem; the search for an appropriate methodology and elaborating a scholarly narrative; interdisciplinarity and the relationship between political activism and research.

Keywords: more-than-human sociality, multispecies ethnography, animal turn, Anthropocene, interdisciplinarity.

Acknowledgments:

Julia Shanina's material is produced within the framework of the Russian Ministry of Science and Higher Education program (the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences) "Cultural heritage of Karelia and historical experience: new approaches and interpretations," no. 124022000029-0.

Alexandra Terekhina and Alexandr Volkovitskiy's material is produced within the framework of the Russian Ministry of Science and Higher Education program "Terrestrial ecosystem of Northwestern Siberia: assessment of the modern transformation of the communities," no. 122021000089-9.

To cite: 'Forum 62: Lyudi i drugie zhivye sushchestva' [Forum 62: Humans and Other Species], *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 62, pp. 11–224.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-62-11-224

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/062/forum.pdf>

Люди и другие живые существа

Исследования *более-чем-человеческой социальности* в целом и мультимедийная этнография в частности становятся все более популярным направлением в глобальной (социальной, гуманитарной и трансдисциплинарной) науке. В публикуемой дискуссии представители различных дисциплин рассуждают о преимуществах, подводных камнях и вызовах, которые это направление несет с собой, а также делятся своими размышлениями о том, почему мультимедийные исследования (не)популярны в России и какое будущее может их ожидать. Дискуссия затрагивает ключевые вопросы генезиса этого направления и его специфического терминологического аппарата, определения субъекта и объекта исследования, поисков адекватной методологии и языка описания, междисциплинарности и соотношения политического активизма и науки.

Ключевые слова: более-чем-человеческая социальность, мультимедийная этнография, поворот к животным, Антропocen, междисциплинарность.

ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Сама этимология слова *антропология* предполагает, что в центре внимания исследователей находится человек. Однако при этом различные области антропологии не исключали внимания к другим представителям живой природы — от приматов в рамках биологической антропологии до животных, грибов и растений, которые в том или ином статусе участвуют в человеческой культуре. Один из основателей дисциплины Льюис Генри Морган описывал инженерную деятельность бобров, а Эдвард Эванс-Причард посвятил немало страниц отношениям суданского народа нуэр и крупного рогатого скота, а также принципам категоризации, объединяющим людей в группы с другими существами [Morgan 1868; Эванс-Причард 1985 (1940)]. «Природные виды отбираются людьми не потому что их можно есть, а потому что с их помощью можно думать», — этот афоризм Клода Леви-Строса в работе о тотемизме констатировал важность животных для антропологов, которые изучали их место в мифах, классификациях, ритуалах и социальных институтах [Леви-Строс 1994 (1962): 97]. Ключевым вопросом, который возник, в частности, благодаря изучению шаманизма и вернакулярных онтологий, стал вопрос границы между людьми и другими существами [Hamayon 1990; Viveiros de Castro 1998; Conklin 2001; Willerslev 2007] — и связанные с ним проблемы межвидовой коммуникации, устройства личности и общества.

В 2000-х гг. критическая масса дискуссий о балансе отношений человека с другими животными [Ritvo 1987] и скептицизм по поводу человеческой исключительности приводит в глобальной антропологии к *повороту к видам*, или *мультивидовому повороту* (*species turn*). Расширяя горизонты социальных исследований, ученые делают героями своих штудий не только людей, но и других представителей живой природы, а также их напряденные и запутанные отношения, обращаясь к экологическим нишам, сетям, ризомам, симбиозу и межвидовым альянсам и вводя новый метод мультивидовой этнографии (*multispecies ethnography*) [Kirksey, Helmreich 2010]. Помимо «антропологии жизни» Эдуардо Кона и его критики антропоцентризма [Кон 2018 (2013)], поворот к видам принес такие плоды, как исследования связей между людьми и насекомыми [Раффлз 2019 (2010)] или взаимозависимости людей и грибов мацутаке [Цзин 2017 (2015)], и повлиял на обсуждения классических проблем субъекта и субъектности, социальной иерархии, морали, экологического воображения, политэкономии и т.д. [Govindrajan 2018; Blanchette 2020]¹.

В новом выпуске «Антропологического форума» редколлегия предложила обсудить, что включение других видов в сферу нашего внимания, наряду с методами мультивидовой этнографии, дает антропологии, как эта проблематика влияет на будущее социальных наук и какие сложности и вызовы она создает для исследователей. Участники «Форума» отвечали на следующие вопросы:

- 1** Приходилось ли вам изучать отношения людей и представителей других видов? Наблюдаете ли вы в современной науке какие-то изменения в исследованиях этих отношений или же в вашей области подходы не меняются? Какие межвидовые взаимодействия (соседство, сотрудничество, эксплуатация, игнорирование?) ученые в близкой вам области антропологии обсуждают, а какие напрасно упускают из внимания? Каких живых существ было бы продуктивно включить в исследование?
- 2** На ваш взгляд, в чем заключается основная задача мультивидовой этнографии и исследования отношений людей и других животных? В чем преимущества и недостатки таких исследований? Может ли антропологам быть полезен опыт ученых из других сфер знания (естественных наук, философии, литературы, искусства) и междисциплинарные подходы?
- 3** Как наиболее эффективно исследовать социальный мир, не ограниченный человеческими отношениями? Как в антропологических

¹ См. также рецензию на монографию Бланшетта в «АФ» № 60: [Петряков 2024].

работах «дать голос» животным, растениям, грибам, вирусам (тем, кого в англоязычной литературе обозначают термином *non-humans*)? Нужны ли для таких исследований новые методы?

4

В чем причины меньшей по сравнению с глобальными трендами в антропологии популярности межвидовых исследований в российском контексте? В какую сторону они развиваются сейчас и что могут принести антропологии в целом?

5

Как при изучении *human-animal relations* разделять науку и политический активизм? Возможно ли это?

Библиография

- Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / Пер. А. Боровиковой. М.: Ad Marginem, 2018. 344 с.
- Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.
- Петряков С. Рец. на кн.: Alex Blanchette. *Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm*. Durham, NC: Duke University Press, 2020. 320 p. // Антропологический форум. 2024. № 60. С. 226–239. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-60-226-239.
- Раффлз Х. Инсектопедия / Пер. С. Силаковой. М.: Ad Marginem, 2019. 416 с.
- Цзин А. Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма / Пер. Ш. Мартыновой. М.: Ad Marginem, 2017. 376 с.
- Эванс-Причард Э.Э. Нуэры: описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов / Пер. О.Л. Орестова. М.: Наука, 1985. 236 с.
- Blanchette A. *Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm*. Durham, NC: Duke University Press, 2020. 320 p.
- Conklin B.A. *Consuming Grief: Compassionate Cannibalism in an Amazonian Society*. Dallas, TX: University of Texas Press, 2001. 320 p.
- Govindrajan R. *Animal Intimacies: Interspecies Relatedness in India's Central Himalayas*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2018. 256 p.
- Hamayon R.N. *La chasse à l'âme. Esquisse d'une théorie du chamanisme sibérien*. Nanterre: Société d'Ethnologie, 1990. 878 p.
- Kirksey S.E., Helmreich S. The Emergence of Multispecies Ethnography // *Cultural Anthropology*. 2010. Vol. 25. No. 4. P. 545–576. doi: 10.1111/j.1548-1360.2010.01069.x.
- Morgan L.H. *The American Beaver and His Works*. Philadelphia, PA: J.B. Lippincott & Company, 1868. 330 p.
- Ritvo H. *The Animal Estate: The English and Other Creatures in the Victorian Age*. L.; Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 368 p.
- Viveiros de Castro E. *Cosmological Deixis and Amerindian Perspectivism* // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1998. Vol. 4. No. 3. P. 469–488. doi: 10.2307/3034157.
- Willerslev R. *Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood among the Siberian Yukaghirs*. Berkeley, CA: University of California Press, 2007. 246 p.

ВАРВАРА БАХОЛДИНА

1

Сама постановка вопроса об углубленном изучении в рамках современной антропологии взаимоотношений и взаимодействий людей и других живых существ показалась мне вначале достаточно неожиданной. Впервые погрузиться в эту тематику пришлось в процессе рецензирования статьи, где в названии декларировалось достижение счастья путем межвидовых взаимодействий в нескольких коренных популяциях Индии. Название сулило некую интригу и вызывало естественное любопытство у специалиста в области биологической антропологии. Однако впечатления от внимательного ознакомления с текстом оказались весьма противоречивы. Несмотря на значительный объем статьи, сухой остаток можно было свести к нескольким моментам: 1) взаимодействие с животными — объектами охоты: избегание охоты в период размножения животных и польза от добычи; 2) взаимодействие с хищниками — избегание возможных контактов, страх, сны и предания, в которых фигурируют хищники; 3) взаимодействие с растениями — бережное отношение к молодым растениям, понимание необходимости такого отношения в связи с возможным использованием древесины и питанием плодами в будущем. При этом в статье постоянно фигурировали такие понятия, как любовь и счастье, которые якобы достигались в итоге успешных «межвидовых взаимодействий» и приписывались не только людям, но и животным и даже растениям.

Варвара Юрьевна Бахолдина

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
vbaholdina@mail.ru

По мере чтения статьи невольно нарастало ощущение некоторой искусственной благостности, во многом создаваемой навязанными вопросами интервьюеров о том, ощущают ли люди себя счастливыми при контактах с растениями и животными и считают ли они, что те тоже счастливы. Естественно, ответы были положительными.

Не исключено, что основная концепция статьи во многом формировалась тематикой конкретного журнала, ориентированной на изучение различных аспектов феномена счастья. Тем не менее в рецензии я предложила авторам иначе расставить акценты, чтобы приблизиться к реальному отражению межвидовых взаимодействий и их возможных эффектов.

Статья, о которой идет речь, вполне вписывается в современный мейнстрим так называемой мультивидовой этнографии и, очевидно, может служить примером одного из артефактов соответствующего методологического подхода. Действительно, жизнь *Homo sapiens* тесно связана с жизнью самых разнообразных *non-humans*, от африканских слонов до короновирусов, от мамонтов, костями которых вымощены древние жилища в Костенках, до милого карликового пуделя, победителя недавней выставки собак в Нью-Йорке.

Возникает, однако, вопрос, насколько отношения людей и «нелюдей» могут стать основой для нового направления антропологической (этнографической) науки. Как справедливо замечено, антропология — наука о человеке, т.е., если точно следовать терминам, наука об одном из родов современных приматов — роде *Homo*. Поэтому с точки зрения систематики термин «мультивидовая антропология» в принципе не вызывал бы возражений, но только для рода *Homo* и для исследования взаимодействий между видами этого рода. Подобной «мультивидовой антропологией» уже давно занимаются антропологи, изучая возможные взаимоотношения между сапиенсами и неандертальцами, например, или между неандертальцами и денисовцами.

Но что означает термин «мультивидовая этнография»? Этнография других видов? Может ли термин «этнография» толковаться в каком-то ином, более широком смысле, чем принято сегодня? Существует ли по этому поводу некая негласная договоренность внутри сообщества социальных и культурных антропологов, о которой пока неизвестно более широкому кругу специалистов? На мой взгляд, терминологические проблемы в данном случае заслуживают отдельного внимания и обсуждения, и не стоит спешить вводить новый, во многих отношениях спорный термин без тщательного его рассмотрения и анализа. Кстати, Эдуардо Кон, на которого принято ссылаться

как на основателя новой науки, в своей книге не торопится с окончательными дефинициями и «пробует на вкус» разные определения — «антропология жизни», «антропология по ту сторону человека», «многовидовость» (*multispecies*), «многовидовая экология самостей» (*ecology of selves*), «альтерполитика» [Кон 2018: 35, 36, 46, 323].

Да, Кон стремится избежать антропоцентризма, но призывает при этом «не отказываться от человека» и «развить аналитический аппарат, который бы вывел антропологию по ту сторону человека, не упуская из виду важные аспекты, в которых мы также являемся “слишком человеческими”» [Кон 2018: 36, 46].

Методология Эдуардо Кона выглядит радикально отличной от однолинейных подходов некоторых других исследователей, предлагающих сбросить оковы биологической антропологии, совершить «видовой поворот» (мне так и не удалось до конца понять, что бы это значило) и принять тот факт, что люди представляют собой всего лишь совокупность разнообразных микробных сообществ, а человеческая исключительность является глупым предрассудком [Haraway 2008; Kirksey, Helmreich 2010]. Судя по всему, сегодня упоминать о человеческой исключительности становится чем-то неприличным, но факт ее реальности также ложится в сложную канву «антропологии по ту сторону человека», предопределяя существование последней.

Судя по книгам Эдуардо Кона и Донны Харауэй, наибольшее внимание мультивидовые исследователи сегодня уделяют собакам [Haraway 2008; Кон 2018]. Собственно, вся работа Харауэй посвящена изучению мира людей, имеющих дело с собаками, и проблемам партнерства обитателей этого мира. Собаки занимают важное место и в жизни народа руна, о котором идет речь в книге Эдуардо Кона. Неудивительно, что нас прежде всего интересуют отношения с нашими ближайшими *non-humans*, и мы даже готовы ради них пожертвовать признанием собственной человеческой исключительности.

Интересно, что пока, похоже, нет работ, посвященных взаимодействию людей и кошек, возможно, потому что кошки более сложные и закрытые «самости», или *selves*, по терминологии Кона.

2

Для «антропологии по ту сторону человека» особый интерес должна представлять художественная и научно-популярная литература, где авторы свободно чувствуют себя и в мире «других самостей», и в человеческом мире, и в зыбких промежуточных сферах. Тексты о животных Сетон-Томпсона, Киплинга, Чехова, Толстого, Джеральда Даррелла, Джилберта Клинджела вполне можно рассматривать как глубокие экскурсы в «антро-

пологию по ту сторону человека». Хотя многие моменты в обширной литературе о *non-humans* у сегодняшних читателей наверняка могут вызывать внутреннее противодействие и неприятие.

4

Причин меньшей популярности межвидовых исследований в российском контексте мне видится две.

Первая заключается в более высоком уровне регламентированности научных исследований в России в целом, что отражается в том числе в общепринятой позиции по поводу наличия отчетливых границ между разными дисциплинами и спорности попыток свободного преодоления этих границ даже под флагом гуманизации науки и повышения общей толерантности современных научных подходов.

Вторая причина может состоять в том, что российские исследователи имплицитно ощущают намного большую актуальность сегодняшних внутривидовых проблем и конфликтов, на фоне которых, к сожалению, меркнет тематика межвидовых взаимодействий.

Библиография

- Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / Пер. А. Боровиковой. М.: Ad Marginem, 2018. 344 с.
- Haraway D.J. When Species Meet. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2008. 423 p.
- Kirksey S.E., Helmreich S. The Emergence of Multispecies Ethnography // Cultural Anthropology. 2010. Vol. 25. No. 4. P. 545–576. doi: 10.1111/j.1548-1360.2010.01069.x.

АЛЕКС БЛАНШЕТТ

1

Читая вопросы, я с удивлением обнаружил, что думаю о холсте и сюртуке.

В эссе «Сюртук Маркса» (*Marx's Coat*, 1998) историк литературы Питер Сталлибрасс задавался вопросом, почему академическая культура так пренебрежительно относится к человеческой привязанности к материальным, физическим вещам [Stallybrass 1998]. Рассказывая камерную историю зависимости Карла Маркса от сюртука, который то и дело приходилось закладывать, чтобы сводить концы с концами, Сталлибрасс напоминает читателям, что понятие *товарного фетишизма* подразумевает не критику челове-

Алекс Бланшетт

Университет Тафтса,
Медфорд, США
alex.blanchette@tufts.edu

ского стремления к собственности или привязанности к вещам, но критику социальной системы, которая строится на объективации человеческих усилий. Марксово понятие *товарного фетиша* обличало капитализм как общество, где принципы абстракции сильны как никогда. Людям, которые живут в индустриализированном мире, может казаться, будто они трезво-мыслящие материалисты и стремятся к осязаемым благам и реальным ценностям. Но вся эта круговерть, трансформация и движение земной коры и форм жизни на планете — результат ненасытной погони за культурными проекциями и призрачными символами человеческого времени, энергии и творчества (см. также: [Graeber 2013]).

Мои собственные исследования посвящены в основном труду, капитализму и межвидовым отношениям на американских промышленных фермах и скотобойнях. По материалам этнографического исследования нескольких самых крупных свиноводческих ферм, свинокомплексов и мясоперерабатывающих заводов в Соединенных Штатах, где ежегодно рождается, выращивается и забивается более шести миллионов животных, я написал книгу [Blanchette 2020]. Она о том, что для превращения жизни и смерти животных в массовое производство необходимо изменить и человека. Следующая книга, над которой я сейчас работаю, будет о творческих усилиях, которые прилагают люди, чтобы уйти с этой работы. О том, как они порой тихо, а порой вполне открыто мечтают уволиться и наконец вырваться оттуда, где истощаются их силы и где царит насилие (см.: [Blanchette 2021]). Вопрос, который мне хотелось бы задать, звучит так: как выглядит изучение этих мест без многовидовой солидарности и чувствительности? По-моему, об этой любопытной особенности некоторых ранних публикаций о скотобойнях как-то рассуждал Тимоти Пачират: часто глубокие, добросовестные и серьезные исследования, посвященные их работникам, тем не менее оставляют у читателя впечатление, что результаты анализа можно с легкостью перенести на шинное, швейное или электротехническое производство [Pachirat 2011]. Мы видим, как в цехах разворачивается борьба за расовое превосходство, сталкиваются друг с другом различные формы классового принуждения и сопротивления и дают о себе знать признаки изменчивого характера накопления при капитализме. Разумеется, на скотобойнях все эти механизмы осуществления власти и эксплуатации тоже работают, причем зачастую куда интенсивнее, чем на других производствах. Они неизбежны. Но сводить предприятие, назначением которого является умерщвление животных, к типовой схеме, чтобы обсуждать лишь варианты социокультурных различий между людьми, кажется мне неоправданной абстракцией.

Если к производству свиных туш, автомобильных шин и сюртуков следует подходить лишь как к производству взаимозаменяемых «вещей» (иначе настоящим антропологом не станешь), то я с трудом понимаю, чем наша наука с ее погоней за абстрактными овеществленными образами человеческих усилий в принципе отличается от *товарного фетиша* капитализма. И, пожалуй, еще важнее, что из людей, с которыми я познакомился на промышленных фермах и скотобойнях, мало кто думал, что просто производит взаимозаменяемые товары. В большинстве своем работники знали, что разводят, накачивают лекарствами, кормят и разделяют сложные, чувствующие и разумные организмы. И в большинстве своем они понимали: то, *что* им поручено делать, или по крайней мере то, *как* им поручено это делать, глубоко неправильно.

Я выражаюсь так резко, потому что и сам служил примером подобного этоса. В 2009 г., до того как я начал изучать многообразие точек зрения и солидарности (позже это назовут мультивидовой этнографией), я приступил к этнографическому исследованию промышленного животноводства. Эта работа растянулась на тридцать восемь месяцев. Кажется, тогда я говорил себе, что собираюсь прямо изнутри этой чудовищной системы изучать человеческие ценности и надежды на лучшую жизнь. Я часто задавал людям один простой вопрос: что могло бы улучшить их трудовую жизнь? Моих друзей из свинокомплексов и сотрудников скотобоен, с которыми мы выпивали в барах, этот вопрос явно раздражал. Чтобы понять причины, мне пришлось потратить немало времени и отбросить прежние представления. По всей видимости, этот вопрос подразумевал, что сделать такую работу приятной, а агрокомплексы как-то улучшить — в принципе *возможно*. Или же — что идентичность человека сводится к его работе и в идеальном мире люди продолжали бы работать на подобных предприятиях. Но на самом деле большинство не хотело, чтобы эта работа как-то их определяла и чтобы их вообще обозначали как «работников». Многие, вероятно, считали, что лучше бы таких рабочих мест не существовало вовсе.

Более того, из агрокомплексов я вышел с убеждением, что проблема промышленного насилия в отношении животных и проблема эксплуатации рабочих неразделимы. Большая часть исследований сельскохозяйственной промышленности, кажется, открыто или неявно подразумевает, что мы должны принять или «сторону» рабочих, или «сторону» животных и с выбранной точки зрения рассматривать ситуацию. Но дело в том, что промышленная свинья — это организм, который все время приспособливают для производственных нужд и который находится в постоянной зависимости от новых видов человеческого

труда (см.: [Wadiwel 2023]). Смерть и эксплуатация — вещи, безусловно, разные, но тем не менее взаимосвязанные. В стоимость рабочей силы в тот или иной момент времени входят генная инженерия свиней и усилия, затраченные на поддержание жизни полученного потомства. И наоборот, содержание плодовых, но иммуннонеустойчивых пород свиней приводит ко все более бесцеремонному посягательству на время и жизнь работников. На мой взгляд, усиление влияния рабочих было бы экологически значимо, а этическое отношение к животным, в свою очередь, может стать отправной точкой для переосмысления политики человеческого труда.

2

Своим студентам (большинство из которых не будет всю жизнь профессионально заниматься антропологией) я говорю, что одна из основ культурной антропологии и этнографии — стремление к концептуальной конкретности без партикуляризма. Наша дисциплина то и дело ставит под сомнение доставшиеся нам по наследству мифы, представления и массовые стереотипы: исследователи обращаются к реальной жизни, и на ее фоне истории, которые рассказывает нам общество, звучат неубедительно или кажутся неполными (см.: [Bessire 2021]). Важно ставить под сомнение и незначительные банальности, которые просто принимаются на веру, но на деле именно они и формируют способы понимания социальной реальности и представления о возможностях. Когда я начал исследовать рабочих, свиней и агробизнес, в моей голове было полно подобных банальностей, но в свинокомплексах они быстро рассеялись. Например: «Свинья — это всего лишь руководимое инстинктами, генетически запрограммированное существо». Если бы агрокомплексы функционировали в соответствии с этим утверждением, они бы быстро обанкротились, не научись они учитывать и использовать видовую изменчивость и индивидуальные различия животных. Или: «Агрокомплекс — это место господства человека над животными». Нет, правильнее будет сказать, что агрокомплексы — это капиталистические структуры, превращающие жизнь свиней в инструмент порабощения и эксплуатации других людей. Еще одна банальность: «Работники агропредприятий — это чернорабочие; они считают свиней какими-то неодушевленными предметами». Напротив, люди, которых я встретил, *несмотря* на чудовищные условия, изо всех сил пытались заботиться о свиньях. Они стремились досконально понять, как облегчить страдания животных, даже если в итоге все это было напрасно. И мой собственный опыт показывает, что генетическая уязвимость современных свиней и капиталистические требования к приросту поголовья дошли до своих пределов, и если бы не заботливое отношение рабочих, вся система бы просто рухнула.

Еще я хотел бы отметить вот что: может показаться очевидным, что при обсуждении этих вопросов предпочтение отдается биологии, прикладной этологии и другим естественным наукам как возможностям понять животное «как таковое». Да, такого рода знания могут быть важны во многих случаях — я не имею в виду, что нужно ограничиваться выбором «или/или». Скажем, попытка Джона Хартигана соединить этологические знания о лошадях и некоторые антропологические подходы к ритуалу поражает своей глубиной и способностью сопереживать иным живым существам [Hartigan 2020]. Однако в совершенно особых условиях моего поля было полезно задуматься, что племенные свиноматки, с которыми мне пришлось близко контактировать по несколько часов в день в помещении для искусственного осеменения, наверное, вели бы себя совсем иначе, не будь они заперты в клетушках на цементных площадках свиноферм. Если бы они вообще могли поворачиваться, гулять или рыть землю. Поэтому я скептически отношусь к любой «науке», которая претендует на установление законов поведения, здоровья или благополучия животных в таком месте, как животноводческий комплекс. Стоит, в частности, также отметить, что именно вполне осязаемые абстракции капитализма, милитаризма, расизма и классицизма и обусловили селекционное разведение свиней и их физическую, биологическую реальность. Капиталистические свиньи — это не существа вне времени, запертые в клетках. Подобно людям и большей части остальной планеты, они обрели свой нынешний вид в результате продолжительных и противоречивых процессов под влиянием властного диктата расового капитализма.

Конечно, для изучения животных, которые живут и умирают на промышленных фермах, важны некоторые направления этологических исследований. Но точно так же важны и феминистская политэкономия и квір-теория (см., например: [Weeks 2011; Rosenberg 2017]). От себя скажу, что отбросить предрассудки насчет природы свиней меня заставили как научные статьи по животноводству, так и чтение классической книги социолога труда Гарри Бравермана “Labor and Monopoly Capital” [Braverman 1974]. Браверман выступал с критикой применения социального знания в так называемом научном менеджменте, направленном на превращение людей во всем мире в промышленных рабочих. Так и сегодняшние свиньи существуют в результате ста с лишним лет слаженных прикладных «исследований», цель которых — свести их к товару.

3

По правде говоря, мне не очень интересно выступать в роли чревовещателя, говорящего за других, или рассматривать животных как новый вид нуждающихся в каком-то представительстве Других (ср.: [Kosek 2010]). Возможно, это связано с тем,

о чем я писал выше: даже после двухсот часов на спинах свиноматок я не уверен, что вынес из агрокомплексов хоть какое-то знание о тех свиньях, которых не держали в заточении.

Новые методы, которые поставили бы не-человеческих существ в центр социальных миров или проблемных зон, безусловно, необходимы. Новая этика или по крайней мере осознание этических дилемм тоже кажутся мне принципиально значимыми. Мне вспоминаются рассуждения Кэтрин Гиллеспи о том, следует ли вообще заниматься некоторыми формами этнографической работы [Gillespie 2022]. Должны ли мы как исследователи принимать активное участие в социальной жизни, если она предполагает безжалостное насилие над не-людьми? Должны ли мы делать то, от чего точно отказались бы сами или что нам запретили бы делать, если бы речь шла о людях? Как бы то ни было, я не особо сожалею о том, что для своей первой книги выбрал именно этот сюжет. Но поразительно, сколь редко я сталкивался с социальными или институциональными трудностями, занимаясь включенным наблюдением в одном из самых неоправданно жестоких мест на планете и получая за это научную степень.

Кроме того, вместе с другими людьми мне хотелось бы быть открытым к многообразию межвидовых отношений, не ограничиваясь взаимодействием лицом к лицу. Вряд ли я зайду в свинарник или на скотобойню с теми же мыслями, что и люди, которые или мечтают уйти с этой работы, или уже ушли. Но для многих, кого я знаю, включая тех, кто живет в крайней бедности, желание сбежать с промышленных ферм — не *только* вопрос самосохранения в условиях загрязнения окружающей среды или производственного травматизма. Это желание уходит корнями в принципиальный отказ от участия в нормализованном насилии над животными. Научиться открыто говорить об этом с другими людьми, учитывая, что все мы являемся продуктами культур, настаивающих, что «животные — это всего лишь животные», — одна из сложных методологических задач. Кроме того, меня беспокоит вопрос о том, как сделать этот отказ значимым для жизни животных и сельских сообществ, как сделать уход с такой работы не просто концом истории, но и способом жизни рядом с другими существами (см.: [Latimer 2013; Giraud 2019; Abrell 2021]). Еще одна проблема — развитие антиклассистских методов и форм письма, которые учитывали бы заботу так называемых трудовых мигрантов о ком-то, кроме себя или своих ближайших товарищей (хотя забота о себе, сообществе или близких тоже важна).

Наконец, повторю, что наше время и публичная культура одержимы упрощением. Этнографы давно настаивают на том, что

мир сложнее, чем сводки СМИ. На фоне постоянного сведения отдельных видов и даже животного царства в целом к набору одинаковых потребностей и гротескных черт антропологическое внимание к радикальному разнообразию кажется мне критически необходимым. Даже в агрокомплексе нет такого понятия, как абстрактная «свинья». Есть хряки, свиноматки, поросята и разнообразные породы всех мастей, каждая со своей социально-эволюционной историей и жизненными обстоятельствами, добавок, конечно, к различиям в темпераменте внутри каждого подкласса. К идее «вида» этнографы должны относиться с тем же скептицизмом, с каким многие относятся к упрощенным представлениям о «человеке» (см. также: [Arregui 2023]).

5

Любая работа, которая критикует здравый смысл, может быть политической. А культурный здравый смысл в большинстве мест, где я жил, заключается в том, чтобы свести огромное разнообразие растений и животных к ресурсам. Исследования, которые я ценю больше всего, оспаривают подобную объективацию, раскрывая глубину взаимодействий с более-чем-человеческими существами, и тем самым артикулируют различные виды проживаемой человеческой этики и привязанности (см.: [van Dooren 2014; Govindrajana 2018; Parreñas 2018; Abrell 2021]). Это можно было бы назвать политикой, но это и просто наука. Ведь смысл науки в том, чтобы развеивать привычные допущения.

Более сложен, на мой взгляд, вопрос о том, какая наука может и впрямь иметь политический резонанс. Какие исследовательские задачи, виды сотрудничества и способы распространения информации позволили бы нашим научным штудиям действительно повлиять на то, чтобы уже в наши дни ужасному обращению со всеми живыми существами — людьми и не-людьми — пришел конец? Мы живем в странные времена, когда практически никто, за исключением разве что владельцев агрокомплексов или пиарщиков, не скажет, что в промышленном животноводстве все в порядке. Тем не менее по всему миру с колоссальной скоростью распространяются его организационные формы и логика. Лично я отчаянно мечтаю об антропологии — назовите ее «политической», «активистской» или какой угодно еще, — которая могла бы внести ощутимый вклад в полное упразднение подобных отношений.

Библиография

- Abrell E. Saving Animals: Multispecies Ecologies of Rescue and Care. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2021. 272 p.
- Arregui A. Reversible Pigs: An Intraspecies Ethnography of Wild Boars in Barcelona // American Ethnologist. 2023. Vol. 50. No. 1. P. 115–128. doi: 10.1111/amet.13114.

- Bessire L.* Running Out: In Search of Water on the High Plains. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2021. 264 p.
- Blanchette A.* Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm. Durham, NC: Duke University Press, 2020. 320 p.
- Blanchette A.* Ending Things, as an End in Itself: Notes on Quitting American Meatpacking // *Anthropology Now*. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 73–78. doi: 10.1080/19428200.2021.1903561.
- Braverman H.* Labor and Monopoly Capital. N.Y.: Monthly Review Press, 1974. 475 p.
- Gillespie K., Castro A., DeBruin J., Ferguson K.* Studying Other Species: Understanding the Webs of Living // *disClosure: A Journal of Social Theory*. 2022. Vol. 30. No. 1. Article 11. doi: 10.13023/disclosure.30.10.
- Giraud E.* What Comes after Entanglement?: Activism, Anthropocentrism, and an Ethics of Exclusion. Durham, NC: Duke University Press, 2019. IX+182 p.
- Govindrajana R.* Animal Intimacies: Interspecies Relatedness in India's Central Himalayas. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2018. 256 p.
- Graeber D.* It Is Value That Brings Universes Into Being // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2013. Vol. 3. No. 2. P. 219–243. doi: 10.14318/hau3.2.012.
- Hartigan Jr J.* Shaving the Beasts: Wild Horses and Ritual in Spain. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2020. 312 p.
- Kosek J.* Ecologies of Empire: On the New Uses of the Honeybee // *Cultural Anthropology*. 2010. Vol. 25. No. 4. P. 650–678. doi: 10.1111/j.1548-1360.2010.01073.x.
- Latimer J.* Being Alongside: Rethinking Relations amongst Different Kinds // *Theory, Culture and Society*. 2013. Vol. 30. No. 7–8. P. 77–104.
- Pachirat T.* Every Twelve Seconds: Industrialized Slaughter and the Politics of Sight. New Haven, CT: Yale University Press, 2011. 320 p.
- Parreñas J.* Decolonizing Extinction: The Work of Care in Orangutan Rehabilitation. Durham, NC: Duke University Press, 2018. 288 p.
- Rosenberg G.* How Meat Changed Sex: The Law of Interspecies Intimacy after Industrial Reproduction // *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*. 2017. Vol. 23. No. 4. P. 473–507. doi: 10.1215/10642684-4157487.
- Stallybrass P.* Marx's Coat // *Spyer P.* (ed.). *Border Fetishisms: Material Objects in Unstable Spaces*. L.: Routledge, 1998. P. 183–207.
- van Dooren T.* Flight Ways: Life and Loss at the Edge of Extinction. N.Y.: Columbia University Press, 2014. 208 p.
- Wadiwel D.* Animals and Capital. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023. 328 p.
- Weeks K.* The Problem with Work. Durham, NC: Duke University Press, 2011. 287 p.

Пер. с англ. Александры Захаровой

АННА ВАРФОЛОМЕЕВА

1

Поскольку моей областью исследований является экологическая антропология, я часто встречаюсь с темой межвидовых взаимодействий в работах коллег и затрагиваю эту тему в своей работе. Мой исследовательский проект, который завершился в 2023 г., был посвящен теме устойчивого развития в понимании представителей коренных народов Севера России и Сибири (на примере вепсов в Прионежском районе Карелии и сойотов и окинских бурят в Окинском районе Бурятии). Меня особенно интересовало, как развитие горного дела в регионах влияет на отношения людей с другими живыми существами и духами местности в общем ландшафте. Так, стремительное развитие добычи декоративного камня (габбро-диабазы и малинового кварцита) в вепсских деревнях Прионежья повлияло на трансформацию связей местных жителей с ландшафтом и духами местности (вепс. *ižandad*). Существующие прежде связи во многом ослабли или исчезли, но их заменили новые отношения, сформировавшиеся между горняками и производимым ими ресурсом — камнем и изделиями из него. В Окинском районе Бурятии, напротив, неформальная добыча нефрита местными жителями своеобразно «встроилась» в существующие прежде связи между человеком и мультимедийным ландшафтом. Так, негласные правила добычи нефрита (не брать больше, чем нужно, обращаться к духам местности перед поездкой) схожи с теми, которыми руководствуются местные жители, отправляясь на охоту.

В настоящее время я работаю над новым проектом, который также связан с добычей ресурсов и мультимедийными исследованиями. Проект посвящен влиянию развития ветряной энергетики на севере Финляндии на мультимедийный ландшафт и трансформацию отношений людей с другими живыми существами. В рамках проекта я изучаю, как инфраструктура ветряной энергетики воспринимается как материальный объект

и оказывает влияние на формирование новых связей между людьми и другими живыми существами, а также актуализирует уже устоявшиеся взаимодействия.

По моим наблюдениям, в области экологических гуманитарных наук часто обсуждаются следующие проблемы: включение в исследование видов, которым традиционно уделялось меньше внимания в науке, изучение не-человеческих живых существ (*non-humans*) как активных участников взаимодействия с людьми, а также разработка новых методов для изучения межвидовых связей. Интересно, что тема межвидовых взаимодействий становится все более актуальной для тех дисциплин, которые традиционно концентрировались на отношениях между людьми и государствами, таких как политология или исследования проблем безопасности (*security studies*). Как отмечают исследователи в этих областях, в ситуации экологического кризиса возрастает важность деконструкции отношений между человеком и природой и признание роли не-человеческих акторов в обеспечении устойчивого и безопасного будущего.

Моя работа связана с исследованиями Арктики, и в этой области тема мультивидовых взаимодействий также актуальна. Поскольку северные территории особенно подвержены влиянию изменения климата, проблемы утраты биоразнообразия в Арктике поднимаются все чаще. Потеря биоразнообразия, в свою очередь, влияет на другие сферы жизни в Арктике, такие как традиционное природопользование местных жителей или добыча ресурсов. Чтобы обратиться к этим проблемам, необходимы совместные усилия представителей разных дисциплин. Поэтому тема мультивидовых взаимодействий поднимается в самых разных областях арктических исследований.

Мне представляется важным, что все большее количество научных проектов в области межвидовых взаимодействий обращается к тем видам, которые долгое время были не в центре внимания социальных наук. Так, когда мы говорим о видах-компаньонах, мы часто фокусируемся на домашних животных, но упускаем из виду так называемых нежелательных компаньонов, таких как крысы. Часто особое внимание получают те животные, растения или насекомые, которые знакомы многим и красиво выглядят. Например, социальные исследования исчезающих видов насекомых часто фокусируются на пчелах или бабочках махаон, но не затрагивают менее привлекательных или менее известных насекомых.

2

Мне видится, что важной целью мультивидовой этнографии должно быть смещение фокуса исследования с людей и их восприятия на не-человеческих акторов (животных, растения, грибы, бактерии) как участников процесса, а не пассивных

объектов, на которые направлены действия человека. Кроме того, мультимедийная этнография размывает границы между человеком и другими живыми существами, рассматривая человеческое тело через призму взаимодействия с различными формами жизни, такими как бактерии или вирусы. Само взаимодействие между видами рассматривается как гибкий, текучий процесс, не ограниченный четкими пространственными или временными рамками.

Может, разумеется, возникнуть вопрос, насколько эта цель реализуема и возможно ли в действительности сдвинуть фокус с человека и человеческого восприятия на других живых существ, занимаясь межвидовыми исследованиями в социальных науках. В ситуации, когда само исследование является результатом человеческого восприятия, задача «дать голос» другим существам и избежать при этом упрощений и излишней романтизации становится очень сложной. Поэтому я считаю важным диалог между социальными и естественными науками: такие междисциплинарные проекты способны обогатить и углубить сферу межвидовых исследований. Естественные науки фокусируются на поведении и реакциях живых существ, на процессах, происходящих в их организмах, и таким образом позволяют расширить фокус социальных наук, традиционно сконцентрированных на человеке и рассматривающих мультимедийный ландшафт в первую очередь как окружение человека. Так, я замечаю, что на совместных семинарах, в которых принимают участие биологи, экологи, историки, археологи и антропологи, дискуссия часто становится глубокой и разнообразной, ставятся сложные вопросы, которые требуют вдумчивого подхода. Область мультимедийных исследований, таким образом, открывает простор для междисциплинарных экспериментов.

3

Область мультимедийной этнографии часто требует введения новых методов, поскольку традиционные антропологические методы, такие как интервью, не могут полностью охватить ситуации зачастую невербального взаимодействия между людьми и другими живыми существами. Кроме того, в интервью мы фокусируемся на человеке и его восприятии, а не на многостороннем процессе взаимодействия различных акторов. Поэтому многие проекты, затрагивающие темы мультимедийных взаимодействий, используют дополнительные методы, к примеру коллаборации с художниками, дизайнерами, музыкантами. В итоге меняются и результаты проектов: наряду с традиционными академическими публикациями, таким результатом может стать выпуск подкаста, организация выставки, музыкальное выступление, создание коллажа. Важное значение имеют сенсорные методы, позволяющие исследовать реальность не только вербальными методами, но и зрительно, чувственно или тактильно.

В области экологических гуманитарных наук развивается сотрудничество исследователей с музейными работниками и совместное создание «мультивидовых» экскурсий, основанных на сенсорном восприятии экспозиции.

С моей точки зрения, интересной областью для применения новых методов представляется взаимодействие между людьми, другими живыми существами и технологиями. В своих проектах я затрагиваю эту тему, фокусируясь, например, на материальности ветрогенераторов и на том, как они воспринимаются на разных уровнях — через зрение, слух, осязание. Я также рассматриваю, как технологии добычи ресурсов становятся частью «ландшафта-домохозяйства» (*household*), который делят люди, другие живые существа и духи местности [Oehler 2019]. Однако тема технологий все чаще обсуждается и в контексте применения искусственного интеллекта в сфере межвидовых взаимодействий и возможности «дать голос» другим живым существам, используя новые технологии. Кроме того, рамки между живым организмом и технологическими средствами становятся все более размытыми. Создание и использование животных-роботов (к примеру, собаки-компаньона Tombot) ставит вопросы о том, как начнут переплетаться отношения между человеком, не-человеческими живыми существами и технологиями в будущем.

Библиография

Oehler A. Introduction // Oehler A., Varfolomeeva A. (eds.). *Multispecies Households in the Saian Mountains: Ecology at the Russia-Mongolia Border*. Cheltenham: Lexington Books, 2019. P. XI-XXIV.

МАКСИМ ВИНАРСКИЙ

1

По своей научной специализации (малакология) я имею дело с группой животных, традиционно и не очень «политкорректно» именуемых «низшими». Это оценочное понятие, хотя и откровенно антропоцентричное, до некоторой степени отражает объективную реальность наличия в животном мире многих уровней организации (или град), которые можно выстроить по ступеням конструируемой нами «лестницы совершенства». Весьма искусственная с эволюционной точки зрения, эта градация имеет право на существование в качестве эвристической модели, позволяющей иерархически

Максим Викторович Винарский

Санкт-Петербургский
государственный университет /
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия
radix.vinarski@gmail.com

выстраивать структуру природных сообществ и решать некоторые прикладные вопросы (например, связанные с проблемами биоэтики). В плане отношений людей и представителей других видов «высшее» и «низшее» отражают степень непосредственности взаимодействия, возможность или невозможность доместикации, сотрудничества, симбиоза и т.п. Чем «ниже» стоит конкретный вид по отношению к человеку, тем большее число посредствующих звеньев их разделяет и тем большее усилие необходимо для восприятия их как составных элементов единой взаимодействующей системы. Многие представители «низших» животных попросту выпадают из поля зрения обыденности, не попадают в этнобиологические классификации (за исключением очень небольшого числа особо важных для человека по своим качествам — съедобные, ядовитые, паразитические и т.п.), что выражается в отсутствии у них «народных» названий. Человек, сосуществуя вместе с ними в одной экосистеме (даже урбо- или агроэкосистеме), может не иметь ни малейшего понятия об их присутствии в своем ближайшем окружении. Именно поэтому в конце XIX в. общеевропейскую известность приобрели исследования энтомолога Фабра, «открывшего» образованному читателю невидимый мир насекомых, сложный, драматичный, но при этом почти не представленный в поле сознания «рядового» человека. Конечно, это в меньшей степени относилось к профессиональным натуралистам, для которых могла представлять большой интерес даже совершенно невзрачная и безымянная тварь. Иными словами, человек традиционно был связан с миром «низших» животных через большое число передаточных звеньев, практически исключавших прямой контакт и взаимодействие. Тем не менее с точки зрения биолога и человек, и все остальные представители окружающей его среды формируют единую экосистему, ни один из компонентов которой не является неинтересным или незначимым. В идеале человека нельзя изучать в изоляции не только от видов, имеющих для него непосредственный интерес (промысловые виды, источники биоресурсов, потенциальные хищники или вредители), но и от всей флоры и фауны вместе взятой. Но, разумеется, такое исследование требует огромных усилий и во многих случаях вряд ли реализуемо на практике. Однако в последние десятилетия интерес к этим ранее пренебрегаемым «низшим» существам растет, что во многом связано с феноменом глобализации и порожденной им проблемой «гомогенизации биоты». Речь идет о том, что человек и «низшие» животные вступают в отношения, которые можно обозначить как *форетические*. Люди, чаще всего бессознательно и ненамеренно, выступают как агенты расселения для растений и беспозвоночных, перемещая их самих или их расселительные стадии (яйца, личинки, споры) на дальние расстояния и порой

на новые континенты. Тем самым видовой состав фауны и флоры на разных материках имеет тенденцию выравниваться: эндемики вымирают, а доля общих видов в составе биоты растёт.

В ряде случаев такое расселение приводит к возникновению ситуации «биологической инвазии», когда чужеродный вид находит благоприятные для себя условия на новом месте обитания и не только успешно вытесняет из экосистемы аборигенные виды, но и становится значимым компонентом человеческой среды обитания. Некоторые из случаев такого рода известны уже с середины XIX в. и давно стали классическими (элодея, колорадский жук), но в наше время поток нежелательных видов-вселенцев многократно возрос. Во многих странах осуществляются программы мониторинга подобных чужеродных видов, в которые активно вовлечены так называемые *citizen scientists*, которых специально инструктируют на предмет раннего обнаружения вселенцев, отслеживания их расселения, оценок численности и т.п. Тем самым проблема биологических инвазий утрачивает чисто академический интерес и приобретает новое социальное измерение, интересное, на мой взгляд, и для антрополога. Гомогенизация биоты, происходящая на глазах рядового человека, по-видимому, может несколько изменить его понимание протекающих в биосфере процессов и, возможно, заставить переосмыслить свой взгляд на отношения между собой и «природой».

2

С позиции биолога любое антропологическое исследование по определению междисциплинарно, поскольку человек не существует изолированно от экосистемы, в которой он обитает, и сама его человеческая сущность несводима исключительно к «гуманитарному» измерению. Человек реален только как часть природного сообщества, без взаимодействия с которым, без обмена веществом и энергией не может существовать как организм. «Чистая» антропология возможна только вследствие методологической ограниченности и недостатка ресурсов. Без адекватного включения в анализ биотической составляющей антропологические штудии обречены на неполноту и смещение акцентов. Другое дело, что бывают животные и животные. Я хочу сказать, что значительная часть реального биоразнообразия исключена из актуального человеческого опыта и существует словно параллельно ему. Поэтому одной из задач мультивидовой этнографии может быть установление характера взаимосвязей человеческой популяции с видами, сосуществующими с ней в одной экосистеме, определение иерархии и специфики взаимоотношений с разными видами (и таксономическими группами другого ранга), понимание того, как и почему люди «конструируют» свое восприятие живой природы. В этом отношении антрополог без биологической подготовки или про-

фессиональной консультации может оказаться беспомощен. Каким бы специфическим представителем фауны ни был *Homo sapiens*, его надо рассматривать не как «венец творения», а как еще один компонент экосистемы, пусть и обладающий некоторой степенью могущества, но все же подчиняющийся многим природным закономерностям. Идеальное мультивидовое исследование видится мне как выстроенное не вертикально («царь природы» и все прочие, уныло копошащиеся на ступеньках ниже его), а горизонтально. В последнем случае акцент переносится с компонента экосистемы (т.е. человека) на взаимосвязи в ее структуре, где нет выделенных элементов, главных и второстепенных, а все возможное «неравенство» определяется лишь объективным положением конкретного вида в пищевой пирамиде (скажем, человек по своей специфике хищник высшего порядка, и это его иерархическое положение отменить невозможно).

3

«Дать голос» существам, лишенным артикулированной речи и сознания, может исключительно сам человек, говоря от их имени. Других вариантов на сегодняшний день я не вижу. *Non-humans* не являются равноправными участниками диалога, и даже в случае гоминид, которых обучали языку глухонемых, очевидно, что одна из сторон является ведомой, а другая — ведущей. Наука, в конце концов, чисто человеческое изобретение, и правила игры здесь устанавливают *humans*. Человек «конструирует» свое природное окружение и делает это страстно и избирательно, практически игнорируя огромную часть биологического разнообразия, привычно именуемую «низшей» или даже «бесполезной». Поэтому может быть интересен и такой вопрос: кого и почему люди исключают из своего рассмотрения, каковы критерии и методы отбора? Полагаю, что те виды, которые не попадают в этноклассификации, не представлены в фольклоре и верованиях, в практиках современного общества и могут иметь значение только для профессиональных биологов, которым интересны все живые организмы, а не только непосредственно представленные в человеческом опыте. Видимо, дальнейшее изучение разного рода фолк-биологических знаний, включая различные системы фолк-таксономии, и есть самый эффективный путь в данном направлении.

5

Полагаю, это вполне возможно по отношению к упомянутым мною выше «низшим» животным, которые в глазах политического или экологического активизма до сих пор не выглядят харизматичными и потому не воспринимаются им как объект пристрастного внимания. Но чем выше мы поднимаемся вверх по «лестнице совершенства» (термин намеренно взят мною в кавычки, да и проблема проведения границ между «высшим»

и «низшим» весьма нетривиальна, но останавливаться на ней здесь не могу), тем сложнее отделять одно от другого. Полагаю, что, исследуя высшие уровни этой прогрессистской иерархии, сделать это и вовсе невозможно. Причина проста: в филогенетическом отношении четкой грани между человеком и «высшими» животными не существует, и даже вымирание практически всех антропоидов, создававших в геологическом прошлом полный континуум между *Homo* и не-*Homo*, уже не спасает. Хотя, вполне возможно, в некоторых узкоспециальных аспектах изучения *human-animal relations* даже исследования антропоидов могут быть свободны от проявлений всякого «активизма».

ГРИГОРИЙ ВИНОКУРОВ

1

Стоит сделать несколько важных оговорок. Как у антрополога (начинающего и в каком-то смысле самозванца в дисциплине) у меня есть два базовых интереса. Первый — это антропологическая теория в целом. Ее история, развитие, длящиеся в ней споры и дискуссии. Политики того, как производится и работает теория, оставаясь в тесной связке с контингентностью этнографического материала. Другой — отдельные области антропологии: экономическая антропология и антропология труда, в частности, а также антропология наук и технологий, близкая к STS. Я не являюсь экспертом в области межвидовой этнографии, никогда не занимался этой темой и признаю ограниченность своего взгляда и выносимых мною суждений. Мое взаимодействие с проблематикой межвидового ограничено чтением литературы, собственным антропологическим любопытством, наблюдательностью за происходящей вокруг более-чем-человеческой жизнью и небольшим полевым опытом наблюдения за реальностью, в которой вопрос о межвидовости возник странным образом за пределами «отношений людей и представителей других видов», в рамках тех отношений, которые я, следуя своей системе различений, назвал бы «внутривидовыми», но мои собеседники думали о них иначе, проблематизируя тем самым использование категории вида и неизбежно связанной с ней категории

Григорий Дмитриевич Винокуров
Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
grigorijvinokurov@gmail.com

природы. Прежде чем рассказать эту небольшую историю, я постараюсь кратко описать то, как и в рамках каких дискуссий сегодня затрагивается проблематика межвидового взаимодействия в двух любопытных мне областях — антропологии труда и антропологии наук и технологий, указав на некоторые сюжеты теоретических и этнографических размышлений.

В первом томе «Капитала» Маркс предлагает определение труда (*labor*) как производственного взаимодействия между человеком и природой. Люди, медоносные пчелы и пауки сравниваются им, для того чтобы показать, что первые обладают способностью сознательно планировать изменения окружающей среды и предвосхищать результаты своих действий, собственных усилий, направленных на производство чего-либо, в то время как остальные, строящие восковые ячейки сот и плетущие паутины, оказываются неспособны делать это. Не-человеки не преобразовывают сознательно окружающую реальность — природу, а скорее реагируют на ее изменения и возмущения [Маркс 1960: 189]. При этом Маркс указывает на то, что разрыв между человеческим и природным обладает своей динамикой. Он усиливается по мере развития капиталистических отношений. Динамика этого разрыва и запутанных отношений между природой, существами разных видов и трудом находится в поле внимания антропологов, проблематизирующих (де)натурализацию труда сегодня [Besky, Blanchette 2018]. Как не-человеческие существа оказываются вовлечены в процессы отчуждения и производства стоимости, выходящие за пределы отношений между людьми? Как не-человеческие формы жизни встраиваются в цепочки поставок, индустриальные способы организации производства, системы агробизнеса и становятся частями процессов метаболического воспроизводства капитализма? Эксплуатация, производство, экстракция, пролетаризация, отношения видоизменения и зависимости — главные фокусы внимания. Наиболее яркая в теоретическом и этнографическом смысле попытка межвидового разговора о труде была предпринята авторами сборника “How Nature Works” под редакцией Сары Бески и Алекса Бланшетта [Besky, Blanchette 2019]. Для антропологии труда в контексте межвидовой этнографии один из главных вопросов состоит в том, как переопределить отношения между природой и трудом / работой сегодня, когда рабочими становятся не только люди, когда производство стоимости все сильнее зависит от извлечения прибыли из живых организмов, а целые виды существ и отдельные формы жизни производятся и видоизменяются только для того, чтобы войти в отношения производства, быть уничтоженными и усвоенными в метаболизме капитала.

Промышленная свинья не только является мясом, проживающим свой жизненный цикл на индустриальных свинофермах на западе США, где свиноводы и разведение свиньи на убой влияют на устройство местных экологий, но и в своей «животности» (*animality*) воплощает волны индустриализации, биотехнологии и новую стандартизированную форму жизни, выведенную в соответствии с принципами накопления в индустриальном свиноводстве [Blanchette 2020]. Соя, как показывает Крег Хетерингтон, из-за огромного мирового спроса пересобирает сегодня организацию сельского хозяйства по модели монокультурного агробизнеса в Парагвае, где неценные с точки зрения капитала растения подлежат уничтожению, а на их место входит новый, специально модифицированный «агробиополитиками» для извлечения наибольшей прибыли вид боба [Hetherington 2020]. Масличные пальмы, высаживаемые иностранными плантационными хозяйствами в Индонезии, вгрызаются в почву, распространяются в ландшафте, уничтожая привычные экологические ниши и вытесняя иные виды существ из их привычных экологий. Мигранты, работающие на плантациях, вытесняют местных жителей, которые маркируются как «ленивые» и неспособные работать, а местные виды растений душатся хищной пальмой [Li, Semedy 2021]. Орангутаны на острове Калимантан «пролетарируются» и встраиваются в рабочие ритмы, для того чтобы зарабатывать на собственную реабилитацию, необходимость которой вызвана действиями человека, вступая при этом в межвидовые отношения с сотрудниками реабилитационных центров и нарушая тем самым самоочевидность видовых различий и отношений заботы, обладающих более-чем-человеческим характером [Parreñas 2018]. Плантации чайных кустов [Besky 2013], пчелы, выводимые в промышленных условиях [Kosek 2019], атлантический лосось, видоизмененный рыбоводством для большей мобильности и нереста [Lien 2015], кораллы [Moore 2018], трудящиеся вместе с экозащитниками, и многие другие не-человеки попадают сегодня в отношения труда и производства, изменяя их и собственную природу. Межвидовые взаимодействия могут нести надежду: мы можем «становиться родными» с не-человеками (*making kin*) и вдохновляться жизненными путями гриба мацутакэ на руинах капитализма. Но здесь есть своя опасность — в попытке найти надежду не заметить изнанку межвидовых отношений, пахнущую гнилой свиной кожей. Изнанку, которая всегда соседствует с тем, на что бы нам хотелось обращать свое внимание.

Если отходить в сторону от критических и марксистски заряженных этнографий производственных процессов разной степени темноты и жесткости, любопытные межвидовые перспективы на труд могут быть обнаружены в области онтологических

программ в антропологии, ставящих под вопрос привычные различия между базовыми для евро-американского способа мышления категориями природы / культуры, человека / не-человека, субъекта / объекта. Сложившийся в западной социальной теории способ мышления о труде, идущий от Гоббса и Локка к Марксу и до наших дней, вообразает его в качестве исключительно человеческой способности, проистекающей из особой человеческой природы. Но обязательно ли субъект труда — это человек, отдельный индивид, задействующий свои творческие производительные способности, или труд может исходить из каких-то других источников, пространств? Быть не-человеческим по своей «природе»? Ответ не так очевиден. Элизабет Повинелли, говоря о своих индигенных коллегах из Австралии, рассказывает этнографические истории об их иной онтологии труда, проблематизирующей западные представления о производящем субъекте. Для жителей местности Белюэн на севере Австралии, где Повинелли вела полевую работу, земля, ландшафт в целом и его элементы являются живыми существами, а труд (*labor*) выходит за пределы того, что на западе называют «работой» (*work*). Дорога к земле, путь к определенным точкам ландшафта, общение с землей и о ней с другими существами, потоотделение из-за жары, аффекты, связанные со взаимодействием с предками, воплощенными в скалах, — все это составляет местную онтологию труда, взаимодействующую с Грезой (*The Dreaming*)¹. Труд задействуется в людях и через них не-человеческими существами, духами, обитающими в ландшафте. Не-человеческие существа, населяющие ландшафт, становятся субъектами труда. Скалы из красного песчаника, пустоши, ручьи и другие распределенные на большой территории существа, содержащие в себе следы давно ушедших предков. Следы, оставшиеся с нами навсегда и вызывающие необходимость особых производственных отношений, нарушающих границы продуктивности и эффективности, ассоциируемые с производством на Западе [Povinelli 1994; Повинелли 2022].

Антропология науки и технологий же, в свою очередь, оказывается менее «темной» областью. Межвидовость и учет не-человеческих существ почти с самого начала (если мы назовем Бруно Латура первым антропологом науки) были сильной ставкой в этой области. Не-человеки, как правило, конечно,

¹ Греза (*Dreaming, Dreamtime*) — космологическая система австралийских индигенных коллективов. Как пишет о ней Филипп Дескола, «под Грезой имеется в виду все то, что относится ко времени установления миропорядка в том виде, в каком это представлено в ритуальных сказках, сопровождающих тотемные церемонии. В них рассказывается, что первые существа вышли когда-то из земных глубин во вполне конкретных и известных местах, потому что некоторые из них отправлялись в полные приключений странствия, следы которых по-прежнему видны в окружающем мире в форме скалы, родника, роши или залежи охры» [Дескола 2012: 192–193].

оказывались техническими объектами, и вопрос об их видовой принадлежности не ставился, тем не менее многие важные для этой области положения вышли из наблюдения не только за техническими «объектами». Сам Латур в течение долгого времени принимал участие в этнографическом наблюдении в Кении и других местах за тем, как, оказывается, устроена социальная жизнь у бабуинов, как она совмещается с использованием технических средств и как разворачиваются научные дебаты вокруг тогда малоизученного вида *Papio anubis*¹. В последние годы написано довольно много этнографий того, как производится знание о не-человеческих существах и как оно используется для взаимодействий с ними. Я лишь коротко упомяну некоторые из недавних работ, которые кажутся мне крайне интересными. Адам Фиш в своей этнографии «управления морской жизнью» пишет о том, как дроны и другие технологические устройства задействуются сегодня океанологами и эко-активистами для изучения морских глубин и защиты морских организмов — черепах, акул, птиц, кораллов и др. — в ситуации, когда прямое, не опосредованное наблюдение невозможно. В ходе работы между исследователями и морскими существами возникают неочевидные формы близости и зависимости, пересекающие жесткие границы видов, а природа оказывается тем, что одновременно производится и утекает из-под контроля дронов и других технических объектов [Fish 2024]. Стефан Хельмрайх рассказывает историю о том, как морские и океанические волны и их обитатели оказываются впутанными в широкие политические и экономические порядки, изменяя в них свою природу, становясь в одних контекстах частями индигенных эпистемологий, в других — туристической инфраструктурой и иными объектами [Helmreich 2023]. Неочевидных межвидовостей касается Эмма Коваль, рассказывающая историю взаимодействия между западной биологией и индигенными жителями Австралии, которые на протяжении долгого времени были классическими объектами изучения для построения видовых классификаций. Коваль любопытно указывает на материальность — останков, волос, следов крови и других частей тела человека — как на то, благодаря чему мы можем проследить, как происходили изменения в политиках производства научных классификаций [Kowal 2023]. Межвидовые различия оказываются нестабильными — не только сегодня, но и с самого момента своего проведения, а само понятие вида постоянно расшатывается конкретными практиками человеческих и не-человеческих агентов.

¹ *Papio anubis* — Павиан анубис. История этой работы рассказывается самим Латуром: «Как мог я не поражаться этим обезьянам, чей путь пересекали скачущие газели, зебры и стада буйволов, а иногда мимо бесшумно проплывали гиппопотамы?» [Латур 2017: 251].

Это возвращает меня к полевой истории, которую я обещал рассказать вначале. Обучаясь на бакалаврской программе по социальной антропологии, я писал этнографический текст о том, как устроено неформальное лесопользование в Сибири, труд лесорубов в нем и отношения между теми, кто зарабатывает на лесе, его рубках и производстве стоимости, и теми, в чьи обязанности входит контролировать происходящее в лесах, — сотрудниками местных лесничеств и лесной полиции. Мне было интересно понять, как на практике становятся возможными труд и его организация там, где зарабатывание на жизнь жестко ограничено постоянным присутствием рядом людей, представляющих государство на местах. В ходе разговоров об отношениях рубщиков с сотрудниками низовой лесной бюрократии и полиции я слышал истории о том, что с некоторыми из них невозможно иметь «нормальные человеческие отношения», потому что «такая у них природа», которая не позволяет им «вести себя по-человечески». На мои расспросы о том, в чем проявляется эта природа, я получал ответы вроде того, что в этих сотрудниках «внутри сидит бл...ство», из-за чего они лишаются возможности занимать позицию другого и смотреть на реальность его глазами — «входить в положение» других людей или заниматься тем, что я в своем тексте называю «перспективистскими упражнениями». С сотрудниками необходимо быть осторожными. Необходимо уметь предугадывать их действия, потому что никогда точно неизвестно, чего от них ожидать, и неясно, сотрудник с какой «природой» окажется перед тобой. Он может быть «нормальным», а может быть с иной «природой». При этом черты эти нестабильные, и доверять полностью даже «нормальному» не стоит. Как бы я ни пытался вскрыть этот странный перспективизм пригородных лесов, он не особо давался мне. Любопытная закольцованность, где действия сотрудников объясняются природой, а их отличающаяся природа — их действиями. В ходе своих размышлений я стал думать о том, как в сибирском лесу происходят эти межвидовые различия и лежащие в их основе, как мне стало казаться в ходе работы, этические рассуждения тех людей, чей труд я мог наблюдать. Верно ли думать об этом как о межвидовости или мультиприродности, существующей вдали от «радикальной инаковости»? Я не знаю. Можно ли думать о не-совсем-людях как о другом виде? Я не знаю.

Но я знаю точно, что мне бы не хотелось автоматически производить здесь то, что Людек Брож называет «аналитической заменой», и говорить, что слова собеседников, которые являются для них буквальными и конкретными, на самом деле какая-то метафора, ширма, за которой что-то скрывается, а я, антрополог, тот, кто видит сквозь и рассказывает о том,

что за этим стоит [Broz 2024]. Какие зомби? Это просто местная критика капитализма. Какие духи? Это просто местная идиома для тревоги от резких экономических трансформаций. Какая природа? Какие другие виды? Какой перспективизм? Это просто дискурс для того, чтобы оправдать свои действия за счет риторического создания ужасного Другого. Да. Но нет. Если собеседники говорят о природе и различиях в ней, отличая себя от существ другого рода, то необходимо придержать свои мыслительные привычки и проявить интеллектуальную скромность. Как минимум этот ход оказывается интересным. Как максимум он может открыть пространство для пересборки антропологии в связке с этнографией и «искусством рассмотрения жизни в концептуальном языке» [Холбрад 2022]. Я не пришел для себя к четким ответам и не уверен в том, дает ли что-то здесь онтологический и/или межвидовой ход, и что именно, но размышление и мое письмо здесь об этом — путь к ответу.

2

У антрополога Ника Сивера в университете Тафтса (США) есть курс по антропологии внимания, который называется “How to Pay Attention” («Как обращать внимание»), рассчитанный на то, чтобы среди прочего предложить студентам проблематизировать сам ход обращения внимания на что-либо, его очевидность и антропологическое (не)внимание, в частности. Кажется, что весь заход антропологов в область изучения межвидовых отношений и говорения о них мог бы послужить хорошей иллюстрацией или отдельным сюжетом в курсе Сивера. Любопытно здесь подумать не о преимуществах или недостатках, но о проблемах межвидовой этнографии, одна из которых, как мне кажется, напрямую связана с вниманием и политиками его распределения. Как ни странно, эта проблема (не)внимательности вытекает из тех решений, которые были предложены в рамках исследований межвидового и уходящих от концептуальных различий евро-американского способа мысли, онтологических программ в антропологии, в ответ на ограниченность взгляда антропологов и не-учета множества иных существ (за пределами человеческого), действующих в изучаемых этнографических контекстах. Реальны и действуют не только люди. Антропология за пределами человеческого обращает критический взгляд на устройство внимания антропологов, указывая на его ограниченность, предвзятость, приводящую к исключению и незамечанию одних существ и форм отношений между ними и возвеличиванию других. Но кажется, что и сами критики сложившегося способа (не) обращать внимание кое-что упускают из виду. А именно важную особенность антропологической практики, которая нуждается во вдумчивом осмыслении и обращении внимания, — она всегда была межвидовой.

Возможно, мы никогда не были современными, но межвидовыми антропологи были всегда, даже когда всеми правдами и неправдами пытались загнать под пол странную реальность других существ, их присутствие и действенность в этнографических контекстах полевой работы. Страницы классических и не очень этнографий полны существ с самой разнообразной природой — духов, животных, ведьм, призраков, растений, зомби, душ и тех, кто не помещается в эти и другие категории. Проблема же состоит в том, чтобы увидеть за всеми ними нечто большее, чем просвечивающее из-за ширмы Социальное.

Кого мы наделяем статусом существования, реальности? Кому мы выдаем ярлык вида, а кому нет? Кто и что достойны внимания, а что так и остается незамеченным? Кажется, что политики (не)обращения внимания даже в межвидовой этнографии устроены крайне избирательно. В длинной межвидовой очереди к признанию антропологами ягуары, муравьеды и пекариевые заняли свое законное место, в то время как насекомые, камни, скалы и тем более духи, которых, кажется, в самую очередь впускают с трудом, так и остаются незамеченными или сведенными к какой-то замене. Изгнали ли мы из себя антропоцентризм, сохранив за собой избирательность признания того, кто для нас является настоящим, реальным, существующим, тем, с кем можно строить межвидовые связи, а кто не замечается либо сводится к статусу эпифеномена от работы социального? Антропологический разговор о межвидовости в этом смысле все еще остается в «рациональных» тисках онтологии натурализма, которая, несмотря на то что не является такой тотальной, чистой и стабильной, как ее изобразил Филипп Дескола, все равно остается с нами, оказывая свое влияние, хоть мы и убегаем от него в своей повседневной жизни, впадая в моменты феноменологического анимизма [Дескола 2012 (2006); Taussig 2010]. Непроблематичное заимствование понятия вида из западной биологии — одна из главных проблем. Понятие вида обладает огромной концептуальной силой притяжения, и стоит относиться к нему крайне осторожно, задаваясь вопросом о том, а что вообще дает нам метафорика, с ним связанная? Учитывая, что само понятие вида, как ни парадоксально в контексте намерений межвидовой этнографии порвать с антропоцентризмом и исключительностью человеческого, является глубоко «спешисистским» в отношении того, как и для кого оно используется. Почему духи не другие виды? Почему только животные и растения? Изредка скалы, горы и разнообразные части ландшафта. Мы всегда были межвидовыми, быть может, стоит обратить внимание на то, что было у нас перед глазами, но мы не замечали? Можно ли предложить альтернативное виду понятие? Я не знаю. Но у антропологии точно есть инструменты

и запас этнографических историй для этого. Возможно, нам стоит обратить внимание как раз на те контексты, где сами наши собеседники проводят границы между видами. Это может быть научная лаборатория, свиноферма, сибирский лес или деревня в Новой Гвинее — где угодно, где возникают подобные расшатывания очевидности этой категории. Например, как это было в полевой работе Роя Вагнера с дарибби, когда его сородичи, как он сам их называл, рассказывали ему о том, что люди на самом деле являются летучими мышами. Но особенными, вывернутыми наизнанку. Людей от летучих мышей отличает только наличие гендера. У летучих мышей с точки зрения дарибби его нет, а у людей он есть. В остальном это существа одной природы, и каждый человек — летучая мышь [Wagner 2001]. Дарибби не учитывают привычные нам разделения. Так, может быть, нам в поисках новых способов мышления последовать их примеру? Возможно, что именно рекурсивный способ работы предложит в будущем переформулировку мощного понятия вида. Если, конечно, она еще не произошла и я просто не обратил на нее внимания.

4

Вспоминая полемику между Эдуарду Вивейрушем де Кастру и Дэвидом Гребером, развернувшуюся вокруг использования понятия онтологии в антропологии, можно в несколько провокационном режиме переформулировать вопрос редакции, поставив его следующим образом: кто боится межвидовой этнографии? Ответ: кажется, что все те же, кто боится онтологического волка и того, что его вой сулит для дисциплины. А также цифровой этнографии, разговоров о капитализме, феминистской философии, исследований технологий и других направлений, маркируя их как несуществующие либо недостойные внимания. Небольшой опыт подсказывает, что часто это пересекающиеся множества. В чем могут быть причины того, что онтологии никуда не поворачиваются, а межвидовая этнография оказывается невозможной, помимо простого консерватизма? В чем причины того, что, пока глобальная антропология в своих разных воплощениях, не только евро-американских, все больше «индигенизируется», российская антропология как будто бы желает быть самой нововременной, в латуровском смысле, и рациональной? С одной стороны, неизбежно политически заряженному разговору о межвидовых отношениях просто оказывается некуда встроиться в российском академическом пространстве. Дискуссии о глобальном изменении климата, этике отношения к животным, руинах, оставленных капитализмом, коммодификации природы, новых биотехнологиях, радикальной инаковости и прочем не являются актуальными для российской антропологии. А отсутствие какой-либо политической повестки, с которой можно было бы солидари-

зироваться и вступить в межвидовые отношения, хорошо сочетается с травмой советского, когда дисциплинарный истеблишмент скептически относится ко взаимодействию со всем, что хоть как-то отдает критическим пафосом или активистским зарядом. С другой стороны, вдобавок к этой деполитизированности и оторванности от текущих дискуссий свою роль играют и мыслительные привычки. Структуралистско-семиотические рвы, за которыми продолжает существовать российская антропология / этнография, оказывается крайне трудно пересечь зверям и другим существам. Семиотические и структуралистские способы мышления плохо связываются ходом, лежащим в основе разных попыток вести разговор о видах и взаимодействии между ними, — принятием чего-либо всерьез (*take it seriously*). В данном случае множественных не-человеческих существ. Взаимодействий с ними и между ними, их агентности в социальных отношениях. Проблема состоит в том, что для этих способов видения животные, растения и другие существа должны быть онтологически умерщвлены. Они — символы, знаки, коды, их можно дешифровать, интерпретировать, но не вступать с ними в отношения и не строить связи, не видеть их как действующих здесь и сейчас. В этом бестиарии никто не дышит — аналитическая замена убивает всех, кто подходит близко к клетке со структуралистскими решетками. Боюсь, что для изменения этого даже природной энергии будет недостаточно. Стены непреступны, волки остаются выть в далеких лесах.

Но дело, конечно, не только в этом. Возможно, даже не столько. Перестроить чувствительность и приметливость оказывается крайне сложно. «Принятие всерьез» требует серьезных усилий. Один из источников научения этой чувствительности как раз могут дать антропологи в своих этнографиях и в искусстве посредством концептов в них. За время чтения и размышления для ответов на вопросы я не раз обращал внимание (и ловил самого себя на этом обращении) на других существ: воробьев в курилке университета, тащащих траву себе в гнездо, собак в саду напротив общежития, играющих друг с другом, голубя, выпрашивающего картошку фри, мотылька, кружащего вокруг лампы посреди ночи, паука на письменном столе и крыс за мусорными баками. Чувствительность и приметливость — дело сложное, но, кажется, возможное. Во всяком случае попробовать присмотреться стоит — это просто интересно.

Библиография

Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / Пер. О. Смолицкой, С. Рындина. М.: НЛО, 2012. 584 с.

Латур Б. Биография одного исследования: к работе о модусах существования // Логос. 2017. № 1 (116). С. 217–244.

- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1960. Т. 1. 508 с. (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23).
- Повинелли Э. Предки навсегда! Бессмертные миры Антона Видокле // Смирнов Н. (ред.-сост.). Граждане космоса: русский космизм в фильмах Антона Видокле. М.: Ad Marginem, 2022. С. 162–173.
- Холбрад М. Контуры отношений: антропология как концептуальная морфология // Логос. 2022. № 2 (147). С. 131–166.
- Besky S. The Darjeeling Distinction: Labor and Justice on Fair-Trade Tea Plantations in India. Los Angeles, CA: University of California Press, 2013. 264 p.
- Besky S., Blanchette A. “The Naturalization of Work.” Theorizing the Contemporary // *Fieldsights*. 2018, July 26. <<https://culanth.org/fieldsights/series/the-naturalization-of-work>>.
- Besky S., Blanchette A. (eds.). How Nature Works: Rethinking Labor on a Troubled Planet. Albuquerque, NM: University of New Mexico, 2019. 272 p. (SAR Press Advanced Seminar Series).
- Blanchette A. Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm. Durham, NC: Duke University Press, 2020. 320 p.
- Broz L. Evil Spirits and Rocket Debris. In Search of Lost Souls in Siberia. N.Y.: Berghan, 2024. 256 p.
- Fish A. Oceaning: Governing Marine Life with Drones. Durham, NC: Duke University Press, 2024. 248 p.
- Helmreich S. A Book of Waves. Durham, NC: Duke University Press, 2023. 432 p.
- Hetherington K. The Government of Beans: Regulating Life in the Age of Monocrops. Durham, NC: Duke University Press, 2020. 296 p.
- Kosek J. Industrial Materials: Labor, Landscapes, and the Industrial Honey Bee // Besky S., Blanchette A. (eds.). How Nature Works: Rethinking Labor on a Troubled Planet. Albuquerque, NM: University of New Mexico, 2019. P. 149–168. (SAR Press Advanced Seminar Series).
- Kowal E. Haunting Biology: Science and Indigeneity in Australia. Durham, NC: Duke University Press, 2023. 264 p.
- Li M.T., Semedi P. Plantation Life: Corporate Occupation in Indonesia’s Oil Palm Zone. Durham, NC; L.: Duke University Press, 2021. 256 p.
- Lien M.E. Becoming Salmon: Aquaculture and the Domestication of a Fish. Berkeley, CA: University of California Press, 2015. 232 p.
- Moore A. Working Together to Restore the Reef: Naturalizing Corporate Forms of Coral, Labor, and Responsibility. Theorizing the Contemporary // *Fieldsights*. 2018, July 29. <<https://culanth.org/fieldsights/working-together-to-restore-the-reef-naturalizing-corporate-forms-of-coral-labor-and-responsibility>>.
- Parreñas J.S. Decolonizing Extinction: The Work of Care in Orangutan Rehabilitation. Durham, NC: Duke University Press, 2018. 288 p.
- Povinelli E. Labor’s Lot: The Power, History, and Culture of Aboriginal Action. Chicago, IL: Chicago University Press, 1994. 339 p.
- Taussig M. Animism and the Philosophy of Everyday Life. Le Tour de Tiergarten // Franke A. (ed.). Animism. B.: Sternberg Press, 2010. Vol. 1. P. 199–201.

Wagner R. An Anthropology of the Subject: Holographic Worldview in New Guinea and Its Meaning and Significance for the World of Anthropology. Los Angeles, CA: University of California Press, 2001. 288 p.

**ОКСАНА ЗАПОРОЖЕЦ,
ЕЛЕНА БОГДАНОВА,
ЕЛЕНА НИКИФОРОВА**

1

Мы отвечаем на вопросы «Форума», опираясь на опыт нашего участия в проекте «Слоеный пирог соседства», посвященном изучению современного соседства в России и Финляндии и проводившемся в 2017–2022 гг.¹ На определенной стадии проекта представители других видов, прежде появившиеся в поле нашего зрения в качестве посредников в отношениях между людьми, вышли на авансцену в качестве независимых соседей, обладающих собственной агентностью. Расширение оптики нашего исследования было связано с обновленной повесткой финансирующего наш проект фонда Конне (Финляндия), заявившего экологическую тематику и исследование взаимодействия с *не-человеками* (*non-humans*) в качестве своих приоритетов. Мы восприняли это как интеллектуальный вызов и возможность посмотреть на соседство из менее знакомой нам перспективы многовидовых исследований. Так в проекте, изначально рассматривавшем разные масштабы человеческого соседства, от соседства по лестничной клетке до соседства жителей приграничных регионов, появился глобальный масштаб, а наше понимание соседства получило новое теоретическое обрамление в виде концепции Антропоцена [Crutzen 2006; Lewis, Maslin 2015; Haraway 2016; Latour 2017] и поля смежных и связанных с ней теоретических идей и подходов, таких как более-чем-человеческие (*more-than-human*), плоские

Оксана Николаевна Запорожец
Университет им. Гумбольдтов,
Берлин, Германия
oksana.zaporozhetc@hu-berlin.de

Елена Александровна Богданова
Независимый исследователь,
Хельсинки, Финляндия
bogdanova.nova@gmail.com

Елена Дмитриевна Никифорова
Независимый исследователь,
Хельсинки, Финляндия
elenikifor@gmail.com

¹ Информация о проекте «Слоеный пирог соседства» доступна по ссылке: <<https://privetsosed.org/>>. См. также специальный выпуск журнала “Laboratorium” (2021. Vol. 13): <<https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/issue/view/39>>.

и сетевые онтологии [Sturgeon 1953; DeLanda 2006; Holbraad et al. 2014; Kohn 2015], многовидовые исследования [Haraway 2013; 2016], новый материализм и постгуманизм [Брайдотти 2021; Braidotti et al. 2022]. В этом смысле, отвечая на заданный вопрос, можно действительно констатировать перемены в исследованиях соседства, сделанные нами с подачи фонда-новатора.

Сложно ответить на вопрос, какие живые существа уже включены в опыт исследований, и еще сложнее предложить списки объектов или организмов, которые пока остаются незамеченными. Стоит вспомнить о существовании эпистемологических полей, помимо собственно многовидовых исследований, в которых изучается взаимодействие различных видов. Акторно-сетевая теория, основы которой заложены Мишелем Каллоном, Бруно Латуром, Стивом Вулгаром, придала качественно новое значение не-человекам в построении общества, сосредоточив внимание на технологиях и вещной среде. Ближе к многовидовым исследованиям оказались работы «Лабораторная жизнь» [Latour, Woolgar 1979] и «Надежда Пандоры» [Latour 1999], в которых ученые создали онтологический релятивизм, задающий образ мира как «строительной площадки», на которой человеческие и не-человеческие агенты коллективно производят социальность. Известнейшая работа Мэри Дуглас «Чистота и опасность» [Douglas 1966] актуальна своими предположениями о смыслах «чистого» и «нечистого», «порядка» и «беспорядка» в среде, окружающей человека. В «Феноменологии восприятия» Морис Мерло-Понти показал, как посредством тела человека, обладающего чувствами и способного воспринимать окружающий мир, наполненный другими живыми существами, вещами, ароматами, звуками, конструируются субъективности, смыслы реального мира в его специфичности [Мерло-Понти 1999 (1945)].

Каждая из этих теоретических конструкций, предложенных авторами, достаточно универсальна и широка для того, чтобы породить практически бесконечное многообразие исследовательских объектов. При разнообразии подходов и методологий исследователям дана главная подсказка: социальное стоит искать не только в человеке, но и в сложных и многообразных, осознанных и неосознанных взаимодействиях со всем, что его окружает.

Если говорить о многовидовых исследованиях, то сегодня мы видим, что выбор объектов изучения ограничивается только фантазией и исследовательским воображением ученых. Исследования животных и их со-существования с людьми сложились в самостоятельное, сложно организованное и стремительно развивающееся поле со своими теоретиками, образовательными программами и отраслевыми журналами. Известны исследова-

ния насекомых (см., например: [Raffles 2010]), бактерий и вирусов. Объектами исследований становятся растения, камни [Lindstrøm 2015], вода, воздух в больницах [Brown et al. 2020], прачечные как места производства чистоты [Pink 2011] и многое другое.

Что касается нашего опыта, изначальная перспектива проекта — жилищное соседство — сосредоточила наше внимание прежде всего на самых распространенных «соседях» человека в городской среде. В поле нашего интереса попали комнатные и городские растения, насекомые [Бредникова 2021], птицы в городской черте. Мы также рассматривали сосуществование видов (человека и «домашних питомцев») в пределах отдельно взятой городской квартиры. Из не-человеков, не поддающихся точной классификации в качестве живых организмов, объектом нашего внимания стала пыль как обладатель особой агентности в соседстве, в то время как начало пандемии подтолкнуло нас к исследованию соседства с новым влиятельным не-человеческим актантом — вирусом. Таким образом, спектр не-человеческих существ, обративших на себя внимание проекта, был широк, но при этом ограничен рамками городского соседства. В связи с этим ответ на вопрос, кого из живых существ было бы продуктивно включить в исследование, на наш взгляд, напрямую связан с постановкой исследовательской проблемы в каждом конкретном проекте и выбором соответствующих не-человеческих *vis-a-vis*.

Несмотря на внушительный список объектов нашего интереса, нам все-таки кажется, что более важным вопросом является не «какие виды необходимо включать в исследование?», а «как это нужно делать?» Способом решения этой задачи может стать развитие важных исследовательских навыков — «искусства приметливости» (*the art of noticing*) [Tsing 2012], предполагающего примечание различных существ и развитие интереса к их мирам, а также «искусства внимательности» (*the art of attentiveness*) [van Dooren et al. 2016], напоминающего об ответственности исследователя и необходимости осознанного ответа людей на голоса не-человеческих соседей для взаимопольного существования видов.

2

Наши ответы на вопросы «Форума» во многом обусловлены оптикой и задачами нашего проекта. Работая над ним, мы старались соотнести свою работу с общим состоянием многовидовых исследований, чтобы иметь хотя бы несколько готовых ответов на постоянно умножавшиеся вопросы. Многовидовая этнография, или, точнее, многовидовые исследования, частью которых она является, — зонтичное понятие. Оно объединяет множество различных предметных полей, что делает невозможным разговор о ее единой основной задаче. Мы выделили

несколько приоритетов, которые в той или иной степени разделяют перспективы, образующие многовидовые исследования.

Во-первых, это активная выработка нового понимания социального пространства. В его основе может лежать или полный отказ от антропоцентричности, или развитие чувствительности человека к многообразию живых организмов и их отношений с помощью тех самых «искусств» приметливости и внимательности, которые мы упоминали выше. Если в первом случае значение человека радикально переопределяется (он объявляется одним из множества живых существ, отвергается исключительность его роли в организации миропорядка и соответственно его особая важность как объекта исследования), то во втором случае не происходит радикальной ревизии роли человека — он сохраняет свою значимость как точка сборки, участник и связующее звено в отношениях между организмами или как аналитик, чье «искусство приметливости» позволяет множеству живых организмов быть замеченными и признанными, а следовательно, включенными в орбиту новых отношений.

Во-вторых, аналитическим приоритетом большого числа направлений многовидовых исследований является изучение взаимного влияния и сосуществования человека и живых организмов, которые исследователи стремятся ухватить понятиями «совместное становление» (*becoming-with*) [Haraway 2013], «взаимное одомашнивание» (*mutual domestication*) [Swanson et al. 2018], «совместное проживание» (*conviviality*) [Donati 2019] и их аналогами. Акцент на совместном существовании — отчасти результат осознанного выбора социальных исследователей, отчасти вынужденная мера, ведь большинство из них не обладают специализированными знаниями, позволяющими изучать живые организмы или человека как живой организм. Фокусирование на *совместности* абсолютно оправдано, поскольку интерес представляют взаимные изменения, происходящие вследствие взаимодействия человека и живых организмов, как это было при столкновении вируса и человека во время пандемии Covid-19, когда вирус радикально изменил жизнь миллионов людей, но и действия людей (создание прививок, соблюдение мер безопасности и многое другое) изменили и сам вирус, и его распространение.

В-третьих, парадоксально, но при более или менее радикальном отказе от антропоцентричности многовидовые исследования «переносят на человека всю полноту ответственности» за происходящее [van Dooren, Rose 2012: 19]. То есть, ослабляя эпистемологический антропоцентризм, многовидовые исследования укрепляют этическую человекоцентричность. Развитие этики чувствительности по отношению к живым организмам

и признание необходимости понимания их интересов на практике означает тесную переплетенность многовидовых исследований с этикой защиты живых организмов и идеями взаимовыгодного существования видов [van Doogen et al. 2016], а значит, и более или менее плотное взаимодействие с экологическим или другого рода активизмом.

В-четвертых, особую роль в многовидовых исследованиях играет масштабирование — демонстрация тесной связи микро- и макропроцессов, их каузальной зависимости. Книга Алекса Нейдинга «По следам комара» [Nading 2014], рассказывающая о комарах — возбудителях лихорадки денге в Манагуа, столице Никарагуа, показывает плотные связи между, на первый взгляд, не связанными явлениями — развитием вторичного рынка автомобилей в США, глобальными интересами и инвестициями Евросоюза, кризисом социалистической системы в Никарагуа и всплеском лихорадки денге в небольшом пригороде никарагуанской столицы, распространяющейся оттуда в другие города и страны. Демонстрация связанности и каузальных зависимостей микро- и макропроцессов вносит существенный вклад в формирование искусства примечания и ответственности. Также вписывание процесса в более широкие социальные контексты, демонстрация масштабных последствий малых действий является важным аналитическим навыком и политическим заявлением в странах, к числу которых можно отнести и Россию, в которых институционально и социальной организацией в целом поддерживается индивидуализм и представление о небольшом радиусе влияния индивидуальных действий. Однако обратная сторона процесса (идея о неизбежности существования каузальных зависимостей, связанности всего со всем) может стать для социальных наук шагом назад, ведь именно ему противостояла часть социальных теорий XX в. с их идеями эмерджентности, значимости пустот и разрывов.

И наконец, последняя, но не менее важная задача многовидовых исследований, — это создание нового языка, позволяющего фиксировать сложность отношений между живыми организмами. Новый язык включает и заимствования из естественных наук, и создание новых понятий или переопределение уже имеющихся в социальных науках. Пожалуй, одна из основных сложностей создания вокабуляра, чувствительного к многовидовому сосуществованию, — это перевод имеющихся терминов на национальные языки. Если для классических наук такой *lingua franca* была латынь, то для современной многовидовой этнографии (как и социальных наук в целом) языком обсуждения становится английский, что требует от всех стремящихся обсуждать многовидовое взаимодействие дополнительных усилий по переводу понятий и языковой чувствительности.

Многовидовые исследования очевидно требуют от социальных ученых новых знаний в той области, к которой собственно относятся не-человеки, ставшие предметом нашего интереса. Можем ли мы исследовать их, не будучи биологами, зоологами, вирусологами? Как социальным исследователям преодолеть «синдром самозванца»? На наш взгляд, оптимальным выходом из сложившейся ситуации является формулировка социальными исследователями исследовательской проблемы, адекватной их инструментарию. В то время как фокусирование на самих не-человеческих акторах предполагает специальное профессиональное знание, оптика социальных исследований позволяет зафиксировать сети и связи, сосредоточиться на взаимоотношениях людей с не-человеческими акторами и на социальных смыслах акторов и этих отношений. Мы думаем, что социологам и антропологам стоит просто принять невозможность полного ухода от антропоцентричной перспективы в многовидовых исследованиях.

Признание ограниченности социальных наук в изучении не-человеков не означает триумфа или установления монополии естественных наук. Гораздо более продуктивной кажется выработка междисциплинарного подхода, которая, однако, требует времени и готовности представителей социальных и естественных наук идти навстречу друг другу. Такая готовность включает признание социальными и естественными науками важности аналитических перспектив друг друга, формирование языка обсуждения и пространств, в которых это обсуждение будет происходить. Существует ли такое «движение навстречу» в реальности? Определенно да, и не только со стороны социальных наук. Современная интеллектуальная мода и запрос на популяризацию науки способствуют появлению если не «публичных» естественных наук, то по крайней мере отдельных специалистов, ориентированных на доступный широкой публике рассказ и способных приблизить объект своего исследования к человеку и обществу, социологизировать природное. В условиях антропоцентричной культуры примечание не-человеческого существа, а тем более признание его хоть сколько-нибудь равноправным партнером по взаимодействию, требует значительных интеллектуальных усилий, готовности расширять рамки восприятия и воображения. Не случайно важным пространством рефлексивного диалога стало современное искусство, а инициаторами междисциплинарной дискуссии — художники и кураторы. Можно привести множество примеров такого рода работ, а из числа реализованных в России и совпавших по времени с нашим проектом стоит вспомнить масштабную выставку 2019 г. в музее «Гараж» «Грядущий мир: экология как новая политика: 2020–2100», в русле глобальной

экологической повестки обсуждавшую Антропоцен и его эффекты и ставшую значимым культурным и академическим событием. В основу концепции выставки легло актуальное для межвидовых исследований расширенное понимание экологии как непрерывного взаимодействия человека, неживой природы и других биологических видов и понимание тесной взаимосвязи биологических, технологических, социальных и политических экосистем. Еще одним междисциплинарным проектом, объединившим ученых и художников и напрямую нацеленным на исследование соседства и сосуществования людей и живых организмов в городской среде, стал проект «Природа в городе: не-человеческие гетеротопии», реализованный в 2021 г. музеем истории Санкт-Петербурга. Направляя оптику на не-человеков в городской среде — растения, реки, лишайники, птиц, насекомых, проект рассматривал «не-человеческие гетеротопии» — пустыри и заброшенные территории в городе, где эти организмы живут и трудятся. Итогом проекта стало создание пространства междисциплинарной дискуссии, образованное офлайн- и онлайн-выставкой, и активные попытки выработки общего языка обсуждения, воплотившиеся и в художественных продуктах, и в академических текстах.

3

Социальные исследования на сегодняшний день обладают широким спектром методов. Однако когда мы пытаемся применить методы, привычные для социальных наук, к межвидовым исследованиям, то сталкиваемся с рядом сложностей. Обычные для социальных наук методы сбора и анализа данных в большинстве своем антропоцентричны. Они придуманы людьми для изучения людей, обладающих человеческим сознанием. Мы не можем взять интервью у животного, не можем попросить его написать дневник или нарисовать ментальную карту. Попытки прямо повторить алгоритмы, заложенные в привычные методы социальных исследований, часто приводят к тому, что не-человеки «очеловечиваются», начинают говорить голосом исследователя, обретают характеристики и свойства, присущие человеку.

Перспективным здесь могло бы стать развитие методов и подходов, которые уменьшают значение человека-исследователя как автора исследовательских вопросов и интерпретаций и превращают его в наблюдателя, хотя бы на этапе сбора данных. Востребованными в этом случае оказываются этнографические методы, предполагающие длительный контакт с объектом исследования, отводящие ключевую роль наблюдению и углубленной рефлексии того, как позиционирован исследователь относительно поля. Если не-человеки попадают в поле зрения социального исследователя, полезным может быть знакомство с лабораторными методами, применяемыми в естественных

науках. Помимо непосредственно методов изучения устройства жизни вирусов, бактерий, насекомых, важно обратить внимание на то, какая роль в таких исследованиях отводится исследователю, что ожидается как конечный результат.

Из набирающих популярность методов интересными представляются визуализации, сопровождающие наблюдение, — зарисовки, скетчи, иллюстрации, востребованные сейчас и в других дисциплинах. В известной книге Хью Раффлза «Инсектопедия» [Raffles 2010] приводится пример исследования, в котором художница Корнелия Хессе-Хонеггер зарисовывала глаза дрозофил, подвергшихся радиационному облучению. Ее иллюстрации показали то, что остается не замеченным невооруженным глазом человека, — деформации и мутации у живых существ. Результатом исследования стала выставка иллюстраций. Эта работа — отличный пример того, как методические эксперименты могут дать голос живым существам и стать мощным высказыванием на пересечении науки, искусства, активизма и политики.

Между тем привычные методы социальных исследований вряд ли стоит сбрасывать со счетов. При корректной постановке вопроса, изобретательности и рефлексивности исследователей они остаются востребованы и эффективны. Так, в ходе пандемии Covid-19 нашей исследовательской группе удалось изучить изменение практик соседствования, когда все контакты лицом к лицу были маркированы как опасные и крайне нежелательные. Используя дневниковый метод, мы попросили москвичей и петербуржцев вести дневники, в которых им предлагалось описывать свою повседневность. Благодаря дневникам нам удалось узнать, как менялось соседство не только с людьми, но и с вирусом — как он становился значимым агентом взаимодействия, радикально переопределяя повседневность [Богданова 2020; Запорожец, Ткач 2020]. Можно предположить, что антропоцентричность методов социальных исследований при всех их очевидных недостатках позволяет сохранить нишу социальных наук в межвидовых исследованиях отчетливой и специфической.

4

Важно принимать во внимание особенности и различия социальных и национальных контекстов, в которых существует наука. Стимулом для расширения нашего взгляда на соседство с нечеловеческими существами стал грантовый конкурс финского фонда Конне, активно продвигающего междисциплинарные исследования и коллаборации ученых и художников по актуальным темам, включая экологию. Признание общественной значимости экологической повестки и нормализация экологического сознания и практик в Финляндии — общеизвестный факт. При этом в других странах и контекстах фокусирующаяся на

не-человеческом оптика может быть совершенно нерелевантна актуальной общественной повестке, и внимание к не-человеческим сущностям, а тем более признание за ними агентности, может быть непонятно аудитории. Мы полагаем, что в России вследствие слабости и нераспространенности экологической повестки внимание к межвидовым отношениям остается достаточно скромным.

5

Исследования микроорганизмов и животных могут как способствовать политизации, требуя изменения существующего положения из-за множества природных и климатических проблем и противоречий, так и поддерживать деполитизацию, переключая внимание на не-человеков, вырванных из социального контекста, и тем самым создавая «науку ради науки».

На уровне постановки исследовательских задач разделять науку и политический активизм несложно. Область многовидовых исследований обнаруживает большое количество тем, не связанных напрямую с политическим активизмом: животные-компаньоны, забота и ассистирование, здоровье животных и людей, различные виды безопасности, путешествия, гуманистические вопросы. Все это уже оформлено в самостоятельные сегменты научных исследований и может существовать автономно от активизма. Другое дело, что поля научных исследований и активизма давно и плотно связаны отношениями заимствований и обмена идеями. Представляется, что хитросплетение дисциплин и полей, на перекрестке которых развиваются межвидовые исследования, гораздо сложнее, чем наука и политический активизм. Многовидовые исследования тесно связаны и с искусством, и с волонтерской деятельностью. Результат коллабораций, нарушающих привычные границы, всегда неожиданный и поэтому крайне важный для развития искусства приметливости и будущего многовидовых исследований.

Библиография

- Богданова Е. Соседство как социальные костыли самоизолянта // Соседство. 2020. <<https://privetsosed.org/kostyli-samoizolyanta>>.
- Брайдоитти Р. Постчеловек / Пер. Д. Хамис. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 408 с.
- Бредникова О. Салфеточкой или тапком? Или как клопы связаны с безнравственностью. Подкаст «Беспредельная социология», 2021. <<https://podcasters.spotify.com/pod/show/cisr-podcast/episodes/ep-e10s2p7>>.
- Заторожец О., Ткач О. Соседство на карантине (по материалам дневников москвичей и петербуржцев) // Соседство. 2020. <<https://privetsosed.org/covid2020>>.
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. М.: Ювента; Наука, 1999 [1945]. 608 с.

- Braidotti R., Jones E., Klumbyte G.* (eds.). *More Posthuman Glossary (Theory in the New Humanities)*. L.: Bloomsbury Publishing, 2022. 224 p.
- Brown N., Buse C., Lewis A., Martin D., Nettleton S.* Air Care: An “Aerography” of Breath, Buildings and Bugs in the Cystic Fibrosis Clinic // *Sociology of Health and Illness*. 2020. Vol. 42. No. 4. P. 972–986.
doi: 10.1111/1467-9566.13104.
- Crutzen P.J.* The “Anthropocene” // Ehlers E., Krafft T. (eds.). *Earth System Science in the Anthropocene*. B.; Heidelberg: Springer, 2006. P. 13–18.
doi: 10.1007/3-540-26590-2_3.
- Donati K.* “Herding Is His Favourite Thing in the World”: Convivial World-making on a Multispecies Farm // *Journal of Rural Studies*. 2019. Vol. 66. P. 119–129. doi: 10.1016/j.jrurstud.2018.12.008.
- Douglas M.* *Purity and Danger. An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. L.: Routledge; Kegan Paul, 1966. 196 p.
- DeLanda M.* *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. L.: Bloomsbury, 2006. 160 p.
- Haraway D.* *When Species Meet*. Minneapolis, MN: The University of Minnesota Press, 2013. 440 p.
- Haraway D.* *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*. Durham, NC: Duke University Press, 2016. 304 p.
- Holbraad M., Pedersen M.A., Viveiros de Castro E.* “The Politics of Ontology: Anthropological Positions.” *Theorizing the Contemporary // Fieldsights. Cultural Anthropology*. 2014. <<https://culanth.org/fieldsights/the-politics-of-ontology-anthropological-positions>>.
- Kohn E.* *Anthropology of Ontologies // Annual Review of Anthropology*. 2015. Vol. 44. No. 1. P. 311–327. doi: 10.1146/annurev-anthro-102214-014127.
- Latour B.* *Pandora’s Hope: Essay on the Reality of Science Studies*. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 1999. 324 p.
- Latour B.* *Anthropology at the Time of the Anthropocene: A Personal View of What Is to Be Studied // Brightman M., Lewis J. (eds.). The Anthropology of Sustainability. Palgrave Studies in Anthropology of Sustainability*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2017. P. 35–49.
doi: 10.1057/978-1-137-56636-2_2.
- Latour B., Woolgar S.* *Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979. 294 p.
- Lewis S.L., Maslin M.A.* *Defining the Anthropocene // Nature*. 2015. Vol. 519. P. 171–180. doi: 10.1038/nature14258.
- Lindström T.* Agency “in Itself”. A Discussion of Inanimate, Animal and Human Agency // *Archaeological Dialogues*. 2015. Vol. 22. No. 2. P. 207–238.
doi: 10.1017/S1380203815000264.
- Nading A.M.* *Mosquito Trails: Ecology, Health, and the Politics of Entanglement*. Oakland, CA: University of California Press, 2014. 288 p.
- Pink S.* *Dirty Laundry: Everyday Practice, Sensory Engagement and the Constitution of Identity // Social Anthropology*. 2011. Vol. 13. No. 3. P. 275–290. doi: 10.1111/j.1469-8676.2005.tb00391.x.
- Raffles H.* *Insectopedia*. N.Y.: Pantheon Books, 2010. 480 p.
- Sturgeon T.* *More Than Human*. N.Y.: Farrar, Straus & Young, 1953. 233 p.

- Swanson H.A., Lien M.E., Ween G. Domestication Gone Wild: Politics and Practices of Multispecies Relations. Durham, NC: Duke University Press, 2018. 272 p.
- Tsing A. Unruly Edges: Mushrooms as Companion Species: For Donna Haraway // Environmental Humanities. 2012. Vol. 1. No. 1. P. 141–154. doi: 10.1215/22011919-3610012.
- van Dooren T., Kirksey E., Münster U. Multispecies Studies: Cultivating Arts of Attentiveness // Environmental Humanities. 2016. Vol. 8. No. 1. P. 1–23. doi: 10.1215/22011919-3527695.
- van Dooren T., Rose D.B. Storied-places in a Multispecies City // Humanimalia. 2012. Vol. 3. No. 2. P. 1–27. doi: 10.52537/humanimalia.10046.

СТЕПАН КАЛИНИН

1

Поскольку в область моих научных интересов отчасти входит и биосемиотика, то, конечно же, вопрос о сходстве и различиях в характеристиках коммуникации человека разумного (*Homo sapiens*) и других биологических видов (как внутривидовой, так и межвидовой) не может не быть интересен. Более того, полагаю, что он может и должен быть интересен всякому лингвисту, кому небезразличен вопрос о происхождении и развитии человеческой способности к усвоению и использованию языка, а также способности человека к коммуникации.

Конечно, здесь есть опасность слишком радикальных и упрощенных суждений, начиная от полного уподобления коммуникативных систем животных и их коммуникативного поведения человеческому языку и речевой деятельности и заканчивая постулированием радикального разрыва между языком человека разумного и системами коммуникации других живых организмов (ср. с известным высказыванием Е.Н. Панова о «пропасти» между теми принципами, по которым организованы естественные коммуникативные системы животных, и человеческим языком [Панов 2012: 21]).

Помимо прочего, определенная опасность заключается и в том, что мы невольно можем начать «очеловечивать» коммуникативное поведение животных и особенности их систем коммуникации (например, начав

«отыскивать» и «выявлять» фонемы и морфемы по аналогии с тем, что имеется в человеческом языке). Под данное определение теоретически можно подвести и какую-либо из коммуникативных систем других живых организмов, по крайней мере высших животных, поскольку зачастую термин «язык» трактуется достаточно широко (ср. определение языка, данное в одной из последних монографий Вяч.Вс. Иванова, а именно «система знаков, допускающая интерпретацию» [Иванов 2016: 205]). Вместе с тем хотелось бы все-таки предложить оставить собственно термин «язык» за той знаковой системой коммуникации, что используется человеком разумным, а термин «коммуникативная система» — за прочими живыми организмами.

В современной лингвистике, на мой взгляд, сложилась достаточно странная ситуация с изучением человеческого языка на фоне коммуникативных систем других организмов. С одной стороны, вопрос о происхождении и эволюции языка принадлежит к числу «вечных» в языкознании, по всей видимости, они вечно будут волновать новые поколения лингвистов. Это наблюдение подтверждается и данными других исследователей. Так, в статье Й. Нелле, Ш. Хартманна и П. Тинитса содержатся ремарки о том, что изучение глоттогенеза, являясь в настоящий момент одной из наиболее быстроразвивающихся областей лингвистики, всегда интересовало ученых, у которых теперь есть возможность эмпирически получить ответы на многие вопросы [Nölle et al. 2020: 3–4].

С другой стороны, в доминирующей ныне так называемой антропоцентрической парадигме языкознания (в которую зачастую включают и когнитивную лингвистику) вопрос о том, каким образом язык возник и развивался, как будто снят с повестки дня. К сожалению, лично мне неизвестны работы представителей когнитивной лингвистики, в которых бы с позиции этого направления детально разбирался вопрос о глоттогенезе, что кажется несколько странным, поскольку эволюция языка очевидно связана с эволюцией мышления, его форм, а также познания. Восполнять пробелы приходится представителям других лингвистических направлений, а зачастую и вообще других наук. Все это волей-неволей подталкивает к междисциплинарному взаимодействию, которое, как представляется, эффективно может осуществляться в рамках биосемиотики как отдела семиотики, занимающегося знаковым поведением живых существ. Изучением межвидовой коммуникации и знакового взаимодействия между различными организмами («человек — животные» как частный случай) тоже, по всей видимости, должна заниматься биосемиотика, а не традиционная лингвистика.

2

Преимущество в использовании междисциплинарного подхода (по крайней мере в рамках биосемиотики) вижу в том, что это позволяет, во-первых, выявить те особенности, которые в самом деле отличают язык человека разумного от других типов коммуникативных систем, что можно сделать путем сопоставления языка и его контрастивного анализа на фоне таких коммуникативных систем. Во-вторых, в перспективе это может дать ответ на извечный вопрос теории языковых универсалий: что в принципе может быть в языке человека разумного, а чего там быть не может, — а также на вытекающий из него другой вопрос: почему, по какой причине то или иное явление, та или иная характеристика свойственны нашему языку. Как представляется, продуктивным для исследований коммуникации «в царстве животных и в мире человека» (если использовать название известной работы Е.Н. Панова [Панов 2017]) может быть понятие умвельта. Это понятие определяется следующим образом: умвельт является совокупностью тех особенностей окружающей среды, которые вычлняются из нее организмом, в ней находящимся (см.: [Kull et al. 2009: 172]). Представляется, что использование методологического и концептуального аппарата биосемиотики может стать полезным и для изучения взаимодействия, в том числе коммуникации человека с другими живыми существами (эту тему я уже затрагивал в ответе на первый вопрос).

В то же время нельзя не отметить определенного влияния биосемиотических исследований на изучение ряда традиционных лингвистических вопросов. Упомяну здесь относительно недавнюю работу К. Кулля, посвященную анализу феномена значения с биологических и биосемиотических позиций [Kull 2023]. В предисловии автором отмечается, что способность какого-либо организма к созданию значений тесным образом связана с существованием умвельта у данного организма [Kull 2023: 161]. Таким образом, в перспективе открываются возможности для «нестандартного» изучения лингвистической семантики в более широкой биосемиотической перспективе по сравнению с тем, что мы имеем в современных лексикологических, функционально-семантических, грамматико-семантических и прочих областях науки о языке. В конечном итоге нужно помнить о том, что еще Я. фон Икскюлем основная цель исследований в области теории умвельта определялась как создание теории того, как устроена природа, путем изучения знакового поведения различных живых существ (см.: [Augustyn 2013: 97]).

Конечно, нельзя забывать, что человек представляет собой не только биологическое, но и социальное существо (в связи с этим интересна биокультурная теория значения, разработанная

Й. Златевым [Златев 2006 (2003)]). В то же время исследование как природы, так и «второй природы» может осуществляться и семиотическими методами, что ярко продемонстрировала еще Московско-Тартуская семиотическая школа, традиции которой продолжают современными представителями тартуской био-семиотики, социальной семиотики и семиотики культуры, в их числе и К. Куль, ссылки на работы которого есть выше.

3

Полагаю, что необходимость использования новых методов для изучения коммуникативных систем живых организмов, отличных от человека, а также межвидовой коммуникации объясняется самим материалом исследования. Как уже говорилось, использование идей и методов биосемиотики в данном случае может оказаться продуктивным. В то же время хотелось бы подчеркнуть, что лингвист, антрополог, культуролог, решившие посвятить себя исследованию межвидовой коммуникации, должны понимать границы своей компетентности. Иногда стоит сказать себе «стоп!», честно признать, что «в данной области, в данной теме я уже не специалист», и, смилив себя, обратиться за помощью, например, к зоологам, этологам, генетикам. Отсюда достаточно очевидным и естественным образом следует, что изучение межвидовой коммуникации и коммуникативных систем различных живых организмов должно осуществляться в междисциплинарном взаимодействии. Примеры успешного взаимодействия такого рода можно найти в рамках биосемиотического направления. Сделаем здесь ссылку на работы последних лет С.Т. Золяна и Р.И. Жданова¹ [Золян, Жданов 2016; 2018], в которых идеи и методы семиотики и лингвистики текста прилагаются к «нестандартному» материалу — геному и генетическому коду. Конечно, изучать объекты такого рода в рамках традиционной лингвистики текста невозможно. Это влечет за собой расширение используемого методологического аппарата и методов исследования для достижения генеральной цели, заявленной авторами: «рассмотреть возможности, форму и принципы описания генома как текста» [Золян, Жданов 2016: 61]. Известны также примеры успешного взаимодействия между специалистами в молекулярной биологии и химии и исследователями в области компьютерной лингвистики и формальных моделей языка с целью анализа свойств вновь синтезированных соединений и анализа последовательностей генетического кода (Е.Б. Козеренко, устное сообщение). Могут предположить, что то же самое будет релевантно и для взаимодействия между специалистами по языкознанию, антропологии и т.д. и представителями биологических наук в процессе изуче-

¹ Первый автор — специалист по семиотике и лингвистике текста, второй занимается биохимией и молекулярной биологией.

ния межвидовой коммуникации, а также систем и способов коммуникации других живых организмов.

5

Полагаю, что вообще стоит разделять области научной и политической деятельности. Основная цель науки, как я ее понимаю, это познание и вскрытие законов и закономерностей окружающей реальности (как природной, так и социокультурной). А политическая деятельность направлена прежде всего на изменение социальной и культурной реальности. В этом отношении политическая деятельность тесным образом связана с определенной идеологией, которая, как хорошо известно, представляет собой иной тип рациональности, отличный от научной (ср. с известным определением идеологии, которое дается в «Новейшей философской энциклопедии»: идеология — это «система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики — классов, наций, общества, политических партий, общественных движений — и выступает формой санкционирования или существующего в обществе господства и власти <...> или радикального их преобразования» [Семигин 2018]). Научный работник, принадлежа к определенному «субъекту политики» или сам выступая в роли такового, конечно, тоже может быть носителем определенной идеологии (но может им и не быть). Следует, однако, понимать, что там, где начинается идеология, наука заканчивается. По этой причине, как представляется, по крайней мере лингвистам следует разделять свои научные штудии и выражение своей идеологической и/или политической позиции. В этом случае лучше последовать заветам А.М. Пешковского, который, высказываясь как об объективности научных исследований языка, так и об объективности и нормативности в отношении к языку в целом, писал следующее: «Так как эмоционально-волевое отношение тесно связано с оценкой предмета, то отсутствие *оценки* — первый признак объективного рассмотрения предмета. Такова точка зрения наук математических и естественных <...>. Когда говорят, что цветковые растения совершеннее папоротников, папоротники совершеннее лиственных мхов и т.д., то имеют в виду только то, что первые *сложнее* вторых, что в них части (органы и клетки) более *дифференцированы*, а никак не то, что первые в каком-либо отношении *лучше* вторых. Если подходить к науке о языке с этим различием субъективного и объективного, то языковедение окажется наукой не гуманитарной, а *естественной*. Понятие языкового прогресса в нем целиком заменяется понятием языковой эволюции. <...> Современный лингвист признает каждый язык совершенным применительно к тому национальному духу, который в нем выразился. И не только к целым языкам, но и к отдельным языковым фактам

лингвист как таковой может относиться в настоящее время только объективно-познавательльно. Для него нет в *процессе изучения* <...> ни “правильного” и “неправильного” в языке, ни “красивого” и “некрасивого”, ни “удачного” и “неудачного” и т.д. и т.п. В мире слов и звуков для него нет правых и виноватых» [Пешковский 2019: 3–4; курсив автора]. Мне видится, что позиция А.М. Пешковского наиболее взвешенным образом описывает процесс нормальной научной и познавательной работы лингвиста. Все остальное, в том числе политический активизм, находится уже за пределами собственно науки и научной рациональности.

Библиография

- Иванов Вяч.Вс. От буквы и слога к иероглифу: системы письма в пространстве и времени. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2016. 272 с.
- Златев Й. Значение = жизнь (+культура). набросок единой биокультурной теории значения // *Studia linguistica cognitiva*. 2006. Вып. 1: Язык и познание. Методологические проблемы и перспективы. С. 308–361.
- Золян С.Т., Жданов Р.И. Геном как (гипер)текст: от метафоры к теории // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 60–84.
- Золян С.Т., Жданов Р.И. Геном как информационно-семиотический феномен // *Философия науки и техники*. 2018. Т. 23. № 1. С. 88–102.
- Панов Е.Н. Парадокс непрерывности: языковой рубикон: о непреодолимой пропасти между коммуникацией у животных и языком человека. М.: Языки славянских культур, 2012. 456 с.
- Панов Е.Н. Знаки, символы, языки: коммуникация в царстве животных и в мире людей. 7-е изд. М.: URSS, 2017. 502 с.
- Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. Стереотип. изд. М.: Либроком, 2019. 190 с.
- Семигин Г.Ю. Идеология // *Новая философская энциклопедия: интернет-версия издания*. М.: ИФ РАН, 2018. <<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHbb6fc2dd8032798c2096bb>>.
- Augustyn P. What Connects Biolinguistics and Biosemiotics? // *Biolinguistics*. 2013. Vol. 7. P. 96–111.
- Kull K. On the Concept of Meaning in Biology // Corning P.A., Kauffman S.A., Noble D., Shapiro J.A., Vane-Wright R.I., Pross A. (eds.). *Evolution “On Purpose”: Teleonomy in Living Systems*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2023. P. 161–174.
- Kull K., Deacon T., Emmeche C., Hoffmeyer J., Stjernfelt F. Theses on Biosemiotics: Prolegomena to a Theoretical Biology // *Biological Theory*. 2009. Vol. 4. No. 2. P. 167–173. doi: 10.1162/biot.2009.4.2.167.
- Nölle J., Hartmann S., Tinits P. Language Evolution Research in the Year 2020: A Survey of New Directions // *Language Dynamics and Change*. 2020. Vol. 10. No. 1. P. 3–26. doi: 10.1163/22105832-bja10005.

ФРЕДЕРИК КЕК

1

Я занимаюсь вопросами взаимоотношений человека и животных со времен работы над диссертацией. Она посвящена истории понятий «первобытного мышления» (*mentalité primitive*) и «неприрученной мысли» (*pensée sauvage*) во Франции и началась с простого вопроса: как так может быть, что жители Амазонии считают себя птицами? — как в известном высказывании, которое Карл фон ден Штейнен в 1890 г. записал в бассейне реки Шингу: «Бороро — это попугаи ара». Следуя Дюркгейму, Люсьен Леви-Брюль считал, что таким образом человек оказывается сопричастен сверхъестественному, которое символизируют птицы. Подобные представления о тотемизме отверг Клод Леви-Строс, предложив анализ механизмов преобразования в классификациях животных и растений. Наконец, «онтологический поворот» Эдуарду Вивейруша де Кастру и Филиппа Дескола, — это критика приверженности Леви-Строса идее мыслительных аналогий («люди бороро по отношению к людям трумаи то же, что ара по отношению к капибарам»). Онтологический поворот предлагает анализ аффективной динамики в хищнических отношениях между людьми и животными: когда люди бороро охотятся на попугаев ради их оперения, они становятся ара, потому что смотрят на лес с точки зрения птиц. В каком-то смысле это возвращение к Леви-Брюлю (о чем прямо пишут Вивейруш де Кастру в «Каннибальских метафизиках» [Вивейруш де Кастру 2017] или Эдуардо Кон в книге «Как мыслят леса» [Кон 2018]), но без всех этих устаревших представлений о пралогическом мышлении и мистической партиципации.

Фредерик Кек

Лаборатория социальной антропологии, Национальный центр научных исследований / Коллеж де Франс / Высшая школа социальных исследований, Париж, Франция
frederic.keck@cnrns.fr

Амазонский перспективизм пригодился мне для анализа отношений между людьми и птицами в Гонконге, когда все ждали пандемии, вызванной птичьим гриппом. Тогда многие подчеркивали, что массовое уничтожение животных основывается на «рациональности жертвоприношения» (которую

Дескола называет «аналогической», поскольку жертвоприношения совершались в империях Америки, Африки и Азии, где преобладали аналогические онтологии). Мне же удалось показать, что, отслеживая, как вирусы гриппа или коронавирусы распространяются из южного Китая в остальной мир, «охотники за вирусами» принимают точку зрения птиц или летучих мышей. Соответственно, граждане участвуют в глобальных ассамблеях «готовности к пандемии» не только как пассивные участники массового уничтожения животных, организованного государством, но и, что интереснее, как участники мониторинга птиц не только ради здоровья людей, но и в целях защиты птиц от воздействия человека. Таков сюжет моей книги, которая вышла в январе 2020 г., в самом начале пандемии Covid-19 [Keck 2020].

2

Преимущество мультимедийной этнографии в том, что это весело! Тут все очень понятно и удобно: вы отправляетесь в поле и просите людей рассказать об их отношениях с животными и растениями. Человеку намного приятнее говорить о других видах, чем о куда более напряженных отношениях с соседями или дальними жителями планеты. И чтобы понять, о чем говорят современные люди в разных частях земного шара, мы располагаем столетним опытом анализа отношений между людьми и животными в «первобытных обществах».

Недостаток же состоит в том, что мультимедийная этнография часто создает зачарованный образ мира, описывая отношения близости, переплетения или процветания. Это вполне закономерная реакция на обособление людей и животных, которое сложилось в результате того, что Филипп Дескола назвал «натуралистическими онтологиями», и которое объясняет готовность индустриальных обществ массово уничтожать животных или растения, как если бы они были бракованным товаром. Но этот подход не берет в расчет конфликты между людьми и их эмоциональное выражение по отношению к животным и растениям.

В общем, я считаю, что необходимо вернуться к философской традиции Леви-Брюля и Леви-Строса: эмоции, которые люди испытывают по отношению к животным (реальным животным, рядом с которыми они живут, или образам животных, которые они создают в своем социальном окружении), маскируют противоречия в человеческих отношениях. Именно поэтому антропология должна сотрудничать с литературой, которая прекрасно умеет передавать эмоции и скрытые за ними противоречия, а также с естественными науками, которые помогают выяснить, что же за виды включены в мультимедийное переплетение, и понять, как то или иное поведение создает для человеческого воображения новые возможности.

3

Исследовать отношения между людьми, другими животными и растениями легко, поскольку они хорошо видимы в полевых условиях и представлены в большом количестве изображений и документов. Чтобы понять изнутри, насколько активно и эмоционально люди взаимодействуют с окружающими их животными и растениями, подходит этнографический метод погружения в поле. Но гораздо сложнее, на мой взгляд, изучать вирусы и грибки, которые не видны невооруженным глазом и входят в картину мира лишь очень ограниченной группы людей. Правда, как мы видели на примере пандемии Covid-19, эти люди бывают достаточно сильны, чтобы навязать свой взгляд на мир остальному человечеству. Но даже вирусологи, с которыми я работал, взаимодействовали с вирусами довольно редко — когда под микроскопом вводили вирус в клетку или когда сравнивали генетические последовательности вирусов, чтобы понять, как они преодолевают межвидовые барьеры. Большую же часть времени они взаимодействуют с другими людьми на конференциях или с другими животными на фермах, рынках и в заповедниках, собирая образцы. Так что для меня вирус или грибок — это знак взаимодействия между людьми, животными и растениями.

Я считаю, что если мы хотим понять, как с появлением новых инфекционных заболеваний вирусы могут, в терминах Ч.С. Пирса, обретать новые значения и интерпретации, нам понадобится семиотический подход. Это еще один урок от Леви-Брюля и Леви-Строса: без семиотики нельзя заниматься этнографией, иначе мы просто воспроизводим представления о мире наблюдаемых нами акторов, не осознавая противоречий между этими представлениями. Мне кажется, самой интересной частью акторно-сетевой теории («включившись в сети и нарративы, построенные Пастером, микробы становятся актерами») была именно семиотика, а вовсе не политические импликации вроде того, что «мы должны дать микробам право голоса», поскольку методологически это проблематично. И я думаю, нам понадобится другая семиотика, нежели та, которую Латур заимствует у Греймаса и которая слишком «плоская» (объект становится актором, просто-напросто включившись в сеть или нарратив): семиотика, более близкая к идеям Пирса, которая учитывает иерархические отношения между интерпретантами.

4

Поскольку я проводил свои исследования на юге Китая и в Западной Европе, мне сложно ответить на этот вопрос. Россия располагается в пространстве между этими двумя рубежами Евразийского континента, и для меня она до сих пор остается загадкой, как и для вирусологов, с которыми я сотрудничал. У них очень мало информации о том, как вирусы птичьего гриппа распространяются из Китая в Европу через Россию. Возможно, дело в контрабандном ввозе домашней птицы из Китая по Транс-

сибирской магистрали. С Кростосом Линтерисом я как-то обсуждал вопросы борьбы с пандемией легочной чумы 1910 г. в Маньчжурии, когда российские эксперты участвовали в дискуссиях о роли сурков-тарбаганов как переносчиков болезни, а с Александрой Архиповой¹ — меры, принятые российским государством во время пандемии Covid-19. Тогда американских экспертов обвинили в утечке украинских лабораторных материалов. Все это привело меня к мысли, что для понимания глобальной политики мы должны отнестись к разнообразию отношений между людьми, животными и растениями в Евразии всерьез. В этом смысле замечательно, что в России, в отличие от Европы, уже целый век сохраняется фольклористика, что дает возможность сравнивать представления, сформированные государством, с вернакулярными воззрениями.

5

Трудно не обратить внимания на реальные отношения между людьми и другими видами, когда глобальный экологический кризис ставит эти отношения под угрозу исчезновения. В 2009 г. я наблюдал, как на центральном рынке Гонконга тысячами забивали кур, и это зрелище напомнило мне то, что я видел по телевизору во время европейской эпидемии «коровьего бешенства» 1996 г. На меня, тогда юного студента философского факультета, это произвело сильное впечатление. Я никоим образом не зоозащитник, но я все больше убеждался в том, что в отношениях между людьми и другими видами в обостренной форме дают о себе знать человеческие проблемы. Исходя из своих этнографических наблюдений, я назвал животных *часовыми* угроз, нависших над человечеством. То есть в нынешних страданиях животных мы можем разглядеть угрозы, которые вскоре коснутся и нас. Поэтому мне интересно понять, как уловить сигналы раннего предупреждения, посылаемые часовыми в тех или иных сферах (и это не только пандемии, но и химическое загрязнение, радиоактивное излучение, глобальное потепление...), и забить в набат.

Как и социолог Люк Болтански, я не думаю, что этнографы должны становиться активистами, но их задача — описывать, как складываются те публичные казусы, благодаря которым сигналы часовых трансформируются в набат или же не замечаются. Например, во время пандемии Covid-19 изучение роли летучих мышей как индикаторов пандемии, несомненно, было задачей уханьских вирусологов, таких как Ши Чжэнли. Но этот сигнал был подавлен репрессиями против тех, кто забил в набат. Таков случай врача Ли Вэньляна, который первым предупредил китайские власти о появлении заболевания, похожего на «ати-

¹ Внесена Минюстом РФ в список иностранных агентов. (Прим. ред.)

пичную пневмонию» (SARS, тяжелый острый респираторный синдром), среди людей. Или же в России слухи и конспирологические теории об утечке данных из лабораторий, финансируемых на американские деньги, в начале 2022 г. затмили значение птиц как индикаторов пандемий будущего на перелетных путях над Украиной и Грузией. Следуя примеру Жана Жореса и Люсьена Леви-Брюля во время дела Дрейфуса и нынешнему примеру Люка Болтански и Франсиса Шаторейно, я думаю, что движение от сигналов часовых к публичному разговору — это верный путь к истине и справедливости, а роль социальных наук заключается в анализе препятствий на этом пути. Именно поэтому в условиях глобального конфликта социальные науки — это критические науки, и им не следует довольствоваться созданием чарующей картины многовидовых переплетений.

Библиография

- Вивейруш де Кастру* Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / Пер. Д. Кралечкина. М.: Ad Marginem, 2017. 199 с.
- Кон* Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / Пер. А. Боровиковой. М.: Ad Marginem, 2018. 344 с.
- Keck F.* Avian Reservoirs: Virus Hunters and Bird Watchers in Chinese Sentinel Posts. Durham, NC: Duke University Press, 2020. 256 p.

Пер. с англ. Марии Пироговской

ОЛЬГА КОРОВКИНА

4

Я думаю, что в русскоязычной среде интерес к проблемам отношений человека с другими животными был стабильно высоким начиная самое позднее со второй половины XIX в. (когда мотив животных, связанных с людьми тесными эмоциональными отношениями, стал активно развиваться в русской литературе). Чтобы формулировать мысли на эту тему на академическом языке, людям не хватало ощущения институционализированности этой проблемы внутри академии. Как только начало распространяться понимание, что такая область вообще может быть предметом исследований, этот интерес стал быстро обретать конкретные очертания. Сейчас русскоязычная сфера *human-animal studies* очень живая и активная, конференции собирают людей с самым разным бэкграундом и видением.

Ольга Владимировна Коровкина
Независимый исследователь,
Москва, Россия
kazia-kordecka@mail.ru

Россияне действительно очень вовлечены в проблемы этического взаимодействия с животными. Причем этот интерес, по моему опыту, высок во всех странах и поколениях, хотя может принимать разные формы. Например, более молодое поколение чаще интересуется веганством и связью интересов животных с экологией, тогда как люди постарше больше сосредоточены на одном или двух любимых видах (например, собаках и кошках, но это также могут быть голуби, утки, белки и другие городские животные). Молодые люди более активно обсуждают идеи заботы о животных друг с другом, стремятся объединять усилия, привлекать для этого цифровые инструменты.

Здесь играет роль тот фактор, что старшее поколение привыкло считать любовь к животным делом индивидуальным, не способным вызвать общественный интерес и сформировать социальные институты. Это может объясняться позднесоветскими тенденциями, которые я изучаю в рамках исторических *human-animal studies*. В позднесоветское время тема любви к животным присутствовала и в повседневности, и в культуре (например, культовость таких книг и фильмов, как «Белый Бим Черное ухо»), однако официальный дискурс устойчиво маркировал ее как социально незначимую, частную.

В этом может быть причина, по которой молодым ученым гораздо легче осознать свой интерес к проблемам животных как обладающий академическим потенциалом. Старшее поколение, как правило, реагирует на предъявление тем, связанных с животными, недоверием и удивлением, но при этом и большей эмоциональной вовлеченностью, чем на более «традиционные» научные темы. Я думаю, в русскоязычной академической среде также силен стереотип, что настоящие солидные научные темы не должны быть интересными и вызывать личностный отклик, обращаться к индивидуальному опыту каждого человека.

Важно подчеркнуть, что интерес к животным в русскоязычной среде очень глубокий и не вызван какими-то сиюминутными тенденциями заимствования «модной этической повестки». Этот интерес имеет свою специфику контрастов, пересечений разных культур, особенно в больших городах. Это заметно и по работе зоопсихолога, в которой часто сталкиваешься с очень разными традициями отношения к животным (например, для многих семей собака в квартире — беспрецедентный опыт, который не знаком поколениям их предков). Очень заметны эти противоречивые паттерны и на позднесоветском материале, когда в крупных городах складывались практики сосуществования очень разных укладов отношения к животным: sentimentalного городского и более утилитарного деревенского, причем официальный дискурс также стремился как-то их унифициро-

вать (например, через гигиенические нарративы, объявляющие домашних животных источником грязи и заразы).

В русскоязычной среде регулярно происходят громкие случаи жестокого обращения с животными, но сам их резонанс говорит об очень высокой степени неравнодушия. Благотворительность в сфере животных часто встречает больше отклика, чем помощь маргинализированным слоям населения, поскольку те «сами виноваты», а животное мыслится как идеальный объект сочувствия (потеснив на этом месте детей, забота о которых сильнее регулируется государством). Именно ради помощи животным часто происходит очень быстрое и эффективное объединение усилий даже незнакомыми людьми, кооперация и выстраивание связей. Например, в районных чатах собачников иногда за считанные минуты организовываются добровольцы, готовые помочь найти потерявшегося питомца, собрать деньги на лечение пострадавшей собаки. Для такого атомизированного общества, каким считается Россия, это особенно важный феномен, который нужно включать в рассмотрение в том числе в антропологических работах.

ВЛАДИМИР КОРШУНКОВ

1

Да, приходилось. Моя книжка [Коршунков 2022], в которой использовано достаточно много источников и литературы, все же носит научно-популярный характер. Но у меня есть и несколько статей с углубленной трактовкой зооантропологических сюжетов.

Домашние животные по праву занимают первое место в исследованиях, проводимых специалистами по социальным и гуманитарным наукам. Важно и интересно изучать не только домашних животных, но и диких зверей и птиц, особенно когда они подвергаются усиленному давлению со стороны людей (охота, сокращение природной среды обитания и т.п.). Однако это по силам не нам, а биологам.

2

Сфокусировав взгляд на отношении к животным, специалисты по социальным и гуманитарным наукам научаются лучше видеть человека. Хорошо заметна разница в отношении к зверям и птицам у многих групп людей в течение последних полутора столетий, особенно в ходе урбанизации. Это

Владимир Анатольевич Коршунков
Вятский государственный
университет,
Киров, Россия
vla_kor@mail.ru

показательно. Становится понятнее, какова динамика общественных настроений, какие изменения происходят в повседневной жизни и мировоззрении, в этических основах человеческого бытия.

Часто задача формулируется так: нужно изучать не *односторонний* процесс (не то, как человек воспринимает животных и обращается с ними), а именно взаимодействие — обоюдные, *взаимные* отношения животных и людей. Но для этнографов, антропологов, историков, социологов это остается лишь декларацией о намерениях, поскольку то, как животные воспринимают человека и приспосабливаются к нему, изучается биологами.

3 Социальность выявляется разве что у *высших* животных — с этим, кажется, все согласны. А можно ли называть социальностью организацию жизни некоторых насекомых, вроде пчел и муравьев (или у них формируется своеобразное коллективное тело)? К вирусам и грибам, упомянутым в вопросе, термин «социальность» отнести невозможно. Если, конечно, не считать, вслед за Сергеем Курехиным, что иные политики становились грибообразными сущностями, продолжая развивать свои социальные навыки...

4 Всякая научная мода приходит к нам с некоторым запозданием. Для страны, скажем так, догоняющего развития это нормально. «Меньшая по сравнению с глобальными трендами в антропологии популярность» — это аберрация нашего зрения: мы видим множество работ на английском языке, изданных в США, Великобритании, Нидерландах, Канаде и т.д., сетуя, что у нас не так. А надо бы задаться вопросом, сколько ценных работ по этой же тематике вышло в Турции, Индонезии, Аргентине. Стали наконец появляться такие труды и в России? Да! Вот и хорошо.

5 Разумеется, да. И это не так уж трудно. Например, деятельность политолога и политика — не одно и то же. Вполне различны даже занятия политолога и политтехнолога. В личном своем качестве кто-либо может совмещать подготовку диссертации по зооантропологии с пикетами против зоопарков и дельфинариев, но в этом нет ничего необычного: каждый из нас в повседневной жизни играет несколько разных ролей.

Библиография

Коршунков В.А. Анима. Отношение к домашним животным в России: исторические очерки. М.: Неолит, 2022. 360 с.

ОЛЬГА КОШЕЛЕВА

Я историк, поэтому вижу указанную проблему через исторические источники, в ретроспективе исторических изменений в отношениях человека и животного мира. В первую очередь возникает вопрос о том, в каких исторических источниках могут быть отражены отношения животного и человека в прежние эпохи.

Первыми я назову документальные источники. Не потому, что они наиболее информативные, а потому, что я работала с ними, занимаясь городской историей (urban history) в России XVIII в. и на их основе могу судить о сложной проблеме взаимодействия людей и животных в городском пространстве. В административные учреждения города (городские канцелярии, полицию, судебные органы) поступало множество челобитных, связанных с содержанием большого количества домашнего скота и домашней птицы городскими жителями. Животные (лошади, коровы, бараны, свиньи и др.) часто при недосмотре людей выходили со двора и терялись. Иногда бесхозных животных пытались украсть, иногда отводили в городскую канцелярию, где имелаась специальная площадка для потерянных лошадей и коров. В последнем случае их приметы описывали и сообщали о находке в публичных местах (например, на рынках).

По документам о краже животных мы видим утилитарное к ним отношение. Особенно часто крали лошадей, иногда только для того чтобы быстро доехать до какого-то места или скрыться от погони, затем их просто бросали. Свиней и гусей крали для пропитания.

В челобитных встречаются жалобы на хозяев дворовых сторожевых собак, нападавших на людей, зашедших во двор.

Скот хозяевам необходимо было выпасать, что в городах сделать непросто. Эта проблема была особо сложной и решалась по-разному в зависимости от обстоятельств.

Сенной рынок являлся важным городским локусом для владельцев скота и имелся практически в каждом русском городе. Сложно было также найти в городе водоем для гусей и уток. (Сошлюсь на свою статью: [Кошелева 2003].)

Документы, связанные с торговлей, также могут многое рассказать исследователям. На городском рынке продавали не только дичь, но и животных для дома, в том числе особо любимых певчих птиц.

О домашних любимцах сведений гораздо меньше, чем о домашнем скоте. Есть упоминания о том, что комнатные собачки появляются во дворах знати уже в XVII в. Из материалов церковного собора, осудившего патриарха Никона (1666), узнаем, что боярин С.Л. Стрешнев имел собаку по имени Никон, которую он научил изображать пасторское благословление, и развлекал этим зрелищем своих гостей, за что и поплатился наказанием анафемой. Вспомним также любимую собачку Петра Великого левретку Лизетту. Об утилитарном значении комнатных собачек, которые заранее предупреждали свою хозяйку о появлении посторонних, давая ей время привести себя в порядок, хорошо пишет С.А. Экштут [Экштут 2003].

В документах, относящихся к царскому дворцу XVII в., содержится немало сведений о том, как животные использовались для развлечения царской семьи: в этом непременно участвовали медведи, царевичам покупались певчие птички и т.д. При Петре доставка во дворцы и парки экзотических зверей и птиц уже приняла широкие масштабы, и был организован первый зверинец. Ответственным за это был Кабинет Петра и его секретарь Макаров (в фондах РГАДА сохранились соответствующие источники).

Другим информативным историческим источником являются материалы личного происхождения (мемуары, дневники, письма), которые отражают личностное отношение к животным. Здесь замечу, что какое-то время назад, работая со студентами над воспоминаниями о детстве, я задавала им вопрос о том, что в этих текстах (речь шла о XVIII–XIX вв.) их удивило. Многие отвечали, что их удивило равнодушное отношение детей к убийству диких животных на охоте, радостное ожидание детьми трофеев, которые отцы принесут с охоты (например, у С. Аксакова). Ловля птиц в силки, содержание их дома в клетках, разрушение гнезд были одной из обычных забав детей.

Третий и важнейший вид источников — визуальный. От парадных портретов до картинок в школьных учебниках. Тут следует иметь в виду, что художники не копировали реальность,

а часто использовали образ животного в его символическом значении (собака — символ верности и т.д.).

Четвертый вид источников — литература (нарративы) соответствующего времени разных жанров, как художественная, так и научная и педагогическая. Я лучше всего здесь представляю себе литературу Средневековья. Если документальные источники говорят нам о конкретной украденной свинье со всеми ее приметам, то средневековый «Физиолог» наделяет абстрактных животных символическим значением и придает им нравоучительный смысл. (Например: «Дятел — пестрая птица, живет она в горах, садится на кедры и стучит своим клювом. А где найдет мягкое дерево, там делает себе гнездо. Тако и диавол борется с людьми. И когда в ком найдет слабость и пренебрежение к молитвам, то войдет в него и угнездится. Если же в другом найдет крепость, то бежит от него» [Памятники 1981: 479].) Подобную нравоучительность и символические смыслы имели также популярные басни начиная с Эзопа и лубочные народные картинки. Иной, «научный», рассказ о животном мире находим в космографиях — описаниях стран всего света. В каждой главе о той или иной стране содержался рассказ о ее фауне, как о диких, так и о домашних животных, птицах и рыбах, при этом описывались особо выдающиеся и необычные их виды. (Вот, например, фрагмент из русского перевода с латинского языка 1637 г. «Космографии» Герарда Меркатора, глава «О Московском государстве»: «Леса великие, а в них зверей, зубров, еленей, медведей, волков, коз, диких кабанов, лисиц, куниц, зайцов и иных всяких множество есть. Иных зверей русские люди называют лосми, а немцы геленес называют. Медведи и волки паче меры велики и люты. Ловцов звериных и птичьих нигде смышленее и мастероватее нет, как московские люди. Соколов, ястребов, кречетов и всяких ловчих птиц множество. Бажантов [фазанов. — О.К.] птиц нет, есть иные птицы, черны, с гусь, русские люди зовут их тетерев. Плиниус мудрец ту птицу “еретрато” называет. Лебедей, журавлей, чаплей и иных розных много» [Русский сборник 2018: 502].)

Об историографии. Если животной символике в бестиариях Средневековья посвящено немало исследований, то остальные направления исторических штудий о взаимодействии людей и животных почти совсем не находятся в фокусе внимания историков. Впрочем, не так давно зайцы («Философия зайца», Пушкинский дом, Санкт-Петербург) и лошади (секция на Миловских чтениях 2023 г., МГУ, г. Владимир) оказались объектами рассмотрения на гуманитарных конференциях. В РГГУ под руководством Анастасии Локтевой и Кирилла Худина успешно работает научный семинар «Растения и животные». А.А. Локтева в настоящий момент является ведущим

специалистом по теме животных в городе (зооантропный аспект), она автор ряда статей по этому направлению. Такие темы, безусловно, новшество в исторической антропологии и социальной истории.

Мне представляется важным полем исторических междисциплинарных исследований тема «Животные и дети» в педагогическом (воспитательном и образовательном) аспекте, которой пока никто не занимается.

В заключение, отставив в сторону свою идентичность историка, скажу с точки зрения человека, живущего летом в далекой лесной деревне (подчеркну: в деревне, а не на даче!), о своем «включенном наблюдении» за жизнью на природе. Здесь — мир животных, птиц и особенно насекомых, и человек здесь может жить, только любя его и подчиняясь ему. Это непросто. В жаркий день ты не сможешь выйти из избы, надев сарафанчик и босоножки: оводы тебя съедят. Потому есть приспособленная деревенская одежда. Потрявоженный у соседа улей пчел вообще не позволит выйти во двор. Ласточки свили гнездо прямо над входной дверью — приходится ходить с другого входа, чтоб не тревожить птенцов. Лягушки задают такой концерт, что спать невозможно. Ну и так далее. Но радости от общения с этим миром многообразных божьих тварей гораздо больше, чем досады на них, и оно беспрерывно и дает силы на то, чтобы жить дальше.

Источники

Памятники литературы древней Руси. XIII век. М.: Худож. лит., 1981. 620 с.
Русский сборник: исследования по истории России XIX–XX вв. М.: Модест Колеров, 2018. Т. 24: Дубровский И.В. (отв. сост.). Московия в свидетельствах иностранцев. 655 с.

Библиография

Кошелева О.Е. Выпас... на Невском (коровы и козы как атрибут петербургских улиц) // Родина. 2003. № 1. С. 116–117.
Экштут С.А. «Жужу, кудрявая болонка». Комнатная собачка и любовный быт эпохи // Экштут С.А. Битвы за храм Мнемозины: очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетей, 2003. С. 211–225.

ЕКАТЕРИНА КРЫЛОВА

5

На практике науку и политический активизм можно разделять — такой подход все еще доминирует в естественных науках и сфере технологических инноваций, например в области разработки носимых устройств,

Екатерина Владимировна Крылова
Кентерберийский университет,
Крайстчерч, Новая Зеландия
ekaterina.krylova@gmail.com

в которых ассамбляжи эукариотических организмов обеспечивают работу датчиков сердечного ритма. В таких исследованиях животные воспринимаются как ресурс для удовлетворения потребностей человека и источник прибыли для соответствующих индустрий (фармакологии, пищевой промышленности, строительства, терапии и др.). Ресурсный подход к живому, логика разделения природы и культуры, систематическое обесценивание природного компонента в сравнении с культурным и игнорирование общей картины возможных последствий такого отношения привели к ощутимым климатическим изменениям. Постоянно наращивая темпы эксплуатации животных и природы с целью обеспечения роста национальных экономик, человечество вступило в период «мягкого» апокалипсиса — растянутого во времени, иногда вовсе незаметного отмирания важных элементов жизнеобеспечения взаимозависимых экосистем.

В отличие от людей, животные питают планету. Создавая условия для их вымирания, мы лишаем ее еды, а значит, и возможности восстановиться. В конце 2023 г. было опубликовано важное исследование об экологических функциях животных. В “Eat, Poop, Die: How Animals Make Our World” консервативный биолог Джо Роман отмечает, что за последнее десятилетие произошел радикальный сдвиг в понимании того, как животные формируют ландшафт планеты. Исследования морских птиц, китов, каланов, лосося, антилоп гну, бизонов, пауков, кузнечиков, цикад и других животных показали, что они могут менять леса, моря и другие экосистемы, транспортируя питательные вещества на разные дистанции по горизонтали и вертикали. Посев экскрементов как на суше, так и в море серьезно воздействует на состояние природных объектов. Роман сравнивает животных с кровеносной системой, называя их мировыми артериями.

Животные — это бьющееся сердце планеты. Точно так же, как деревья работают легкими Земли, вдыхая углекислый газ и выдыхая кислород, животные перекачивают азот и фосфор с глубин океанов на горные вершины и транспортируют через полусария — от полюсов до тропиков. Трллионы животных <...> крупного и среднего размера — киты, слоны, бизоны, лососи и морские птицы — могут перемещать питательные вещества на сотни, а иногда и тысячи миль через океаны, ручьи, горы, долины и прерии на отдаленные вулканические острова. Эти путешественники на дальние расстояния — мировые артерии. Цикады, мошки, криль и другие беспозвоночные <...> работают капиллярами, доставляя питательные вещества к тканям Земли [Roman 2023].

С помощью этих метафор Роман дает понять, что давление на не-человеческие формы жизни — это верный способ привести планету к гибели от аналога самой распространенной среди людей группы заболеваний — патологий сердечно-сосудистой системы. Экофеминизм (Вэл Пламвуд, Инестра Кинг, Ариэль Саллех, Вандана Шива, Кэрол Адамс, Лори Груен и др.) — философия и общественное движение, сформировавшееся на стыке феминизма и политической экологии — предлагает человечеству сменить оптику восприятия других форм жизни и перейти от эксплуатации животных к заботе о них. Критикуя технократизм и патриархальную логику непрерывной экспансии, экофеминизм поощряет различные форматы активистских практик, включая художественные проекты, направленные на поиск новых моделей сосуществования с живой природой.

Несмотря на то что науку и активизм можно разделять, я считаю, что этого делать не нужно — ни сейчас (в ходе шестого массового вымирания животных), ни в какое другое время. Угнетение по видовому признаку слишком долго было частью человеческой культуры. Чтобы предотвратить ренессансы спешизма в будущем, борьба за права животных должна быть непрерывной и разнообразной. Помимо протестных кампаний важны и другие форматы помощи животным — от реформирования этических стандартов взаимодействия с ними в рамках научных исследований до поиска альтернативных путей, полностью исключающих использование животных в интересах научного-технического прогресса.

Признание в животном самоценного субъекта является необходимым шагом к построению гармоничных отношений с природой и созданию условий для ее здоровья. Животные берут у природы необходимый для выживания минимум, их нельзя назвать ненасытными, а именно это качество культивируется в рамках капиталистической системы, против разрушающих механизмов которой направлены основные усилия активистских движений. Мы можем учиться у животных, не эксплуатируя их. Между «учителем» и «ресурсом» — огромная разница. В международной академии в гуманитарных дисциплинах, связанных с изучением взаимоотношений животных и людей, почти нет тех, кто так или иначе не связан с поддержкой активистских движений, начиная от образа жизни, основанного на веганской диете и минимальном потреблении, до участия в продвижении законодательных проектов, направленных на благополучие животных. Тем не менее их усилий недостаточно. Чтобы добиться результатов, забота о животных должна стать императивом естественных наук, бизнеса и политики, для этого необходимо углублять связь этих сфер с активистской повесткой.

Библиография

Roman J. Eat, Poop, Die: How Animals Make Our World. N.Y.; Boston; L.: Little, Brown Spark, 2023. ePub ed.

АННА МАЗАНИК**1**

Мой опыт связан скорее с историческими межвидовыми исследованиями. В своей области я наблюдаю всплеск внимания к истории взаимоотношения людей с другими видами на фоне общего подъема российской и советской экологической истории и экологической гуманитаристики. В исторических работах на первом плане находятся скорее не темы соседства и сотрудничества, хотя такие исследования тоже встречаются, а «проблемное» взаимодействие: разведение и эксплуатация, исследование и использование в науке, истребление и уничтожение среды обитания (и попытки этому противостоять), паразитизм, взаимоотношение видов в контексте заболеваний, переносимых животными, например чумы или малярии.

2

На мой взгляд, основные социальные задачи мультивидовых исследований так или иначе связаны с природоохранной риторикой, сохранением биоразнообразия и популяризацией более гуманного и бережного отношения к другим живым существам через осознание определенной субъектности разнообразных *non-humans*, их биологической и культурной роли в прошлом и настоящем и уязвимости перед лицом человека. Взаимодействие с другими сферами знания и прежде всего с естественными науками является ключевым для этой области и практикуется недостаточно, отчасти из-за институциональных ограничений и практических сложностей с организацией междисциплинарных проектов, отчасти из-за неготовности исследователей вникать в тонкости других научных дисциплин и их методов и переформулировать свои исследования таким образом, чтобы те были понятны и полезны ученым из других областей.

Анна Владимировна Мазаник
Мюнхен, Германия
anya.mazanik@gmail.com

3

Отвечу про исторические исследования. В работах по истории межвидовых отношений на российском и советском материале я наблюдаю существенный «перекос» в сторону истории науки и письменных источников, созданных разными государственными институтами, целью которых обычно была эффективная эксплуатация природных ресурсов. Это в общем легко объяснимо, так как в России и СССР была сильная биологическая школа, проводилось множество полевых исследований, экспедиций, эти источники хорошо сохранились в архивах, как правило центральных, или вообще были опубликованы, т.е. легко доступны и содержат богатый материал. В результате мы рассказываем историю не просто почти исключительно через опыт людей (от этого, к сожалению, вообще очень сложно уйти), но через опыт очень ограниченной привилегированной группы людей. При этом другие источники, которые позволили бы как-то преодолеть это ограничение, — археологические, этнографические, материальные, биологические коллекции, фольклор, устная история — используются очень редко. Свою роль играют здесь и сложности с организацией междисциплинарных проектов, упоминавшиеся выше.

4

5

Я объединю ответы на четвертый и пятый вопрос. Как я уже говорила, межвидовые исследования тесно связаны с природоохранной риторикой. Эта риторика наднациональна, актуальна для стран и регионов с разными культурами и политическим устройством, и при определенном желании ее можно представить как не связанную с политикой в узком смысле. Если мы сравним, условно, исследования национализма на приграничных территориях или исследования коррупции и, например, историю тюленей и китов на Дальнем Востоке, то история тюленей и китов покажется наиболее «аполитичной» (хотя, как показали недавние работы Роберта Киндлера и Райана Джонса, она, конечно же, была самым глубоким образом с политикой связана¹). Именно поэтому я ожидаю и уже наблюдаю в России некоторое развитие межвидовых исследований на фоне все возрастающего давления на академическое сообщество и табуирования определенных тем для гуманитарных исследований. Кроме того, опять же из-за того что природоохранная риторика глобальна в своем фокусе, научное сообщество в области экологической гуманитаристики оказалось достаточно открытым даже в условиях острейшего политического кризиса и сохранило определенные каналы для международного сотрудничества с российскими учеными, оказавшегося невозможным в других областях науки. В данной ситуации межвидовой подход позволяет делать методологически и тематически новатор-

¹ См. рецензию на книгу Джонса в этом выпуске «Антропологического форума»: [Крайковский 2024]. (Прим. ред.)

ские, актуальные и потенциально общественно значимые исследования и оставаться в русле мировой науки, не принимая на себя слишком больших политических рисков.

Библиография

Крайковский А.В. Рец. на кн.: Ryan Tucker Jones. *Red Leviathan: The Secret History of Soviet Whaling*. Chicago, IL; L.: University of Chicago Press, 2022. 269 p. // Антропологический форум. 2024. № 62. С. 377–384. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-62-377-384.

ЕВА МЕЙЕР

1

Я философ, который пишет о животных, политике и языке. В частности, в своем исследовании я писала о том, что многие нечеловеческие животные виды и сообщества имеют собственные языки и что существуют мультивидовые языковые игры между людьми и другими животными [Meijer 2019]. Все это не распознается как язык, что не говорит о неполноценности животных, но является результатом неравных властных отношений. В ходе более широкого процесса доминирования люди замалчивали других существ (в том числе растения), игнорировали и подавляли их агентность. Но я заметила, что за последние десять лет в философии, антропологии и за их пределами подходы к вопросам агентности животных, политики и языка сильно изменились. Сейчас субъектности животных и мультивидовой интерсубъектности уделяется намного больше внимания. Например, это заметно в растущем внимании к сопротивлению животных, формированию многовидовых сообществ и агентности животных в целом. Одна из задач здесь состоит в том, чтобы распространить этот подход и на других живых существ, таких как растения и грибы, не сглаживая этические и политические различия. Другой вопрос — в том, как «думать вместе» (*think with*) с животными: развивать такие теории, которые включали бы в предмет и дизайн исследования их перспективу. Это необходимо, чтобы не воспроизводить антропоцентризм в науке и обществе.

Ева Мейер

Амстердамский университет,
Амстердам, Нидерланды
e.r.meijer@uva.nl

2 Мультивидовая этнография — подходящий и даже необходимый инструмент, который естественным образом позволяет выполнить важнейшую задачу философии: он разворачивает нас к тому, чего же другие животные хотят от нас. На протяжении долгого времени исследователи принимали человеческий взгляд за точку отсчета, и это исказило то, что мы знаем о животных. К примеру, если вы изучаете «язык» с точки зрения того, насколько другие животные способны овладеть человеческим языком, вы едва ли много узнаете об их собственных языках и лишь подтвердите мысль, что им нечего сказать. Чтобы преодолеть предубеждения, необходимо вести телесно воплощенные и ситуативные диалоги (*embodied and situated dialogues*) с другими животными¹. Для того чтобы взаимодействовать с другими животными этически справедливым образом, нам также нужна философия, позволяющая, например, критиковать существующие отношения власти и планировать новые политические системы. Проекты, в которых люди пытаются жить по-другому и думать вместе с другими животными, уже существуют: например, это убежища, или фермы-приюты, для спасенных животных (*animal sanctuaries*)².

3 Первым делом нужно признать, что наш мир многовидовой и всегда был таковым. Животные и другие не-человеческие формы действия оказали влияние на наши общества, историю, язык, искусство и формы мышления. «Человеческого» мира не существует. Во-вторых, нам нужны новые методы взаимодействия с этими другими — в политике, а также в образовании и в сфере заботы, включая медицинское обслуживание. Мы живем в эпоху, когда все четче осознаем, что процветание людей и процветание других живых существ взаимосвязаны. Чтобы уважать этих других и выжить самим, мы, люди, должны выработать новое мировосприятие. Например, если говорить об образовании, это значит, что нам нужно мультивидовое образование: уважительные формы получения знания вместе с другими существами и о них. Если говорить о политике, нам необходимы «ассамблеи не-людей»³ (*multispecies assemblies*), на которых при обсуждении общих проблем представлялись бы интересы других существ. Если говорить об академическом мире, нам нужно найти такие способы исследования, которые бы не эксплуатировали других животных, не поработали бы их и не относились бы к ним колониально. Нам нужны иссле-

¹ Здесь, вероятно, автор отсылает к понятию *ситуативных* или *локализованных, местоположенных* знаний, введенному Донной Харауэй, см.: [Харауэй 2022]. (Прим. пер.)

² См., например: <<https://vinesanctuary.org/>>.

³ См.: [Латур 2018: 72–111]. (Прим. пер.)

дования, которые подразумевают обоюдную пользу, бережное отношение и, возможно, удовольствие.

4

Я не эксперт по российской академии, но как человек со стороны я бы сказала, что ввиду политической ситуации трудно представить, что в России появятся более бережные и справедливые формы сосуществования людей с не-человеческими существами, и трудно начать что-то делать в этом направлении. Я пишу из Нидерландов, где есть Партия защиты животных (Party for the Animals), представляющая интересы не-человеческих животных в парламенте, муниципальных советах и других политических институциях. Это не ведет автоматически к благоприятным переменам, и в Нидерландах животные сильно эксплуатируются, однако благодаря этому становится возможным говорить о животных иначе — не только в обществе в целом, но и в научном сообществе. В настоящий момент политическим аспектам исследований животных уделяется много внимания в философии. Например, политические философы Дональдсон и Кимлика рассматривают животных как членов общества, которое они делят с людьми [Donaldson, Kymlicka 2011]. Можно смотреть на животных как на членов отдельных обществ. Кроме того, в философии науки Венсиан Депре и Донна Харауэй бросают вызов маскулинным, антропоцентричным и патриархальным предрассудкам, существующим в области производства знания [Haraway 2008; Despret 2016].

5

В общем я ответила на этот вопрос выше. Производство знания на протяжении долгого времени отдавало предпочтение человеку, что привело к антропоцентрической предубежденности. Для ее преодоления и лучшего понимания «животных» необходимо критическое мышление и принципиально иное взаимодействие с не-человеческими существами. Способность к иному взаимодействию с не-человеческими существами и людьми требует вовлечения в политический активизм, а также новых форм искусства, литературы и в целом работы воображения. Мы живем во времена, когда огромное количество животных подвергается чудовищной эксплуатации. Изменение этой ситуации должно стать для людей приоритетной задачей, что сопряжено с прекращением прочих форм эксплуатации — эксплуатации людей и природы. Возможно, в более справедливом и равнодушном мире мы сможем разделить науку и политический активизм, но мы всегда должны остерегаться повторения угнетения других.

Библиография

Латур Б. Политики природы / Пер. Е. Блинова. М.: Ad Marginem, 2018. 336 с.

- Харауэй Д.* Ситуативные знания: вопрос о науке о феминизме и преимуществе частичной перспективы // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 237–271.
- Despret V.* What Would Animals Say If We Asked the Right Questions? Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2016. 280 p.
- Donaldson S., Kymlicka W.* Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights. Oxford: Oxford University Press, 2011. 329 p.
- Haraway D.* When Species Meet. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2008. 423 p.
- Meijer E.* When Animals Speak: Toward an Interspecies Democracy. N.Y.: New York University Press, 2019. 304 p.

Пер.с англ. Александры Захаровой

МАРК МЕФЁД

Когнитивная картография

Исследователей, использующих мультимедийную этнографию, описывают как тех, кто «изучает множество организмов, чья жизнь и смерть связаны с социальным миром человека». Мультимедийной этнографии дается следующее определение: это метод, сосредоточенный на попытке понять, как «средства к существованию множества организмов формируются под воздействием политических, экономических и культурных сил» [Kirksey, Helmreich 2010: 545].

Мне кажется, что сформулировать другое определение мультимедийной этнографии и ее основные задачи может помочь концепт когнитивной картографии Фредрика Джеймисона.

Термин «когнитивное картографирование» Джеймисон заимствует из работы «Образ города» Кевина Линча, специалиста по городскому планированию. Линч вводит это понятие для описания отчужденного города, в котором люди не способны картографировать тотальное городское пространство и свое положение в нем, т.е. они не могут понять, где в данный момент времени находятся. Хорошим примером такого города служит Джерси-Сити, где такие маркеры пространства, как памятники, дорожные

Марк Владиславович Мефёд
Независимый исследователь
Балашиха, Россия
fteainmyhead@gmail.com

развязки, здания и границы районов и кварталов, не помогают субъекту определить свое местонахождение, мешая акту картографирования. Чтобы избавиться от отчуждения, Линч предлагает заново воссоздать ансамбль архитектурных форм, который был бы взаимосвязан и позволял «держаться в памяти» карту этой ткани города. Джеймисон считает, что такая модель поднимает весьма важные вопросы репрезентации, поэтому проецирует термин на более крупные пространства: на национальные государства и пространство мультинационального капитала [Джеймисон 2019: 166–167].

Джеймисон определяет когнитивное картографирование как процесс, в котором происходит установление связей и позиционирование себя как индивидуальных и коллективных субъектов в определенной пространственной системе; как способ создания повествований (нарративов), исторически разворачивающихся во времени, а не статичных изображений или карт [Wegner 2006: 267]. Далее он соединяет эту трактовку картографирования с подходом Линча к эмпирической действительности и определением Луи Альтюссером идеологии как «представления отношения Воображаемого субъекта к его Реальным условиям существования» [Альтюссер 2011: 77]. Такой синтез дает несколько следствий в применении когнитивного картографирования.

Во-первых, применение практики когнитивного картографирования позволит субъекту начать мыслить в «категориях социального класса и национального или интернационального контекста», тем самым сформировав у него отношение к «локальным, национальным или международным классовым реалиям». Следствием этой процедуры будет осознание отсутствия традиционного производства, а вместе с ним и общественных классов в их классическом понимании. Такое положение дел оказывает непосредственное влияние на политические действия [Джеймисон 2019: 169–170]. Во-вторых, когнитивное картографирование даст субъекту в повседневной жизни в городских реалиях представление о том, что социальные структуры являются очень «обширной и по-настоящему непредставимой» реальностью [Джеймисон 2019: 168]. При этом, указав на эту невозможность, оно все-таки попытается скоординировать два взаимосвязанных полюса экзистенциального и феноменологического опыта людей в их «повседневной жизни и абстрактных и глобальных экономических, политических и социальных реалиях», в которых они существуют [Wegner 2006: 266].

Отдельным пунктом стоит отметить то, каким образом когнитивное картографирование как эстетика взаимодействует

с искусством. Джеймисон понимает эстетику как переживание повседневности в ее связи с тотальностью [Lesjak 2006: 39]. Значит, в искусстве новая эстетика должна «говорить о» действительном мире конкретного человека и относиться к нему, давая понимание того, как этот мир связан с миром глобальным и какое положение в нем занимает человек. Постмодернизм как категория эстетики, как стиль не способен этого сделать [Chanap 2004: 131]. Именно поэтому до собственной жизни человек добраться не может, а уж тем более он не может ее картографировать, а значит и понять свое положение в мировом пространстве. Ввиду того, что человек эпохи постмодерна не в состоянии осознать сложившуюся ситуацию, у него отсутствует какое-либо желание к изменениям и преобразованию общества [Lesjak 2006: 41]. Чтобы справиться с этой трудностью, Джеймисон предлагает вернуться к реализму как ведущему течению в искусстве, новой эстетике, новому репрезентативному искусству [Рыков 2007: 342], так как «идеал реализма предполагает форму эстетического опыта, который все же претендует на обязательную связь с самим реальным» [Lesjak 2006: 45]. Реализм в этом случае, непосредственно соприкасаясь с жизнью, с нынешним экономическим и социальным пространством, поможет шизофреническому субъекту лучше картографировать действительность, восстановить единство жизненного мира и понять свое нестабильное положение на мировой арене, открыв, таким образом, возможность для революционного действия, борьбы и воплощения альтернативной истории.

Когнитивное картографирование (как политическая культура и как эстетика) должно помочь субъекту, научив его вновь репрезентировать реальность, понять свое место в глобальном мире, свою позицию как человека, в котором диалектически взаимодействует индивидуальное и коллективное, чтобы быть способным к борьбе, которая до этих пор была парализована «пространственным и социальным смятием» эпохи мультинационального капитала [Джеймисон 2019: 172]. Когнитивное картографирование создает благодатную почву для появления новых форм коллективной политики и борьбы, начиная от индустриального союза, партии, национальной забастовки, деколонизации и заканчивая национальной революцией [Wegner 2006: 268]. Когнитивное картографирование создает почву для новой идентичности.

Мультивидовая этнография

Вдохновляясь когнитивной картографией, я бы описал мультивидовую этнографию как процесс, в котором мы как человеческие существа (индивидуально или коллективно) пытаемся

установить, какие связи в том или ином общем пространстве с другими не-человеческими формами жизни и не-жизни у нас существуют; в котором одновременно с этим не-человеческие существа (индивидуально или коллективно) также пытаются установить и понять связи, которые у них существуют с нами, человеческими существами; в котором само общее пространство встречи оформляется, изменяется, создается с нуля или со-конструируется нами (и человеческими, и не-человеческими существами) вместе; в котором в конечном итоге мы можем увидеть, схватить, почувствовать друг друга и примерно понять, в каких отношениях мы находимся друг с другом: дружба, симбиоз, эксплуатация, поддержка, забота и т.д.¹ В связи с этим я бы выделил несколько задач мультивидовой этнографии.

Задачи мультивидовой этнографии

Задача первая. Последние пару столетий мы наблюдаем все более интенсивный процесс урбанизации, который все больше и больше отдаляет нас не только от природы и природных коллективов, но и от не-человеческих животных. Дженифер Уолч пишет о том, что урбанизация напрямую связана с денатурализацией [Wolch 1998]. Как следствие, мы начинаем забывать о нашей не-человеческой природе, противопоставляем культуру природе, человеческое — животному, город — деревне и множим различные иерархические дуализмы, которые влияют на наши отношения. Мы все больше эксплуатируем не-человеческих животных, используя их в качестве пищи, одежды, объектов, на которых мы тестируем препараты, и заставляем их заниматься аффективным трудом, изменяя их тела, чтобы они лучше подходили для него.

В этом случае мультивидовая этнография может помочь справиться с отчуждением от не-человеческого, которое всегда присутствует внутри нас и является нашей неотъемлемой частью.

Неслучайно в англоязычной литературе используются термины *non-human animals* и *human animals*. Это делается в большей степени для того, чтобы подчеркнуть нашу общность, сказать, что все мы *animals*, что все мы животные и обладаем животной природой. Между человеческими и не-человеческими животными существует взаимосвязь, взаимозависимость и долгая история взаимоотношений, которые ввиду

¹ Мне также кажется, что мультивидовая этнография очень хорошо работает в связке с критическими географиями животных [Wolch, Emel 1998; Philo, Wilbert 2000; Gillespie, Collard 2015; Kopnina 2017; Gillespie 2018].

изменчивости форм связи, зависимости и отношений требуют постоянной рефлексии, картографирования и перманентного описания, в основе которых может лежать мультимедийная этнография.

Также мультимедийная этнография может помочь признать нечеловеческих животных вовне, которые ежедневно миллионами, а ежегодно миллиардами убиваются и страдают ради поддержания человеческой культуры.

Проливая свет на связь человеческих животных с нечеловеческими, мультимедийная этнография может построить более крепкий фундамент для нового этического мировоззрения, в основе которого, по словам Кэри Вулфа, должны будут лежать не способности, агентность, волеизъявление, а сострадание, коренящееся в нашей уязвимости (*vulnerability*) и пассивности [Wolfe 2010], так как мультимедийная этнография описывает нашу позицию внутри существующих межвидовых отношений и указывает нам на то, что в любой из моментов мы можем поменяться с нечеловеческими животными местами, став «животными до права» (*before the law*) [Wolfe 2012] и «голой жизнью» [Агамбен 2011], с которой можно сотворить все, что угодно.

В этом контексте вспоминаются первые строки из «Превращения» Франца Кафки: «Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое». Каждый из нас может проснуться завтра утром и оказаться *зоэ*, нечеловеческим животным, насекомым, которого можно прихлопнуть тапком или газетой.

Задача вторая. Мультимедийная этнография может помочь нам ответить на вопрос, кто такие «мы», кого мы имеем в виду, когда говорим «мы»?

Гуманизм наложил отпечаток на многие научные сферы и на нашу повседневную жизнь и речь. Когда мы говорим «мы», предлагая реформировать городское пространство под «наши» нужды, мы в первую очередь говорим про человеческих животных. Когда мы говорим «мы», выступая за скорейшие изменения политики, экономики, права и других сфер деятельности, мы, предлагая какие-то изменения, в большинстве случаев учитываем интересы исключительно человеческих животных¹.

¹ Зачастую также «мы» в доминирующем дискурсе относится исключительно ко взрослым белым образованным гетеросексуальным мужчинам, обладающим собственностью. Гуманизм несет на себе отпечаток той эпохи, в которой был сформулирован.

Но кто такие «мы» на самом деле?

Следуя за Тимоти Муртоном [Morton 2017], который, рассуждая о солидарности с не-человеческим, говорит о том, что мы все живем в симбиотической реальности с другими живыми существами, что мы все время преследуемы ими, они ходят за нами как призраки, а также следуя за Маргарет Робинсон [Robinson 2013], которая говорит о том, что в легендах mi'kmaq нет разрыва между животными и людьми, человечность / животность — это спектр, мы хотим сказать, что мы — это и человеческие, и не-человеческие существа.

Для Муртона солидарность возможна, потому что мы можем настроиться на других существ, т.е. понять, что они тоже участвуют в создании нашего общего мира. Утверждение Муртона о том, что солидарность «уже-всегда есть» и нам не нужно прикладывать никаких политических усилий для ее создания, нужно просто ее осознать, очень хорошо содержательно связывается с мультимедийной этнографией, которая может выступить именно тем процессом, который может показать и описать нам наши отношения с другими не-человеческими существами.

Для Робинсон не-человеческие животные — сестры и братья, способные вырастить и позаботиться о человеческих животных. И наоборот, не-человеческие животные являются сестрами и братьями для человеческих животных, которые также могут вырастить и позаботиться о не-человеческих животных. В этом смысле мы — это одна большая семья.

Мультимедийная этнография дает основания для того, чтобы, когда мы говорим «мы», иметь в виду и помнить не только про наши интересы, интересы человеческих существ, но и про интересы не-человеческих существ.

Задача третья. Намеренно сравнивая и вдохновляясь когнитивной картографией Джеймисона, я хотел привнести в мультимедийную этнографию политическое измерение [Gillespie 2019].

Мультимедийная этнография — это не процесс, который просто подсвечивает других не-человеческих существ и описывает наши взаимоотношения и жизнь в общих пространствах, но процесс, который критически оценивает их и предлагает новые формы взаимодействия, переходя от чистой теории к революционной практике.

В связи с этим стоит поговорить и вспомнить, как критическая теория продуктивно работает в симбиозе с исследованиями животных. В статье 2007 г., приуроченной к открытию Institute for Critical Animal Studies, Стив Бест, Энтони Ночелла II,

Ричард Кан, Кэрол Гиглиотти и Лиза Кемерер формулируют 10 принципов, на которых строятся критические исследования животных [Best et al. 2007]. Эти принципы, с одной стороны, выступают в качестве установок исследования, а с другой стороны, могут рассматриваться как отличительные черты *critical animal studies*.

В данном случае нам интересны всего несколько из них. Критические исследования животных отвергают «псевдообъективный академический анализ, делая прозрачными его нормативные ценности и политические обязательства, чтобы не было никаких позитивистских иллюзий, что теория беспристрастна, а письмо и исследования аполитичны»; связывают «теорию с практикой, анализ с политикой и академию с обществом»; стремятся «создать возможности для критического диалога по вопросам, касающимся освобождения животных и общности угнетения» в академии, среди «граждан и низовых активистов, сотрудников политических и социальных организаций и людей в частном, государственном и некоммерческом секторах». Критические исследования животных считают, что только с помощью «новых парадигм экопедагогике», установления связей «с другими социальными движениями и основанной на солидарности политике альянса <...> кажется возможным построить новые формы сознания, знания и социальные институты, которые необходимы для разрушения иерархического общества, которое в течение последних десяти тысяч лет поработило формы жизни на этой планете».

На мой взгляд, мультимедийная этнография также не может стоять в стороне от политики и должна быть нагружена политическими обязательствами. Пусть у тебя будет сотня статей, в которых ты с помощью мультимедийной этнографии описываешь человеческо-не-человеческие общности, только «объедки на дне тарелки», политическая позиция и активизм «расскажут, что ты» действительно «думаешь о насилии» и положении не-человеческих коллективов в нынешних политико-социально-экономических условиях.

Эстетика и искусство как инструменты мультимедийной этнографии

Важно понимать, что не-человеческое и не-человеческие животные непрозрачны и изъятны: сколько бы мы ни узнавали о них, остается что-то, что нам недоступно, что мы не можем предсказать в их поведении и отношениях. В этом смысле мне близки рассуждения Грэма Хармана и его здравый скептицизм, закрепленный в утверждении о том, что к реальным объектам

у нас нет прямого доступа [Harman 2002; 2005; Харман 2015; 2021].

Вместе с тем Харман, конечно, предлагает своеобразный вариант взаимодействия с недоступностью и изытостью объектов. Он обращается к эстетике, говоря о том, что она может быть той сферой, в которой объекты могут частично проявляться друг перед другом, не раскрываясь полностью. Искусство в этом случае становится проводником в выявлении скрытых аспектов, представляя объекты в новых, неожиданных формах. Немаловажно, что в теории Хармана центральную роль играет метафора: она позволяет одним объектам временно представлять или намекать на другие объекты, не раскрывая их полностью.

Это все важные идеи, которые, как мне кажется, могут быть полезны мультимедийной этнографии. Она может полагаться на эстетическое восприятие и описание не-человеческого. Но в таком случае, например, сам текст с описанием должен выглядеть иначе. Он должен быть, с одной стороны, максимально метафоричен, и здесь у нас есть хороший пример работ Донны Харауэй [Haraway 2003; 2008; Харауэй 2020], которая работает с философскими текстами в форме литературы. А с другой стороны, он должен быть максимально подробным, вдохновляясь реализмом / натурализмом Эмиля Золя с его мельчайшими описаниями пространств, Латуровыми литаниями, а также по возможности выстраивая длинные глагольные, причастные, деепричастные ряды слов¹ без тормозящих скользящие по тексту знаков препинания.

мы пробираясь просачиваясь передвигаясь плутая подкрадываясь по скользкому залитому кровью полу видим свинью существо столь привычное на первый взгляд она открывает перед нами ужасающий микрокосм жестокости и боли сложный и многослойный мир в котором она родилась и доживает свои последние часы трагедия реальности свинья жертва системы ее тело центральное звено в цепи потребления и убийства несущее на себе отпечаток гуманизма ее покрытое грязью шрамами кровью тело отражает жестокость кровавые следы пятна линии оставленные на бетоне напоминают путь страданий оплетающий проникающий в ее короткую жизнь оставляя за собой тонкую красную дорожку блестящую под искусственным светом напоминающую кровавую росу на утреннем человеческом лугу ее мягкое дрожащее тело содрогается от страха и боли каждое ее движение симфония страданий состоящая из тысяч мельчайших попыток сопротивления свинья создает новые

¹ Ряды прилагательных, существительных, наречий и других частей речи.

формы и структуры ужаса незаметные для человеческого глаза холодный освещенный флуоресцентными лампами мрак скотобойни где под тяжелыми каплями крови страданий усталости неспеша движется свинья ее тело покрытое кровью трясется ударяясь о металлические прутья оставляя за собой кровавый след она пробирается мимо стальных барьеров встречая на своем пути других испуганных созданий других не-человеческих существ впитывая в себя запах смерти и страха смешивая их внутри себя перерабатывая и возвращая назад в этом непрерывном круговороте ее жизнь становится символом бессмысленности бесконечного страдания живым воплощением самой идеи жестокости непрерывной эксплуатации ада на земле над свиной стоим мы наблюдаем нас окружает скользкая земля металлические решетки кровь окровавленные инструменты крики механические звуки запахи дезинфицирующих средств капли пота бетонные стены цепи крики рабочих капли крови рубцы шрамы грязные стены ржавые крюки полные ведра крови пятна следы от рабочих ботинок лужи крови скользкие поверхности приглушенные полные боли короткие вскрики стены кости кровь следы запах крови и смерти стальные стены холодный воздух следы ножей крики свиней шорохи свиные кости зубы тени ржавые пятна потоки крови вздохи мухи разбросанные части тел капли блики пятна на полу отпечатки копыт мокрые следы холодные стены мокрая грязь металлический запах ужасные звуки ржавые цепи лужи крови сломанные прутья клеток обломки костей холодные пятна сырость кровавые пятна потеки следы крови разбросанные ошметки следы жизни безмолвие грязь ужас

Заключение

Мультивидовая этнография как метод исследования может помочь понять и описать межвидовые отношения и наше место в них, дать основания для уважительных взаимоотношений, лишенных эксплуатации и доминирования, и политических действий, сопротивления и борьбы в том случае, если существующие отношения являются отношениями доминирования, эксплуатации и неравенства, а также может помочь понять, как наши идентичности были сформированы и продолжают формироваться под воздействием природокультуры и являются гибридом человеческого и не-человеческого.

Библиография

- Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Пер. И. Левиной. М.: Европа, 2011. 256 с.
- Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. С. 14–58.

- Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Пер. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 808 с.
- Рыков А.В. Теория искусства постмодернизма Фредерика Джеймисона. Проблемы социологии искусства // Рыков А.В. Постмодернизм как «радикальный консерватизм». СПб.: Алетейя, 2007. С. 325–348.
- Харауэй Д. Оставаясь со смутой: заводить сородичей в Хтулуцене / Пер. А. Писарева, Д. Хамис и П. Хановой. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 340 с.
- Харман Г. Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера / Пер. А. Морозова, О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.
- Харман Г. Объект-ориентированная онтология: новая теория всего / Пер. М. Фетисова. М.: Ad Marginem, 2021. 272 с.
- Best S., Nocella II A.J., Kahn R., Gigliotti C.A., Kemmerer L. Introducing Critical Animal Studies // Journal for Critical Animal Studies. 2007. Vol. 5. No. 1. P. 4–5.
- Chanan M. Talking Film with Fredric Jameson: A Conversation with Michael Chanan // Homer S., Kellner D. (eds.). Fredric Jameson: A Critical Reader. N.Y.: Plgrave Macmillan, 2004. P. 125–141.
- Gillespie K. The Cow with Ear Tag #1389. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2018. 259 p.
- Gillespie K. For a Politicized Multispecies Ethnography: Reflections on a Feminist Geographic Pedagogical Experiment // Politics and Animals. 2019. Vol. 5. P. 17–32.
- Gillespie K., Collard R.-C. Critical Animal Geographies: Politics, Intersections, and Hierarchies in a Multispecies World. Abingdon; Oxon; N.Y.: Routledge, 2015. 235 p.
- Haraway D.J. The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness. Chicago, IL: Prickly Paradigm Press, 2003. 65 p.
- Haraway D.J. When Species Meet. Minneapolis, MN; L.: University of Minnesota Press, 2008. 423 p.
- Harman G. Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects. Chicago; La Salle, IL: Open Court, 2002. 256 p.
- Harman G. Guerilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things. Chicago, IL: Open Court, 2005. 296 p.
- Kirksey E., Helmreich S. The Emergence of Multispecies Ethnography // Cultural Anthropology, 2010. Vol. 25. No. 4. P. 545–576. doi: 10.1111/j.1548-1360.2010.01069.x.
- Kopnina H. Beyond Multispecies Ethnography: Engaging with Violence and Animal Rights in Anthropology // Critique of Anthropology. 2017. Vol. 37. No. 3. P. 333–357. doi: 10.1177/0308275X17723973.
- Lesjak C. History, Narrative, and Realism: Jameson's Search for a Method // Irr C., Buchanan I. (eds.). On Jameson. From Postmodernism to Globalization. N.Y.: State University of New York Press, 2006. P. 27–50.
- Morton T. Humankind: Solidarity with Nonhuman People. L.; N.Y.: Verso, 2017. 224 p.

- Philo C., Wilbert C.* Animal Spaces, Beastly Places: New Geographies of Human-Animal Relations. L.; N.Y.: Routledge, 2000. 325 p.
- Robinson M.* Veganism and Mi'kmaq Legends // The Canadian Journal of Native Studies. 2013. Vol. 33. No. 1. P. 189–196.
- Wegner P.E.* Periodizing Jameson, or, Notes toward a Cultural Logic of Globalization // Irr C., Buchanan I. (eds.). On Jameson. From Post-modernism to Globalization. N.Y.: State University of New York Press, 2006. P. 241–279.
- Wolch J.R.* Zoöpolis // Wolch J.R., Emel J. (eds.). Animal Geographies: Place, Politics, and Identity in the Nature-Culture Borderlands. L.; N.Y.: Verso, 1998. P. 119–138.
- Wolch J.R., Emel J.* (eds.). Animal Geographies: Place, Politics, and Identity in the Nature-Culture Borderlands. L.; N.Y.: Verso, 1998. 310 p.
- Wolfe C.* What Is Posthumanism? Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2010. 400 p.
- Wolfe C.* Before the Law: Humans and Other Animals in a Biopolitical Frame. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2012. 152 p.

ГЕНРИЕТТА МОНДРИ

1

Я сторонница принципов междисциплинарных исследований отношений людей и животных (*human-animal studies*). Все, что я писала на эту тему — книга о репрезентации собак в русской культуре “Political Animals” [Mondry 2015], статьи о людях и животных — посвящено разным аспектам межвидовых взаимодействий на материальном и символическом уровне. Я исследовала животных-компаньонов, эксплуатацию и видовую дискриминацию, или *спешицизм* (*speciesism*), — как мы решаем, какие виды животных защищать или возрождать, и пересечения дискриминации и расизма.

К примеру, я занималась проблемой *эксплуатации* служебных собак в полицейской и пенитенциарной системах. Эта тема обсуждалась в связи с исследованием тоталитарных и репрессивных обществ, таких как Южная Африка времен апартеида и Советский Союз с его системой ГУЛАГа [van Sittert, Swart 2007; Mondry 2015]. Пример тому можно найти в советской неподцензурной литературе: в повести «Верный Руслан» (1963) Георгий Владимов точно описывает

Генриетта Мондри

Кентерберийский университет,
Крайстчерч, Новая Зеландия
henrietta.mondry@canterbury.ac.nz

разрушительные последствия советских принципов дрессуры для сторожевых собак и невозможность «откатить» их назад. Этот тип взаимодействия между человеком и животным имеет серьезное значение для антропологии, показывая общие черты людей и животных, когда дело касается долговременных последствий воспитания и индоктринации. Обсуждение того, как тюремные надзиратели, полицейские, заключенные и собаки все вместе ожесточаются, ставит под сомнение некоторые базовые установки *антропоцентризма*.

Размышляя о главных изменениях в исследованиях *доместикации животных*, которые касаются *видов-соседей* (*neighboring species*), в первую очередь стоит вспомнить книгу Рэймонда и Лорны Коппингер “What Is a Dog?” [Coppinger, Coppinger 2016], где оспаривается концепция доминирования и гегемонной агентности человека в процессе одомашнивания животных. Опираясь на материалы своих исследований в странах Глобального Юга, авторы показывают обратное соотношение человеческой и собачьей субъектности, если учитывать, кто из объектов доместикации делает выбор первым. Так называемые деревенские собаки (*village dogs*), дворняги, которые живут независимо от человека и принадлежат к крупнейшей популяции собак в мире (85 % от общего числа собак), скорее выбирают людей по своему усмотрению, чем выбираются ими. Чтобы предотвратить распространение зоонозных инфекций, в сельских поселениях Квазулу-Натал, прибрежной провинции ЮАР, ветеринары прививают деревенских собак, и такую меру можно расценить как частичную доместикацию видов-соседей — более гибридный случай межвидового сосуществования.

Работа Коппингеров пригодится не только тем, кто работает в области мультивидовой этнографии, но и тем, кто вовлечен в более широкие исследования совместной эволюции псовых и людей. Подобные кейсы позволяют переосмыслить понятия *одомашненного вида* и *вида-соседа* (*domesticated and neighboring species*), указывая на расплывчатость границ между категориями, применяемыми для описания взаимодействия между человеком и животными.

Сегодня особое внимание уделяется проблеме *спешисизма*. Новые направления исследований уходят от анализа негативных последствий дискриминации эксплуатируемых на фермах животных — темы, которая находилась в центре знаменитой книги Питера Сингера «Освобождение животных» [Singer 1975; Сингер 2021]. Сейчас исследователи работают с понятиями *харизматических видов* (*charismatic species*), т.е. видов, которые благодаря своей эстетической привлекательности вызывают у людей симпатию, и *флагманских* (*флаговых*) *видов* (*flagship*

species), которые находятся под угрозой вымирания и тем самым создают новые иерархии, категории и даже классификации. Парадоксальным образом этот процесс противоречит призыву избавиться от классификации видов, поскольку она наносит вред отношениям между людьми и животными и играет немаловажную роль в категоризации самих людей, например по принципу «расы» [Wasserman 2003].

Растет и количество работ о политизации животных в «животном национализме» (*animal nationalism*) [Dalziell, Wadiwel 2017]. Их авторы показывают, как деятельность по защите животных может неправомерно использоваться для построения иерархии человеческих обществ. Изучение экспорта и способов транспортировки крупного рогатого скота из «цивилизованных» стран (например, Австралии) в страны Азии показывает роль дискурса о страдании животных в установлении расовых и культурных границ. Такие исследования исходят из мысли Сингера о спешисизме, который, согласно Сингеру, в обществе принимает форму расизма, но также оспаривают ее. Они показывают, что, дискутируя о том, как «правильно» убивать животных, мы подспудно признаем, что в целом защищать животных не требуется, нужно только спасти их от «небелых Других». Когда я писала о роли материальности в конструировании «еврейского тела» и тела этнического Другого, я рассматривала использование культурно специфических практик забоя скота для создания расового дискурса [Mondry 2021].

2

Главная задача мультивидовой этнографии и исследований отношений между человеком и не-человеческими животными состоит в том, чтобы найти преимущества межвидового сосуществования для всех сторон. Я не вижу больших проблем ни в том, чтобы исследовать отношения между человеком и животными с исторической или естественно-научной точки зрения, ни в том, чтобы изучать способы репрезентации межвидовых отношений в литературе и искусстве. Всем известно, что люди как биологический вид эволюционировали в контакте с другими видами, и изучение той роли, какую не-человеческие животные сыграли в нашем эволюционном процессе, лишь позволит нам лучше понять необходимость гармоничного взаимодействия с другими видами.

Свежие психологические исследования *гипотезы биофилии* утверждают, что взаимодействия между животными и людьми приносят пользу обеим сторонам. Согласно этой гипотезе, люди имеют врожденную эмоциональную привязанность к другим формам жизни, включая животных. Наличие ранней и внутренней присущей человеку тяги к животным (наблюдаемой в экспериментах с детьми в возрасте от года до трех лет) заставляет

предполагать, что, возможно, в ходе эволюции люди стали относиться к животным иначе, чем к неодушевленным предметам [Herzog 2011]. Наша связь с не-человеческими животными существует на уровне инстинктов. При этом поразительно, что не только люди испытывают интерес и тянутся к детенышам животных, но и в поведении животных наблюдаются некоторые механизмы, выработанные для заботы о людях [Bastian, Amiot 2020].

Некоторые кейсы могут серьезно трансформировать такие ключевые для антропологии проблемы, как роль охоты и/или собирательства в истории *человеческого развития и эволюции*. Сейчас антропологи из ЮАР занимаются проектом, посвященным влиянию страусиных яиц на развитие человеческих эмбрионов в древних обществах охотников-собирателей в Африке к югу от Сахары — «колыбели человечества». Как показывает исследование, в результате включения конкретного страусиного белка в человеческую диету у эмбриона увеличивается размер головы. Кроме того, эта работа ценна тем, что показывает, какую значимую роль в обеспечении пищей играли женщины по сравнению с мужчинами, ведь мужская охота выполняла скорее перформативную функцию и необязательно помогала решить проблему пропитания. Этот удивительный пример рационального использования природных ресурсов, когда у животных берется только то, что можно взять без причинения им вреда, — пример сосуществования людей и животных, который сегодня поднимают на щит феминистские экологами умеренного толка [Hobgood-Oster 2010].

Что касается возможных преимуществ исследования взаимодействий людей и животных и мультивидовой этнографии в современной России, то, на мой взгляд, *возрождение исчезнувших видов животных (animal de-extinction)* может благотворно повлиять на материальное положение юкагиров в Сибири [Shapiro 2015]. Как я писала в работе о проекте возрождения мамонтов в Республике Саха, средства, необходимые для исследования и научной работы по воскрешению исчезнувшего вида, стоило бы выделять и на поддержку и вовлечение в этот процесс местных этнических групп [Mondry 2017]. В то время как доходы республики сильно зависят от вредной для окружающей среды добычи алмазов, создание парков, зон дикой природы и восстановленного ландшафта было бы выгодно для человеческих сообществ, находящихся под угрозой исчезновения.

Если говорить о том, что антропологии полезно поучиться чему-то у других областей, то литература и визуальное искусство, очевидно, играют здесь одну из главных ролей. Стоит учитывать и работы о фольклоре, народных сказках и верова-

ниях, которые, как правило, имеют *антропоморфные* подтексты. Необходимо переосмыслить понятие *антропоморфизма* в отношении других видов, будь то животные, растения и грибы. В книге “Animal Rights and the Politics of Literary Representation” Джон Саймонс приводит важный аргумент в защиту *антропоморфизма* как стратегии репрезентации [Simons 2002]. С его точки зрения, антропоморфизм — «возможно, самый мощный, важный и многогранный инструмент для развития дискурса», который мог бы способствовать прекращению дискриминации всех видов, человеческих и не-человеческих, в «мире, где создается литература, которая этот мир отражает» [Simons 2002: 139]. Литературные и художественные репрезентации свидетельствуют о важности антропоморфизма в процессе детской социализации и развития эмпатии. Антропологи могут воспользоваться этими знаниями в своих работах и исследовать, как усвоенное влияет на развитие экологического воображения, индивидуальности и этики.

Также у литературоведения можно многое почерпнуть для социальных исследований животных-компаньонов, включая сходные случаи насилия над животными и семейного насилия.

3

Для того чтобы «дать голос» не-человеческим существам, антропология должна двинуться в направлении сложной междисциплинарности. Исследования в области естественных наук и психологии помогают дать голос другим видам, поскольку доказывают, что другие животные способны общаться на собственных языках с помощью звуков и знаков. Антропологические работы о шаманизме, ритуальном трансе и перформансе, фокусирующиеся на человеческих воплощениях не-человеческих существ, также можно рассматривать как попытку дать голос другим видам. Наскальные рисунки и другое изобразительное искусство на протяжении тысячелетий давало голос животным, и, интерпретируя эти изображения, ученые возвращают голос как людям, так и не-человеческим животным. Вслед за этологами антропологи могут изучать *общие межвидовые свойства (mutual cross-species effects)* вербальной и невербальной коммуникации, которые проявляются в звукоподражаниях, жестах и других формах телесной мимикрии. Желая дать голос другим видам, мы должны понимать, что «человеческий язык, ротовая полость и мозговые зоны, отвечающие за речь, эволюционировали из языка, ротовых полостей и мозга древних человекоподобных животных» [Lieberman 1991: 3].

4

Если мы расширим «российский контекст», включив в него обширную территорию Евразии с ее многочисленными этническими и языковыми группами, и если мы хотим следовать за современными тенденциями глобальных исследований *human-*

animal studies и критических исследований растений, то возникнет необходимость включить в антропологические межвидовые исследования *вопросы деколонизации*. В этом контексте межвидовая этнография может изучать недавно созданные зоны взаимодействия, требующие выращивания исконных видов растений, изменения поголовья скота и породного состава домашних животных, включая довольно противоречивые концепции *обратный бридинг*¹ (*back-breeding*) и *ревайлдинг*² (*rewilding*). Этот процесс может привести к восстановлению и новому освоению «исконных» навыков и к изменениям в представлениях о личности и сообществе. Таким образом, у нас появятся новые сферы для полевой работы и антропологических исследований.

5

Размышляя об отношениях науки и политического активизма, не стоит смешивать *защиту прав животных и политический активизм*, который может служить собственным целям. Существуют исторические свидетельства того, что проблема жестокости по отношению к животным волновала людей тысячелетиями. Опасения по поводу здоровья, связанные с потреблением мяса животных, появились не так давно и стали заметными примерно в последние пятьдесят лет. Нарастающая тревога по поводу проблем окружающей среды — еще более современное явление, которое касается запутанных вопросов благополучия животных, например промышленного сельского хозяйства и экологии. Тем не менее это поле полно неприятных парадоксов. Исследования в области моральной психологии показали, что в вопросах страданий животных, выращиваемых на мясо, люди не решаются даже гипотетически допустить возможность потребления мяса модифицированных, выведенных специальным образом животных, которые не испытывают физической боли и не способны страдать [Holden, Herzog 2020]. Придуманное людьми понятие «натуральности», пересекающееся с любовью к природе, парадоксальным образом способствует тому, что животные продолжают страдать. Антропология как одна из многих дисциплин, делающих мир добрее к животным, может повлиять на то, чтобы отношения людей с тем, что они едят, были переосмыслены.

Лучший способ отделить науку от неуместного активизма — это отделять факты от вымысла и гипотез. *Биофилия* — это гипотеза; оказывается, широко распространенная в западных культурах идея, что животные-компаньоны благотворно влияют на физическое и ментальное здоровье людей, должна рассматриваться только как гипотеза [Herzog 2011]. Эта идея основана на свиде-

¹ Намеренное селекционное разведение с целью создания породы животных, внешне напоминающих их диких предков, обычно уже вымерших. (Прим. пер.)

² Восстановление географически специфичных зон дикой природы, подразумевающее уменьшение влияния человека на экосистемы и возможность появления новых экосистем. (Прим. пер.)

тельстввах от первого лица, а не на систематических исследованиях, к тому же некоторые научные работы говорят об обратном. Если эмпатия к животным — это результат человеческой эволюции, тогда активизм как форма защиты прав животных вполне может принимать форму рационального дискурса.

Библиография

- Сингер П.* Освобождение животных / Пер. А. Коробейникова. М.: Синдбад, 2021. 448 с.
- Bastian B., Amiot, C.* The Animal in Me: Understanding What Brings Us Closer and Pushes Us Away from Other Animals // Dhont K., Hodson G. (eds.). *Why We Love and Exploit Animals*. L.: Routledge, 2020. P. 9–28.
- Coppinger R., Coppinger L.* *What Is a Dog?* Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2016. XVIII+258 p.
- Dalziell J., Wadiwel D.J.* Live Exports, Animal Advocacy, Race and “Animal Nationalism” // Potts A. (ed.). *Meat Culture*. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 73–89. doi: 10.1163/9789004325852-005.
- Herzog H.* The Impact of Pets on Human Health and Psychological Well-being: Fact, Fiction or Hypothesis? // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. Vol. 20. No. 4. P. 236–239. doi: 10.1177/0963721411415220.
- Hobgood-Oster L.* *The Friends We Keep: Unleashing Christianity’s Compassion to Animals*. Waco: Baylor University Press, 2010. 245 p.
- Holden C.J., Herzog H.* Featherless Chickens and Puppies that Glow in the Dark: Moral Heuristics and the Concept of Animal “Naturalness” // Dhont K., Hodson G. (eds.). *Why We Love and Exploit Animals*. L.: Routledge, 2020. P. 137–153.
- Lieberman P.* *Uniquely Human: The Evolution of Speech, Thought and Selfless Behaviour*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. 210 p.
- Mondry H.* *Political Animals: Representing Dogs in Modern Russian Culture*. Amsterdam: Brill, 2015. 432 p.
- Mondry H.* Selecting Candidates for De-extinction and Resurrection: Mammoths, Lenin’s Tomb and Neo-Eurasianism // *Animal Studies Journal*. 2017. Vol. 6. No. 1. P. 12–39.
- Mondry H.* *Embodied Differences: The Jew’s Body and Materiality*. Boston, MA: Academic Studies Press, 2021. XXII+234 p.
- Shapiro B.* *How to Clone a Mammoth: The Science of De-extinction*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015. 220 p.
- Simons J.* *Animal Rights and the Politics of Literary Representation*. L.: Palgrave, 2002. XII+218 p.
- Singer P.* *Animal Liberation*. L.: The Bodley Head, 1975. XIX+297 p.
- van Sittert L., Swart S.* *Canis Africanis: A Dog History in Southern Africa*. Leiden: Brill, 2007. 295 p.
- Wasserman D.* Species and Race, Chimeras and Multiracial People // *The American Journal of Bioethics*. 2003. Vol. 3. No. 3. P. 13–14. doi: 10.1162/15265160360706741.

Пер. с англ. Александры Захаровой

ТАМАР НОВИК

1

Животные во многом определили концептуальную основу и структуру моей диссертации, а затем и монографии на ее основе. В ней речь шла о том, как в Палестине Нового времени с помощью сельскохозяйственных технологий воссоздавалось библейское изобилие Святой Земли, и в этой истории фигурировали главным образом буйволы, медоносные пчелы, козы, овцы и коровы. С тех пор эти животные и другие — лошади, страусы и орангутаны — сопровождают меня в разных исследовательских проектах и влияют на то, как я интерпретирую этот мир. Еще с университетских времен я привыкла смотреть на животных как на объекты исторических исследований. Тогда, в конце 2000-х — начале 2010-х, на программе по истории и социологии науки разнообразные виды животных, например плодовые мушки-дрозофилы и лабораторные мыши, были героями тех книг, которые мы читали, и диссертаций, которые писали еще несколько аспирантов.

Когда пишешь о конкретной ситуации Палестины / Израиля, где исторические нарративы очень поляризованы, животные оказываются, так сказать, крайне полезными «троянскими конями». Поскольку они выглядят нейтрально и безобидно и даже иногда не воспринимаются всерьез как тема для исследования (в отличие, например, от генералов, политиков или великих ученых), мне не составляло труда проникать в архивы и писать политическую историю, выходящую за рамки общепринятого и посвященную дискриминации, расизму, гендеру и иерархии знания. Другими словами, животные могут стать не только темой для исследования, но и методологическим приемом.

История науки и история окружающей среды — две основные сферы исследований, с которыми я себя связываю. В большинстве работ о животных, написанных в рамках истории науки, они рассматриваются пре-

Тамар Новик

Университет им. Гумбольдтов,
Берлин, Германия
tamar.novick@hu-berlin.de

имуущественно как модельные организмы¹ (см.: [Kohler 1994]). Однако в последние годы больше внимания стало уделяться животным вне лабораторных условий, в том числе в полях и на фермах, а также в более широких и все более глобальных контекстах (см. недавний обзор: [Creager 2022]). В экологической истории животные сыграли решающую роль в анализе и осмыслении глобального империализма и колониализма [Anderson 2004; Fischer 2015; Woods 2017]. По мере того как эти две области исследований постепенно смыкаются (история науки все больше интересуется окружающей средой, а история окружающей среды — процессами производства знания), животные, похоже, становятся привычным предметом исследования, причем не только в естественных науках. Сейчас написать работу по истории науки и окружающей среды, которая не учитывала бы животных, едва ли возможно.

2

Внимание к животным сыграло решающую роль в процессе критического переосмысления границы между природой и культурой. Эта тенденция особенно сильна в истории науки — области исследований, которая посвящена историзации и контекстуализации нашего понимания природного мира. Поскольку животные часто понимаются как своеобразные индикаторы этого мира, то и попытки их изучения играют ключевую роль в формировании научных истин о природе. Так, изучение полового поведения и половых типов в природе, т.е. у животных (или растений), не только было обусловлено представлениями о гендерных и сексуальных конвенциях человеческого общества, но и во многом сформировало эти представления [Schiebinger 1993]. Поскольку главной целью антропологии является анализ культуры — обратной стороны медали, животные вполне могут стать столь же значимыми и для антропологических исследований.

3

Вопросы агентности и проблема антропоморфизации занимают историков, пишущих о животных, уже давно, фактически с конца 1980-х гг. Как на основании архивных материалов воссоздать голоса животных? Как люди вообще могут передавать эти голоса? Некоторые из наиболее интересных проектов не ограничивались стандартными приемами исторических исследований и предлагали совмещать их с методами естественных наук, например этологии — науки о поведении животных [Venson 2011]. Тем не менее, хотя дискуссии об агентности и антропоморфизме существенно обогатили науку, они, вероятно, всегда будут оставаться открытыми. И это нормально, так как появляются новые вопросы о животных, которые ждут своего

¹ Организмы, которые используются в качестве моделей для изучения каких-либо аспектов природы в надежде на открытие закономерностей, свойственных и другим живым существам. (Прим. пер.)

ответа, например «для решения каких исторических или антропологических проблем животные годятся особенно хорошо?» Значительно развившийся в последние годы жанр *биографии животных* (*animal biography*), которым я много занимаюсь, — хороший пример такого формата, который позволяет задавать новые вопросы о том, где пролегает граница между человеком и животным, что значит быть человеком и каковы пределы исторических исследований. Можем ли мы рассматривать животное не только как действующее лицо, но и как отдельного исторического субъекта, обладающего собственной историей жизни, которую можно рассказать? Какие источники могли бы использовать историки, чтобы не только дать голос, но и рассказать о конкретных, иногда частных, а иногда публичных жизнях прошлого и о том, насколько иначе по сравнению с другими эти жизни проживались и переживались?

4

Долгое время гуманитарные и социальные исследования животных основное внимание уделяли англоязычному миру, Европе и Северной Америке, тем более когда дело касалось истории, особенно истории окружающей среды. В последние пару десятков лет, с появлением антропологического *поворота к видам* (*species turn*) и *глобального поворота* в истории (*historical global turn*), начал накапливаться значительный объем работ о Других, в том числе в контекстах Глобального Юга. Для исследований Ближнего Востока — области, в которой долгое время ведущими были филологические и политико-экономические подходы, животные стали полноправным объектом изучения совсем недавно (см., например: [Dolbee 2023]). То же самое вполне может случиться в российском контексте, даже если направление развития этой области определяют, вероятно, другие обстоятельства. Растущая озабоченность изменениями климата (пусть степень этой озабоченности и меняется от региона к региону) привела к тому, что в разных дисциплинах «экологические темы» стали заметнее, а значит и животных в качестве объекта исследования стали выбирать чаще. Так как экологическая антропология повсеместно набирает популярность, животные, вероятно, станут занимать все больше места и в исследованиях, посвященных России, специфике ее природного статуса и ее связи с глобальным контекстом.

5

Многие, если не большинство встречавшихся мне исследователей животных в своей работе были движимы этикой защиты прав животных. В этом случае связь между изучением животных и активизмом очевидна, но, безусловно, существуют и другие виды связи, особенно когда исследования проводятся в регионах и сферах жизни, в которых животные культурно и экономически значимы. В подобных обстоятельствах результаты научной деятельности неизбежно имеют политический смысл,

в широком понимании слова «политика». Лично я выбрала исследование животных как способ написать работу по политической истории, именно потому что они, по крайней мере на первый взгляд, едва ли являются политическими субъектами. Тем не менее история североамериканских бизонов или палестинских черных коз в буквальном смысле крайне политизирована, поскольку политика их массового истребления (*their management as persecution*) проводилась одновременно с жестокими мерами по отношению к коренным жителям, которые владели этими животными и жили вместе с ними [Isenberg 2000; Novick 2023: 47–76]. В этом смысле (независимо от активистской защиты прав животных и в той мере, в какой академическая работа может считаться активизмом) у исследований животных немало шансов, для того чтобы расцениваться как политическое действие или быть его частью.

Библиография

- Anderson V.D. *Creatures of Empire: How Domestic Animals Transformed Early America*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2004. XI+322 p.
- Benson E. *Animal Writes: Historiography, Disciplinarity, and the Animal Trace* // Kalof L., Montgomery G.M. (eds.). *Making Animal Meaning. The Animal Turn*. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2011. P. 3–16.
- Creager A.N.H. *Model Organisms Unbound* // *Journal of the History of Biology*. 2022. Vol. 55. No. 1. P. 21–28. doi: 10.1007/s10739-022-09675-8.
- Dolbee S. *Locusts of Power: Borders, Empire, and Environment in the Modern Middle East*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 336 p.
- Fischer J.R. *Cattle Colonialism: An Environmental History of the Conquest of California and Hawai'i*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2015. XIV+266 p.
- Isenberg A.C. *The Destruction of the Bison: An Environmental History, 1750–1920*. N.Y.: Cambridge University Press, 2000. 218 p.
- Kohler R.E. *Lords of the Fly: Drosophila Genetics and the Experimental Life*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1994. XV+321 p.
- Novick T. *Milk and Honey: Technologies of Plenty in the Making of a Holy Land*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2023. 262 p.
- Schiebinger L. *Why Mammals Are Called Mammals: Gender Politics in Eighteenth-Century Natural History* // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. No. 2. P. 382–411. doi: 10.2307/2166840.
- Woods R.G.H. *The Herds Shot Round the World: Native Breeds and the British Empire, 1800–1900*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2017. 233 p.

Пер. с англ. Александры Захаровой

СТЕПАН ПЕТРЯКОВ

1

Дежурно отмечу, что я не являюсь специалистом в этой многообещающей области антропологического знания. Мое знакомство с мультимедийной этнографией связано с более общим интересом к широкому кругу англоязычных антропологических работ. Поэтому мои соображения здесь будут носить по большей части общий характер и исходить из скромного читательского опыта.

В первую очередь нам всегда стоит говорить не об отдельных живых существах, но о своего рода зонах контакта людей и не-людей, пространствах со-становления, если использовать этот популярный делезовский термин. Таковыми могут быть монокультурные плантации, животноводческие фермы, лесные вырубки, промысловые акватории, научные лаборатории, зоны радиоактивного заражения и химического загрязнения. То есть то, что можно назвать ландшафтами антропоцена или даже капиталоцена. Изучая их, мы избежим опасности фетишизации конкретного вида и перейдем к более сложному анализу отношений человека и не-людей, а также тех структурных сил, которые их формируют. В этом плане мне на ум приходит проект “Feral Atlas”, в котором группа художников и исследователей из разных областей социального и естественно-научного знания работает над тем, чтобы показать, что каждое событие в истории человечества было событием более-чем-человеческим¹. Примечательно, что здесь нет конкретных историй не-человеческих живых существ самих по себе. Напротив, дан большой набор примеров межвидовых отношений, помещенных в контекст капиталистической торговли и промышленности, колониальной экспансии, войн и экологических катастроф. Это может быть распространение не-человеческих видов через сети трансатлантических перевозок, роль амбарных котлов

Степан Игоревич Петряков
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
spetryakov@eu.spb.ru

¹ <<https://feralatlantlas.org/>>.

в проектах поселенческого колониализма или влияние аварии на Чернобыльской АЭС на дикорастущие ягоды, которые попадают в завтраки современных американцев. С этой позиции нет никакого смысла просто менять главного героя антропологического повествования с человека на, например, корову. Конечно, осуществив подобную операцию, мы сможем заявить о том, что «дали голос» еще одному виду. Однако здесь, по моему мнению, кроется серьезная опасность. Она состоит в экстраполяции на другие виды «слишком человеческой» политики идентичности и *affirmative action*, результаты которых довольно противоречивы, если не сказать сомнительны (см.: [Haider 2018; Táíwò 2022]).

Вместе с тем нам не следует забывать, что собственно человеческая точка зрения не является чем-то однородным и непротиворечивым. Другими словами, плюрализируя не-человеческий мир, мы должны не упустить из внимания то, как люди всегда оказываются разделены по линиям класса, расы и гендера, и то, как эта система разделений влияет на взаимоотношения с нечеловеческими акторами. Это довольно тривиальные для социально-антропологического анализа вещи, и, вероятно, они все еще довольно антропоцентричны. Но я подбадриваю себя остроумным замечанием Терри Иглтона: «Мужчины и женщины действительно в каком-то смысле более изобретательны, чем ежи. Они также неопишимо более разрушительны, и по тем же причинам. Те, кто отрицает первое, рискуют проигнорировать и второе» [Eagleton 2017: 12].

2

Полагаю, что главной задачей мультимедийной этнографии должно быть приращение критическому реляционному анализу иных онтологических оснований. Благодаря вниманию к другим видам, мы сможем остраничь наши устоявшиеся мыслительные привычки. В сущности, это все та же критическая работа в отношении само собой разумеющихся допущений о природе социальной жизни, того, что Пьер Бурдьё когда-то назвал доксой, а Маркс — идеологией. На каких основаниях происходит выстраивание иерархий между различными формами жизни? Кто и как определяет границу между живым и неживым? Когда мы получим ответ на эти вопросы, перед нами откроется возможность радикально иначе взглянуть на хорошо знакомые истории капитализма, колониализма и империализма. У нас появится возможность увидеть, насколько глубоко «достоинства» человеческой социальности укоренены в мирах других живых существ. В этом ключе работает, например, историк Джейсон Мур, автор концепций капиталоцена и дешевой природы [Moore 2015]. Он показывает, как логика прибавочной стоимости встроена в оппозиции природы и культуры, ранжирование видов и скрытый труд не-людей. Согласно Муру, эксплуататорские отношения

могут воспроизводиться лишь при замаскированной работе не-человеческих существ. В этом моменте я прослеживаю отчетливую связь мультимедийных исследований и феминистской критики. Мультимедийная перспектива вообще имеет шанс стать важной «точкой пересборки» антропологического исследования сегодня, поскольку позволяет денатурализовать многие идеологические предпосылки, лежащие в основании текущего климатического кризиса. В конце концов в более-чем-человеческом мире идеи отчуждаемых «ресурсов», поступательного прогресса или частной собственности не кажутся чем-то естественным и предопределенным. Вспоминая известный образ Мишеля Фуко, история (мультимедийная?) может смыть их, как волна смывает следы на песчаном берегу.

3

На мой взгляд, необходимо осваивать новые способы и измерения письма. В этой связи не стоит забывать гирцевскую максиму «Чем занимается этнограф? Он пишет!» Обратите внимание, что «Гриб на краю света» Анны Цзин [Tsing 2015], будучи мультимедийной этнографией, представляет собой одну из главных антропологических работ прошлого десятилетия. При этом книга Цзин — это еще и прекрасный пример экспериментального этнографического письма. На мой взгляд, сила этого текста заключается в том, что он во многом подражает тому, о чем призван рассказать, — товарной цепочке гриба мацутакэ. Композиция книги Цзин, которую она называет «буйством коротких глав», имитирует спорадический рост грибов после дождя или же ту самую запутанность (*entanglement*), о которой сейчас так часто пишут некоторые антропологи. Читатель знакомится со сложным миром торговли грибами в том числе благодаря тому, как этот текст сделан. Точно так же другая прекрасная работа, “Porkopolis” Алекса Бланшетта [Blanchette 2020], этнография промышленного свиноводства, на уровне композиции вдохновлена жизненным циклом промышленной свиньи. Наконец, книга Майкла Тауссига “Palma Africana” [Tausig 2018], посвященная экспансии монокультурного земледелия в Колумбии, вообще не имеет глав, но представляет собой то, что сам Тауссиг называет «змеевидным текстом». Это текст, который имитирует насилие агробизнеса в отношении колумбийского крестьянства. Характерно, что в случае мультимедийных этнографий мы часто имеем дело с миметическим письмом, текстами, которые буквально вбирают в себя собственные «объекты исследования», изображают их и тем самым представляют. Именно в подражании другим существам на уровне самой материи языка я нахожу один из возможных способов создания антропологии за пределами человека.

Вообще говоря, несложно обнаружить, что у связей этнографического письма и мультимедийного исследования есть глубокая

генеалогия. Так, если мы считаем, что ключевым приемом в этнографическом тексте является *остранение*, то нельзя не вспомнить автора этого термина Виктора Шкловского. В «Искусстве как приеме» русский формалист иллюстрирует работу метода остранения, обращаясь к рассказу Льва Толстого «Холстомер» [Шкловский 1929: 14]. Как известно, это текст, написанный от лица лошади. Занятно, что Шкловский делает акцент на том, как мерин с глубоким непониманием рассуждает об институте частной собственности. В результате мы достигаем эффекта, благодаря которому сложившиеся общественные отношения не являются чем-то само собой разумеющимся, но предстают денатурализованными, т.е. остраненными. Таким образом, у Толстого точка зрения лошади проблематизирует капиталистический здравый смысл, подрывает его гегемонию. То есть более-чем-человеческая перспектива позволяет обнаружить абсурдность человеческого мира, в котором как люди, так и не-люди низводятся до статуса товара. Выглядит чрезвычайно свежо и антропологично. Выходит, антропологам есть чему поучиться у Толстого?

4

В самой постановке вопроса можно увидеть главную причину — периферийность российской антропологии, обусловленную мировым разделением академического труда и историей формирования дисциплины в России. У сложившегося положения есть очевидные минусы, но есть и плюсы. Главное преимущество, на мой взгляд, заключается в возможности формирования спокойного интереса к дискуссиям академического центра или ядра (выражаясь в терминах Иммануила Валлерстайна). Это касается не только мультимедийной этнографии, но и всего, что происходило с дисциплиной после *writing culture*. С одной стороны, такого рода интерес не позволит простоудушно следовать в фарватере моды евроамериканской академии, занимаясь по большей части церемониальным цитированием и повторяя клише в угоду рынку англоязычных публикаций. С другой стороны, трезвое любопытство избавит российскую антропологию от опасности теоретической нищеты и изоляции.

Здесь есть и другой важный момент. Как я себе это представляю, в основании «глобальных трендов в антропологии» зачастую лежит оригинальная работа с «большими» философскими идеями в новых политических и экономических условиях. За мультимедийной этнографией, например, угадывается критика современных дуализмов мышления и протяженной субстанции, субъекта и объекта, природы и культуры. Это многогранный и противоречивый проект. В нем у человека не остается привилегированного места в мире, как предполагает классическая европейская метафизика. Вместо этого, как у Спинозы, существует единая субстанция и ее бесконечные модусы, которым

чужд иерархический порядок. Поэтому важным становится все — ветер, насекомые, скалы, жидкости, собаки. С этим вовсе не обязательно соглашаться, но игнорировать существование подобных дискуссий непродуктивно. Завершая этот сюжет, еще раз подчеркну: за мультимедийной этнографией скрывается ряд очень серьезных политических и теоретических ставок, которые необходимо учитывать. Мультимедийной поворот — это лишь видимый край всего того, что происходило с критическим социальным знанием за последние тридцать лет. Закономерно за внимательным отношением к этому направлению могут последовать столь необходимые российской антропологии более широкие дискуссии о теории, методе и письме.

Библиография

- Шкловский В.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 265 с.
- Blanchette A.* Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm. Durham, NC: Duke University Press, 2020. 320 p.
- Eagleton T.* Materialism. New Haven, CT: Yale University Press, 2017. 192 p.
- Haider A.* Mistaken Identity: Mass Movements and Racial Ideology. L.: Verso, 2018. 146 p.
- Moore J.* Capitalism in the Web of Life. N.Y.: Verso, 2015. 336 p.
- Taussig M.* Palma Africana. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2018. 258 p.
- Táiwò O.* Elite Capture: How the Powerful Took Over Identity Politics (and Everything Else). Chicago, IL: Haymarket Books, 2022. 168 p.
- Tsing A.* The Mushroom at the End of the World. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015. 352 p.

ИРИНА ПОДГОРНАЯ

1

Я училась на археолога / антрополога в 1980-е гг. на факультете естественных наук, где отношения человека и «других видов» были чем-то само собой разумеющимся. Стоит иметь в виду, что и в Северной, и в Южной Америке антропология, этнография и археология были (а в некоторых университетах остаются) тесно связаны с естественными науками благодаря преподаванию и/или институционализации в музеях естественной истории. В 1980-х эта институциональная привязка казалась проблематичной, но она внесла свой вклад: нас учили воспринимать людей и человеческое общество не изолированно от вещей, материалов и существ других видов, но в тесной связи

Ирина Подгорная

Национальный научный
и технический исследовательский
совет (CONICET) /
Исторический архив
Музея Ла-Платы,
Национальный университет
Ла-Платы,
Ла-Плата, Аргентина
ipodgo@isis.unlp.edu.ar

с ними. Этот подход контрастирует с более широким социо-антропологическим дискурсом, сформированным социальными науками, где ныне мультимедийный подход воспринимается как нечто новое.

Вообще я была бы осторожна с самой идеей «мультимедийного». На самом деле мы говорим не о разных видах внутри рода, но скорее об отношениях между видами, принадлежащими к разным родам, семействам, классам, порядкам, типам / отделам и даже царствам и доменам. Первый вопрос: что в этом случае значит «мультимедийное» и почему мы выбираем уровень видов, чтобы говорить об отношениях? К примеру, отношения домашнего кота и человека — это отношения между видами, которые принадлежат к двум надотрядам класса млекопитающих: Лавразиатерии (*Laurasiatheria*) и Супраприматы (*Supraprimates* / *Euarchontoglires*). Или же мы говорим о «видах» в обыденном значении слова, безотносительно того, как это понятие используется в систематике и теории эволюции? И конечно, человеческое тело и человеческое домашнее пространство складываются из взаимодействия эукариотов (включая *Homo sapiens*) и прокариотов, а также минералов и т.д.

Все наши курсы — от таксономии (где мы узнали об искусственности классификаций) и экологии (для которой принципиальны вопросы отношений между видами из разных семейств и «царств», что, например, отразилось в понятиях *энергии*, *пищевой цепи*, *биомассы*, *симбиоза* и др.) до антропологии и археологии — все они всегда включали сложные исследования совместной эволюции людей и других живых существ, взаимодействия с почвой, климатом и водой.

Курсы по истории антропологической мысли рассказывали, как антропология возникла — в связи с дискуссиями об одомашнивании растений и животных, экономике охотников-собирателей, рыболовстве и земледелии / скотоводстве, об управлении ресурсами, населением, огнем и водой в неиндустриальных обществах и т.д.

Преподавание археологии уделяло особенно много внимания связям материальной культуры с животными и растениями, а именно следам и микроследам, которые явления окружающей природы могли оставить на каменных орудиях, сохранению органики с течением времени, неполноте археологической записи и тому, что большинство узоров жизни для будущего уже утрачены.

Анализ тканей, плетеных изделий, красителей, оружия, одежды, украшений и т.д. также подразумевает изучение взаимодействия людей с животными, минералами и растениями тех мест, где

они обитали, а также того, как они связывали между собой людей, живших далеко друг от друга.

Археоботаника и археозоология, входившие в наш учебный план, включали изучение позвоночных и беспозвоночных, одно- и многоклеточных, грибов и водорослей, морских, речных и земных организмов. Мы были достаточно подкованы в сравнительной анатомии и зоологии позвоночных, чтобы понимать, насколько просто мы сами устроены анатомически.

На курсах по этнографии всегда говорилось о культурных отношениях людей, животных и растений, в том числе с точки зрения этнотаксономии, медицины и магии, перемещения животных и растений между континентами и пр. Впрочем, рассказов о зоофилии и бестиализме преподаватели избегали, но то же самое можно сказать и о человеческой сексуальности в принципе, за исключением отношений родства. Наскальное искусство во всех смыслах этого слова и всех периодов на всех континентах, как нас учили, отражало отношения с другими существами, будь они объектами страха, магии, культа, жертвоприношения, источниками пищи, предметом изображения или ингредиентом в составе красителей или клея. Зерно и виноградные листья, лавр и эвкалипт — растения были задействованы в жертвоприношениях и священных церемониях народов Мезоамерики, древних греков и австралийцев.

Таким образом, историю человечества нам всегда преподавали как неразрывно связанную с другими организмами — в рамках того, что на тот момент называлось «культурной экологией» (главным образом это были работы Джулиана Стюарда и Лесли Уайта). Такой подход демонстрировал студентам весь спектр хитросплетений эволюции: он рассказывал в том числе об исторических вымираниях видов и о том, как во всех религиях растения и животные (а также люди) становились объектами почитания, табу, жертвоприношения или культа. Лучший пример — сожительство разнообразных животных на Ноевом ковчеге или же отношения, которые описываются в древнегреческих мифах.

Впрочем, я думаю, что культурная история эпидемий и исторических / эволюционных отношений с вирусами и бактериями может быть не менее насыщенной. Наиболее амбициозными мне кажутся недавние работы, авторы которых стремятся описать людей как «обычные» организмы-хозяева, необходимые для эволюции микробных экосистем (прокариотов, эукариотов и вирусов).

2

Второй вопрос: этнографии кого и какого периода? Речь о том, как использовать этнографический метод для описания совре-

менных обществ, более или менее включенных в государственное управление посредством письменных свидетельств из их прошлого? В этом случае я бы хотела подчеркнуть, что этнография и антропология всегда находились в простых отношениях с историей в том смысле, что они не интересовались вопросами изменений и преемственности во времени и пространстве. То, что существует сегодня и может быть зафиксировано как местная точка зрения (неважно, какого общества) или же как ключевые связи, могло быть изобретено по случаю или возникнуть на основе совсем другой традиции не так давно. То, что кажется исконным или представляется как таковое, с точки зрения человеческой истории / коэволюции может быть совсем новым.

Взять хоть появление лошадей на равнинах Северной и Южной Америки и ту быстроту, с которой возникли и закрепились как «местные» новая материальная культура, новая структура хозяйства и новые социальные конфигурации. Научное исследование в таком случае должно показать, какие факторы формируют местную точку зрения и как быстро те или иные явления «натурализуются», а история забывается.

Впрочем, я действительно думаю, что хорошая этнография, например классическая работа Эванса-Причарда о нуэрах, которая упомянута во введении к этому «Форуму», предполагает, что человеческая культура существует в отношениях с животными, растениями, минералами, инфекциями и водой. И это вошло в азы исторической науки, антропологии и экономики. Конечно, необходимо всестороннее образование: одна из главных проблем современных гуманитарных наук — преобладание идеологизированной критики и манифестов при нехватке исторической / биологической глубины, без которой нет понимания того, как зарождались, развивались и погибали живые системы и формы. Отрадно, что «мультивидовой» подход пытается воссоединить то, что университетская администрация, академические моды и структуры факультетов разводят в разные стороны.

3

Просто читайте классику, бродите по музеям, изучайте музейные коллекции, ходите на концерты и в кино, ешьте, пейте и погружайтесь в хитросплетения культурного и природного. Чудесный пример — фильм сенегальского режиссера Джибрила Диоп-Мамбети «Туки Буки» (*Touki Bouki*, 1973), который показывает, как преодолевать границы и как исследовать сложность мира. (Другой его фильм, «Гиены» (*Hyènes*, 1992), тоже очень хорош! См., например, интервью: <<https://newsreel.org/articles/mambety.htm>>). Или можно почитать книгу Станислава Лема «Мнимая величина» о поэзии бактерий. Еще раз: взгляд на людей как на материальный субстрат эволюции микробных

экосистем помогает преодолеть антропоцентризм. Равно как и мышление за пределами уровня видов.

4

Я не погружена в российский контекст, но в XIX в. это было не так. Например, Карл Эрнст фон Бэр, работавший в Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, изучал влияние человека на недавние вымирания видов. Или возьмем советскую археологию 1950-х гг., когда Сергей Семенов развивал исследования микроследов на доисторических орудиях (так называемый трасологический метод, или анализ следов износа, *use-wear analysis*). Или проекты Александра Опарина, который изучал происхождение жизни на Земле методами биохимии и биологии.

И наконец, почему нас до такой степени колонизировала американская мода и тенденция изобретать новые термины, чтобы заново открывать (или не открывать) науку прошлого и настоящего?

5

Конечно, наука может рассматривать активизм в качестве объекта исследования. И пытаться объяснить, как и в каком контексте активизм(ы) появляется(-ются) и исчезает(-ют). И откуда берется новая тенденция к профессионализации активизма и озабоченность главным образом присутствием в социальных медиа и медийным влиянием, а не влиянием на общество.

Пер. с англ. Александры Захаровой

МИЛЕНА ПУГИНА

1

Мне кажется, что сама история моего «попадания» в исследования животных очень показательна для понимания значения межвидовой этнографии в антропологии в целом. Все началось с того, что, занимаясь исследованиями города, я ходила по Санкт-Петербургу в поиске чего-то, что меня бы заинтересовало как исследователя. В итоге я остановила свой выбор на саде Академии художеств, который заинтриговал меня своей сконструированной «потаенностью», высоким забором и тем, что он, будучи частью Академии, находится в свободном доступе для посещения любыми прохожими. В этом саду есть конюшня, которая была построена в XIX в., для того чтобы художники батальной мастерской при Академии могли рисовать лошадей «с натуры». В советское время ее работа ненадолго при-

Милена Павловна Пугина

Факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
 milenapugina.ru@gmail.com

остановилась и была возобновлена неравнодушными работниками Академии в 1990-е гг. Поначалу мне показалось, что конюшня при саде и живущие в ней лошади — лишь один из аспектов, которые делают это «тайное» место в городе интересным. Однако чем больше я ходила «в поле» и наблюдала за садом, тем больше я понимала, что все мои полевые записи и гипотезы неминуемо приводят к ним. Для лошадей этот сад — «дом», по крайней мере в человеческом смысле понимания этого слова, а не просто сад для прогулок, в то время как люди иногда заходят сюда, чтобы провести время в симпатичном парке. Игнорирование этого факта неуважительно, да и опрометчиво с исследовательской точки зрения.

Однако здесь передо мной встал вопрос. Как мне включить нечеловеческих акторов в свое исследование? Как дать им «голос»? Я не могу задавать им вопросы, как я задаю их своим человеческим информант(к)ам. Технически я могу использовать методы невключенного наблюдения, но здесь возникает другая проблема: как и через какие слова и понятия интерпретировать увиденное? Понятное дело, что такой вопрос стоит перед каждым антропологом, который занимается наблюдением вне своей культуры. И в этом, наверное, тоже особенность межвидовой этнографии: нам кажется, что исследователи и не-люди (*non-humans*) слишком разные, что мы не в состоянии интерпретировать действия друг друга без обладания каким-то особым специальным знанием. Хотя непонятно, между кем коммуникационный барьер «выше»: между мною и моей собакой или между мною и жителем отдаленной деревеньки где-то в Бразилии. При этом как исследователь я бы скорее чувствовала себя увереннее в своих силах и знаниях, если бы мне предложили понаблюдать за жизнью в небольшой деревеньке в Бразилии, чем за жизнью в стае бродячих собак.

Поймав себя на таких рассуждениях и неуверенности, я решила начать работу с автоэтнографии, посмотреть, как я действую и ощущаю себя в присутствии животных в городском пространстве, и поняла, что в своем взаимодействии с животными я в некоторых случаях пытаюсь скорее сказать что-то о себе другим людям через него, чем действительно взаимодействовать. Понаблюдав за другими посетителями сада Академии художеств и нескольких других парков, которые являются «домом» для животных, я поняла, что большинство людей делают так же. Таким образом родилось мое исследование о перформативности практик взаимодействия человека и животного в городском пространстве, о том, как люди используют это взаимодействие для конструирования определенных идентичностей, над которым я продолжаю работу по сегодняшний день.

2

Я прекрасно осознаю, что в собственных научных изысканиях на тему межвидового взаимодействия исхожу из позиции, которая ближе скорее к антропоцентричной, так как все-таки объект моего исследования — это перформативность человеческой идентичности, а методы моего исследования — включенное наблюдение и нарративное интервью — используются в исследовании человека человеком. Однако, на мой взгляд, таких практических работ сейчас не хватает. Существует огромное количество (по сравнению с другими научными сферами, конечно, все равно недостаточное) теоретических работ, рассуждающих о том, каким может быть наше взаимодействие с животными и другими не-человеческими акторами, если мы признаем их равноправными участниками конструирования нашего совместного бытия, от манифеста «животных-компаньонов» Донны Харауэй до концепции «киборгианского урбанизма» Мэттью Ганди. Но все они, как мне кажется, рассуждают о гипотетическом будущем, в котором мы сможем изменить свою перспективу. Такие работы очень важны, но важным представляется и изучение того, как дела обстоят сейчас, как межвидовое взаимодействие устроено на данный момент, через какие практики реализуется, чтобы лучше понимать, куда и как двигаться дальше.

Выступая со своим исследованием на различных конференциях, я часто сталкивалась с вопросом о том, использовала ли я в своей работе акторно-сетевую теорию в понимании Бруно Латура. Несмотря на то что в своих источниках я ее не упоминаю, для меня онтологическое равноправие не-человеческого с людьми-субъектами является чем-то большим, чем «теоретической рамкой» исследования. Это часть моего мировоззрения, исходная точка всей работы. Я не цитирую Латура, но его легко можно прочесть между строк моего текста. На мой взгляд, будущее межвидовой этнографии заключается в принятии ключевых текстов «онтологического поворота» в социальных науках за данность и в применении их теоретических наработок на практике.

3

Мир не-человеческого безмерно богат и включает в себя огромное количество различных видов. Поэтому стоит понимать, что «не-человеческие акторы» — очень обобщенный термин, и пытаться найти универсальный подход к изучению всей группы сразу — это как искать один-единственный подход к изучению всего человечества, игнорируя все культурные и другие различия. В антропологии не-человеческого, как и в антропологии человечества, существуют «маргинализованные» группы существ, которым человечество в целом и исследователи в частности уделяют меньше всего внимания или связывают с ними определенные предубеждения. К таким существам можно отнести микробы и бактерии, бездомных животных, крыс, тара-

канов. И я тоже виновна в потакании такой «маргинализации». Однажды после одной из конференций в Европейском университете мне предложили делать исследования про тараканов, и я вынуждена были признаться, что соглашусь только на том условии, что мне не придется долго наблюдать за ними или держать их в руках, потому что мне на данном этапе жизни будет очень тяжело побороть иррациональный панический страх, который я чувствую перед ними.

Мои изыскания в области межвидовой этнографии коснулись лошадей, крупных одомашненных птиц (гуси, лебеди) и белок. Часто коллеги спрашивают у меня, почему я не рассматриваю крыс, бездомных кошек и собак. И ответ довольно простой: потому что я не могу рассматривать «маргинализованных» животных вместе с теми, которые таковыми не являются, для этого нужны совершенно другие подходы, которые будут учитывать эту маргинализацию. Однако это не значит, что я не планирую заниматься изучением таких подходов в будущем.

5

В этом смысле очень важным для меня представляется перспектива активистов и работников в сфере зоозащиты, поскольку их работа как раз связана с осмыслением текущего положения дел во взаимодействии человека и животного. Сама я на данный момент активисткой в этой сфере себя не считаю, но из опыта взаимодействия с коллегами — исследователями животных могу сказать, что многих людей именно активизм и приводит в науку.

В апреле 2024 г. в рамках XXII международной конференции молодых ученых «Векторы» была организована замечательнейшая секция по критическим исследованиям животных, насколько мне известно, одна из первых в России. Я имела удовольствие выступать на этой секции с одним из немногих докладов с антропологической перспективой. Выступление породило обширную дискуссию, в которой приняла участие в том числе делегация от региональной зоозащитной общественной организации «Голоса за животных». Коллеги-зоозащитники помогли мне посмотреть на мое исследование с другой стороны, а именно задуматься о том, как меняются перформативные функции взаимодействия животного и человека, когда животные не городские, как в моей работе, а сельскохозяйственные (именно на защите прав животных в сельском хозяйстве специализируется эта организация).

Поэтому мне кажется, что признать агентность животных и других *non-humans* в своих исследованиях, принять принцип «радикального» (Джудит Батлер, «Сила ненасилия») и межвидового равенства — значит дать им «голос», а это уже само по себе близко к активизму.

ЛИДИЯ РАХМАНОВА

«Имею “виды” на этих зверей»: о неэффективности и мужестве мультивидовой этнографии

Каждому, сидевшему летним вечером у костра, приходилось испытывать ощущение, что он(а) стал(а) объектом изучения. Назойливый одинокий комар издает писк, то приближаясь, то отпрянув, то у левого виска, то возле правого плеча. Комар изучает. Комар примеривается, оценивает перед приземлением и укусом. Я замираю, все мои мысли сконцентрированы на единственно возможном источнике, который проявляет присутствие (и намерения) этого живого существа, — на звуке в темноте. Все мои исследовательские способности далеки не только от концептуальных ходов в будущей статье. Они далеки даже от мысли о том, что я могла бы записать сегодня в полевой дневник. Сейчас есть только одна цель: молниеносно нанести удар, прицелившись «на звук» (а не «на глаз»).

Эта повторяющаяся каждый год ситуация межвидового взаимодействия подводит меня к мысли о том, что, когда нас «исследуют» комары, выбирая, чьей крови испить, мы начинаем «исследовать» их в ответ.

«Мы изучаем, нас изучают...»

Исследование такого рода реактивно. Оно вынужденно. Более того: не совсем ясно, изучаем ли мы насекомых и животных в качестве социальных исследователей, антропологов, этнографов. Или же (что более вероятно) мы проявляем в этой концентрации восприятия и внимания скорее свою общечеловеческую сущность, нежели профессиональную идентичность?

Возвращаясь к вынужденному, почти насильственно сформированному фокусу исследовательского внимания на опасных и назойливых насекомых, юрких и трудноразличимых в листве ядовитых змеях,

Лидия Яковлевна Рахманова
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
muza-spb@yandex.ru

заставляющих кровь стечь в жилах медведей и стаях волков, я задаюсь вопросом: насколько «видовой поворот» / *species turn* является способом расширения поля субъективностей в социальной антропологии, а не, скажем, полевой стратегией выживания исследователей, стратегией совладания с нашими собственными страхами, брезгливостью, привязанностями в отношении других живых существ?

Прогрессивные классификации

Несмотря на то что на русский язык уже переведена «Инсектопедия» Раффлза [Раффлз 2019], мы по-прежнему «укрупняем» определенные виды живых существ, помещая их в «царства», «семейства» или используя прагматическое деление, выделяя, например, «боровую птицу» и отделяя ее от «водоплавающей». То, что кажется очевидным шагом вперед (например, внимание к насекомым и микроорганизмам столь же пристальное, как и к млекопитающим), в других контекстах (этнография охотничьих практик) оказывается лишь необходимостью для соотнесения вида дичи и правильного калибра и типа оружия, с которым на нее стоит охотиться.

Потому я вижу проблематичным такой тип внимания к нечеловеческим субъектам, который уже заведомо «процежен» сквозь традицию этнографического изучения охоты, рыбной ловли, природопользования в целом. Здесь отношения, а точнее прямые столкновения человека и зверя, человека и рыбы, оказываются смазанными оптиками неформальной экономики в сельской местности, экологического активизма, ритуальных практик и поверий, связанных с удачей в охоте.

Иными словами, проблема состоит не в том, что на нечеловеческие существа антропология обращала ранее гораздо меньше внимания, чем на человека, а в том, что отношения человека и нечеловеческих субъектов (животных, духов и т.д.) поглощены контекстом практик, воображений, ритуалов и языков и растворены в этих феноменах, которые легко схватываются и описываются этнографически. Проблема же предстояния и противостояния во встрече, в столкновении с другим видом заключается в том, что мы не всегда умеем ее замечать, удивляясь и по-исследовательски, и по-человечески. Искусство приметливости [Tsing 2015] отчасти показывает путь расконтекстуализации мира нечеловеческих субъектностей, которые сгустились вокруг нас и которые пора начать «узнавать».

О неэффективности и мужестве

В связи с вышесказанным я вижу основную задачу мультивидовой этнографии в сочетании позиции уязвимого субъекта

как субъекта открытого, со способностью с известной долей саркастичности и сомнения смотреть на те интерпретации, на те способы понимания, которые мы используем или обретаем в «поле». Здесь не обойтись без сюжета, который послужит мне опорой для объяснения уязвимости и сомнения как основополагающих элементов.

*Когда охотник в неформальной беседе вдруг задумывается о том, как соотносятся христианское восприятие убийства человеком другого живого существа и его собственные практики охоты на птицу и зверя, то сама **невозможность занять однозначную позицию** в этих различных ценностных полях — является важнейшим материалом, который открывается исследователю. Однако это «понимание» не есть продукт антропологического анализа; более того, оно не возникает в пространстве между антропологом и его собеседником — охотником.*

Здесь можно отчетливо почувствовать, что понимание и одновременно растерянность — это то, что мы испытываем и видим *вместе* с животными: с теми, которые были уже убиты и добыты охотником, с теми, которые были ранены, спаслись и продолжают жить, и еще вместе с теми, на которых охота еще только предстоит. Итак, вместе с другими живыми существами мы не только обретаем понимание и ясные интерпретации, но и ценностную, методологическую и онтологическую *растерянность*.

В этой связи, задаваясь вопросом о том, «как эффективно исследовать социальный мир», вмещающий не-только-человеческие сущности, я склоняюсь к следующему ответу: признать существование целого пласта исследовательских *неэффективностей*, рождающихся в процессе межвидовых соприкосновений и совместных становлений (*becoming-with*) [Haraway 2003; 2008], и признать их не как погрешность и несовершенство метода, а как оптическую глубину мультивидовой этнографии, которая требует постоянной перефокусировки и, открывая одно, оставляет размытым другое, вчера еще столь четко очерченное.

О методах и голосах

- Как вы зовете свою собаку?
 - Свистом.
 - Красивое имя «Свист»!
 - А имя он пока еще не заслужил...
- (Анекдот 2000-х годов)

Будучи музыкантом, я охотно и живо принимаю и в академическом языке сторону звуковых метафор и понятий. Потому «дать голос» животным в антропологической литературе — это проблема, резонирующая с моим опытом и по-прежнему остающаяся для меня без ответа. Однако самое ироничное и устойчи-

вое явление, которое может показать ключ к вокализации опыта животных, — ультра- и инфразвук, которые находятся за пределами нашего спектра восприятия. Мы научились «упаковывать» сети поставок, социальных льгот, рабочих мест в сельской администрации, просроченную продукцию райпо, размытые дороги и переправы в емкое понятие «инфра-структура», т.е. нам становится доступно работать с тем и изучать то, что ускользает от прямого восприятия или невидимо напрягаю.

Теперь нужно научиться работать с неслышимым *инфра*-звуком: голосом живых существ, растений, водопадов, скал. Я вижу в этом подходе огромный потенциал, если рассматривать неслышимое не как сбой метода и ограничения научного познания, а как возможность локализовать наш язык и наши голоса в более обширной системе богатой семиотической деятельности [Кон 2018], которая совершеннее и богаче нашей. А это означает, что нашими внешними «рецензентами» должны быть те существа, которые всей своей жизнью и живым семиозисом [Кон 2018] являются гарантами существования более обширной языковой звучащей вселенной.

Признание после смерти

Почему же все-таки «голоса» животных слышимы, но неразличимы? Постоянно углубляющиеся исследования в области этологии, теории коммуникации, сложных семиотических систем, используемых в межвидовом общении, расшифровывают для нас все новые знаки, мотивы, звучания, формы. Тем не менее социальные исследователи, антропологи, обладая всем этим репертуаром и разработанным словарем, задаются вопросом, как «дать» голос животным и другим живым существам. Даже в разработке темы «равенства без эквивалентности» [Walker 2020; Tutorskiy 2023] видна сложная задача: компенсировать неравные силы в возможной схватке (ружье против клыков и когтей) через право говорить, представлять себя, проявлять себя и быть понятым. Жалость и сострадание к медведю и его судьбе, когда охотник просто «вынужден» отстрелять медведя, нарушившего правила и повадившегося в деревню [Tutorskiy 2023: 891], интересным образом идут рука об руку с живым сравнениями: «Он тоже любит сладкое!» [Tutorskiy 2023: 893] — или: «Мы их не едим, только собакам даем. Медведица, знаешь, если ее освежевать, она без шкуры, с двумя титьками, на голую женщину похожа. Один в один» [ПМА 2017]. Подобие, сходство является и некоторым способом снятия вины, но и источником ужаса от проявления в животном «слишком человеческого».

Выше я обращалась к дилемме, которую обозначил передо мною и самим собой собеседник-охотник: быть христианином

и с любовью и бережностью относиться ко всякой «твари» земной и небесной или быть искусным охотником, кормильцем семьи, проявляющим свое милосердие, пожалуй, только в меткости выстрела («дар» мгновенной смерти, а не мучительного умирания).

Для меня также стоял выбор в ходе исследования, какую позицию в межвидовых сплетениях и отношениях занять, изучая жизнь таежных сибирских охотников. Первоначально я предложила свою помощь в качестве водителя, чтобы освободить от руля руки одного из охотников. В начале пути нам встретился рябчик, который сидел на ветке ели так, что только один из охотников на заднем сиденье мог бы с уверенностью прицелиться и выстрелить. Выстрел — ветки под птицей закачались; птица не колыхнулась. Выстрел — и вновь мимо. Внезапно стрелявший осознал, что за год, прошедший с прошлой осенней охоты, из-за травмы и аварии он утратил зоркость: теперь попадать в цель без оптического прицела для него было невозможно. Связь с миром, диалог-противостояние человека и птицы, человека и зверя (в том числе через прицел, бинокль и просто без всяких оптических приспособлений) были нарушены, возникло чувство «коренного разобщения» [Кон 2018: 89–92]. Интересно, что сам Эдуардо Кон после случая с оползнем, переживая глубокую тревогу, «оторванность от своего тела и мира» и «разрыв» с самим собой, смог преодолеть эти состояния именно через осознание того, что погружен в плотную экологию самостей, в мир более обширный, нежели человеческий.

В моем же случае охотник утратил это единство с самим собой, потеряв фокусировку, утратив былое видение: «В результате такого смещения мы начинаем сомневаться в индексальных связях, закрепляющих этот особый вид символического мышления в “наших” телах, которые сами по себе индексальным образом закреплены в мирах, простирающихся за пределы телесной оболочки» [Кон 2018: 91]. Осознав, что он больше не может охотиться с открытого прицела, охотник со слезами на глазах сказал: «Теперь ты бери и стреляй. Вот ружье. Я больше не охотник. Какой я теперь охотник!» Все в машине молча смотрели на меня. Я оставила место водителя. Мой глаз стал улавливать другое: не ямы на дороге, а птиц на ветках.

Мой первый тетерев сидел на вершине ели над болотом. Когда он упал вниз, мы долго не могли найти его тело. Сетовали, что ни один выстрел не должен пройти зря, что птица должна упасть на обеденный стол семьи, а не стинуть в трясине. Наконец мы нашли его. От воды тело казалось маленьким, роскошные перья утратили объем. Я понимала и не понимала одновременно, что произошло: связь между птицей, только что сидевшей на

дереве, и этим телом была непрямая, извилистая. И тем не менее я поняла, что уже встала на этот путь и несу за совершенное убийство ответственность.

Спустя год меня привела в смятение встреча с глухарем: раненый в грудь, он собрал последние силы и, пролетев мимо людей вдоль дороги, попытался убежать в лес пешком. Пришлось обнять его, обхватить тело и крылья и держать в руках, навалившись, пока он не перестал сопротивляться. В этот момент связь между живой и свободной птицей, на которую я еще пять минут назад смотрела вдоль планки прицела, с борющимся до последнего за жизнь живым существом, которого я обняла, была очевидна. Отступить здесь некуда. Убийство, предсмертные объятия, слияние, борьба, ласка — идут рука об руку.

В такие моменты мы еще не даем голос не-человеческим существам, но слушаем. Через рябчика, свою удаленность от него, способность «достать» его меткой пулей мы ощущаем связность всего мира экологических самостей, который нас окружает. Выстрел в молоко или меткое попадание — это ответ мира нам. То есть через попытку убить птицу или медведя мы бросаем им вызов, пытаемся говорить (порой в одностороннем порядке). Охота здесь оказывается радикальным общением на пороге смерти; весть о скорой смерти — тоже форма коммуникации. Она поражает, но по сути вплетена в процесс межвидовых отношений так же, как и кормление новорожденного ягненка из соски.

Об избыточности и партизанском письме

Перечитывая свой текст и приведенные в реплике аргументы, я признаюсь: интонации, эмоциональная насыщенность, сам язык (ограниченный человеческий язык) невольно уже уведут эссе в ту сферу, где науку становится сложно отличить от активизма в области отношений человека и других живых существ. Тот факт, что исследования в области мультимедийной этнографии не просто тяготеют к междисциплинарности, но и отчаянно нуждаются в других языках и платформах обсуждения ключевых проблем, только усложняет наше балансирование на грани академического исследования, активистской антропологии и искусства. Пример тому — проект «Мультимедийной Салон» [Kirksey 2014].

Несомненно, есть в межвидовых отношениях что-то, подталкивающее нас также к тайному изучению языка манифестов и его использованию украдкой в статьях и монографиях. Манифестный характер письма (см., например: [Haraway 1991; 2003]) просачивается в классические тексты, подобно тому как плесень паразитирует на старых книгах, но также подобно тому,

как аромат подаренных цветов заставляет экзаменатора улыбнуться и поставить студенту «отлично» в зачетку. Здесь я могу только лишь осторожно предположить: манифест такого рода есть не только попытка говорить с Другим(и), приглашая их занять сходную позицию по отношению к миру, но и попытка говорить вместе с Другим и даже от его имени.

Возможно, именно наша умеренность в стиле позволяет проникать растерянности, неопределенности, удивлению и инфразвукам в академическое письмо — и делает это партизанским способом. Избыточность нарушила бы всю красоту бесшумной работы подобной межвидовой «ячейки» и предопределила бы изгнание из академического мира. Манифест как призыв к действию и образу мысли, на мой взгляд, есть проявление не столько политического активизма, сколько активизма языкового, который постепенно, незаметными шагами смещает нормы академического письма, впуская в текст не-человеческое.

Список сокращений

ПМА — Полевые материалы автора, 2017 г., Томская область

Библиография

- Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / Пер. А. Боровиковой. М.: Ad Marginem, 2018. 344 с.
- Раффлз Х. Инсектопедия / Пер. С. Силаковой. М.: Ad Marginem, 2019. 416 с.
- Haraway D. Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // Haraway D. Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. N.Y.: Routledge, 1991. P. 149–181.
- Haraway D. The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness. Chicago, IL: Prickly Paradigm Press, 2003. 65 p.
- Haraway D. When Species Meet. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2008. 360 p.
- Kirksey E. (ed.). The Multispecies Salon. Durham, NC; L.: Duke University Press, 2014. 328 p.
- Tsing A.L. The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015. XII+331 p.
- Tutorskiy A.V. Bears as Pares: Some Notes on Bear Stories in Zapinejje (Arkhangelskaya Oblast, Northern Part of the Russian Federation) and the Tendency to Equality in Human-Bear Relations // Grimm O. (ed.). Bear and Human. Facets of a Multi-Layered Relationship from Past to Recent Times, with Emphasis on Northern Europe. In 3 vols. Belgium: Brepols Publishers, 2023. Vol. 3. P. 887–899. (The Archaeology of Northern Europe).
- Walker H. Equality without Equivalence: An Athropology of the Common // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 146–166. doi: 10.1111/1467-9655.13183.

ДЖОН САНБОНМАЦУ

1

Движения за защиту окружающей среды и права животных открыли нам глаза на множество точек зрения, видов жизненного опыта и способов познания и «бытия», которыми мы пренебрегали на протяжении веков и даже тысячелетий. Другие животные разумны и испытывают сложные эмоции [de Waal 2016], обладают своими неповторимыми культурами [Whitehead et al. 2008; Balter 2013] и демонстрируют поразительную изобретательность [Gigliotti 2022]. Однако даже сейчас, когда мы все больше узнаем о природе и разнообразии не-человеческого сознания, наш вид безжалостно убивает миллиарды животных и ухудшает условия жизни всего живого на Земле. Поэтому, наряду с новыми исследованиями разума и способностей не-человеческих животных, мы видим рост числа исследований, посвященных насущной проблеме *спешисизма* (*speciesism*), или человеческой гегемонии как культурной системы.

Изучением межвидовых отношений в рамках *спешисизма*, а именно эксплуатации других животных и массового применения насилия со стороны человека, в основном и занимается та междисциплинарная область, в которой я работаю, — критические исследования животных (*critical animal studies*). Этот подход смотрит на отношения между человеком и не-человеческими существами в контексте человеческой экономики, истории и общества — особенно в их связи с мировой капиталистической системой, патриархатом и другими системами социального угнетения [Sanbonmatsu 2011; Sorenson 2014; Crary, Gruen 2022]. С точки зрения критических исследований животных ни одна этнографическая работа о межвидовых отношениях не может считаться завершенной, если автор не попытался разобраться с предпосылками насилия и теми социальными структурами, которые формируют отношения между человеком и не-человеческими животными — и извращают их.

Джон Санбонмацу

Вустерский
политехнический институт,
Вустер, США
js@wpi.edu

2

Человеческая гегемония играет роль эпистемической структуры, которая укрепляет «эссенциалистское» представление о других животных как о неизменных, взаимозаменяемых особях, чье убийство допустимо, а не как о неповторимых, разумных, эмоционально сложных индивидах. Эта структура опосредует все наши отношения с другими существами, стирая или затушевывая не-человеческие взгляды и интересы. Таким образом, *раскрытие* (*dis-occlude*) доселе скрытых от нас форм не-человеческой субъектности и *бытия-в-мире* — важная часть работы *critical animal studies*. В таком случае мультивидовая этнография должна сыграть важную роль и помочь нам восстановить «бытие» других существ, а значит заново вписать их в те истории, которые мы рассказываем о себе и о мире.

Антропологам, которые хотят изучать других животных, стоит сначала ознакомиться с литературой по когнитивной этологии (естественно-научными исследованиями разума животных) — междисциплинарной области, основанной биофизиком Дональдом Грифффином [Griffin 1985] и опирающейся на такие разные дисциплины, как эволюционная биология, психология, приматология, энтомология и философия [Rogers 1998; Beckoff 2002; Emery 2016]. Когда-то приматолог Джейн Гудолл [Goodall 2010] совершила переворот в нашем понимании других видов и многообразия их жизненных миров. Она показала, что нельзя продвинуться в научном познании, не признав за шимпанзе индивидуальность и сложно организованное сознание. С тех пор многие ученые стали проводить естественно-научные исследования животных с отчетливым «этнографическим» компонентом. Практика интерпретации, выстраивание отношений и принятие исследователем других точек зрения, включая эмпатию, дружбу и попытки поставить себя на место изучаемых животных, зарекомендовали себя как эмпирически обоснованные формы исследования, которые дают бесценные знания о природе не-человеческого сознания, реляционности и культуры [Merz 2008; Smuts 2008; Pepperberg 2009].

Помимо естественных наук, есть и другие дисциплины, которые могут помочь пролить свет на сложный и неоднозначный мир не-человеческого опыта и межвидовых отношений. Феноменология — эмпирический метод, предложенный философом Эдмундом Гуссерлем, дает богатую почву для размышлений об опыте и перспективе других видов, как самих по себе, так и в отношении к другим существам, включая и нас. Например, Элизабет Бенке предлагает элегантную феноменологическую трактовку своих попыток разрешить конфликт между двумя котами [Behnke 1999], а Дженнифер Маквини рассказывает, как китообразные переживают опыт глубины [McWeeny 2011]. В своих рассуждениях обе мыслительницы используют фено-

менологию восприятия Мориса Мерло-Понти. Однако внутри феноменологического канона есть и другие продуктивные подходы [Painter, Lotz 2007].

Не стоит сбрасывать со счетов и «наивную» этнографию, например личные истории о встрече и взаимодействии с другими животными, вроде замечательной книги пловчихи Линн Кокс “Grayson”, где она рассказывает, как подростком помогла потерявшемуся китенку воссоединиться с матерью [Cox 2008]. Еще один инструмент для исследования феноменологии животного сознания и многовидовых отношений — это кино. Такие документальные фильмы, как «Дикие попугаи с Телеграф Хилл» (*The Wild Parrots of Telegraph Hill*) об отношениях людей и попугаев в Сан-Франциско¹, «Мой учитель — осьминог» (*My Octopus Teacher*) о дружбе дайвера Крейга Фостера с осьминогом, обитателем южноафриканского леса водорослей², или «Черный плавник» (*Blackfish*) о незавидной судьбе косаток, эксплуатируемых в аквапарках SeaWorld³, позволяют нам заглянуть в *совместное бытие с другими (Mitsein)* и *жизненный мир (Umwelt)* не-человеческих существ, в том числе в их отношения с людьми. Бесконечное изобилие этологических видео, фиксирующих поведение и взаимоотношения животных, есть на YouTube и в онлайн-СМИ — это «сырье» для феноменологических и критических исследований. Наконец, получить представление об отношениях между человеком и не-человеческими существами, о сознании животных и *спешисизме* как системе (и идеологии) можно и из литературы, например из попытки вообразить мышление шимпанзе в новелле Джона Максвелла Кутзее “The Lives of Animals” [Coetzee 1999: 27–30] или из описания Боевой — лошади, вынужденной работать во французских шахтах, в романе «Жерминаль» Эмиля Золя [Золя 1980: 459–462].

3

Постструктуралистские критики, такие как Бруно Латур и Донна Харауэй, попытались размыть онтологические различия между животными и другими существами, что и этически сомнительно, и способствует возобновлению человеческой гегемонии [Weisberg 2009]. Сегодня, когда мы видим, как слаженно технические специалисты пытаются размыть грань между людьми и вещами и наделить искусственный интеллект сознанием, жизненно важно признать их онтологические различия и оценить их этическую значимость. В отличие от животных, тому, что растения, грибы, вирусы и прочие живые организмы

¹ Irving J. (dir.). *The Wild Parrots of Telegraph Hill*. Waterville, Maine, 2003.

² Ehrlich P., Reed J. (dirs.). *My Octopus Teacher*. Off the Fence / The Sea Change Project, 2020; distributed by Netflix.

³ Cowperthwaite G. (dir.). *Blackfish*. CNN Films, 2013.

способны переживать опыт взаимодействия с миром как субъекты, нет научных доказательств [Robinson, Draguhn 2021]. То есть существа, обладающие сознанием, воспринимают мир так, как организмы без сознания (например, растения или вирусы) воспринимать не способны: они чувствуют, думают, хранят воспоминания, страдают и т.д. Поэтому исследователи совершают категориальную ошибку, пытаясь дать «голос» организмам, которые не могут обладать опытом, или же помещая их в общую категорию с другими живыми существами. Вступать в отношения можно только с существами, обладающими сознанием (животными), но нельзя говорить о человеческих «отношениях» с вирусами, растениями и др., кроме как в переносном смысле.

К сожалению, самые типичные отношения между людьми и другими видами — это отношения господства (*Herrschaft*) и подчинения. Если взять биомассу, то на воле живут лишь 4 % млекопитающих (не считая людей) и 30 % птиц, все остальные находятся в заточении, ожидая своей смерти от рук человека [Bar-On et al. 2018]. Мы воспринимаем других животных не просто как «вещи», а как ущербных, неполноценных существ в условиях системы массового уничтожения. Отсюда необходимость нормативного, «критического» подхода к антропологическим и этнографическим описаниям мультивидовых отношений. У животных, в отличие от других существ, есть голос, и они используют его для общения и выражения своего внутреннего психологического состояния. Поэтому мы обязаны понять, что сообщают эти голоса, и донести это до широкой публики, чтобы они были услышаны сквозь заглушающую их толщу культурных наслоений.

4

С советских времен Россия занимает двойственное положение между ядром и периферией капиталистической мир-системы. Поэтому неудивительно, что некоторые академические сферы (например, антропология) в России, должно быть, несколько отстают от западных из-за меньшей государственной поддержки современных форм научных исследований. Сложный политический климат в сегодняшней России также не благоприятствует тем научным направлениям, которые воспринимаются как чересчур «либеральные» или «западные», в частности теоретическим направлениям, связанным с критической традицией (экологии, феминизму и защите прав животных). Патриархат и мизогиния, в частности, тоже могут делать академическую науку менее восприимчивой к тем новым теориям и методам, которые нацелены на усиление эмпатии и сострадания по отношению к не-человеческим «другим». В США и Западной Европе мы точно так же наблюдаем реакционное неприятие защиты окружающей среды и заботы о благополучии животных,

особенно среди сельских жителей и фермеров. Эта тенденция тесно связана с возвращением к консервативным гендерным ролям. Например, угрозой обществу и в целом доминирующему гендерному порядку видится веганство. Если мужчина проявляет сочувствие к страданиям животных, его считают «женоподобным» и потому представляющим угрозу американской маскулинной и даже национальной идентичности [Dutkiewicz, Rosenberg 2023].

При всем при этом у русской культуры есть колоссальные ресурсы, от зоологии до литературы и фольклора, чтобы новаторским образом переосмыслить межвидовые отношения [Costlow, Nelson 2010]. Уже само появление этого номера «Антропологического форума» свидетельствует о растущем интересе российской антропологии к межвидовым отношениям.

5

В последние десятилетия феминистки, марксисты и другие представители критической теории разрушили давние притязания антропологии на то, чтобы считаться бескорыстной и объективной естественной наукой, и положили начало более зрелой, политически ангажированной и социально значимой этнографической науке о человеческой культуре и практике. Тем не менее, хотя участие антропологов в нормативно обоснованных и практико-ориентированных формах научной деятельности, как и исследования, укорененные во включенном наблюдении, больше не вызывают вопросов [Burawoy et al. 1991; McClaurin 2001; Lewin 2006], эта дисциплина не спешит признавать необходимость откровенно нормативного и «критического» подхода к нашим отношениям с другими животными.

Более того, антропологи часто неосознанно привносят в свои исследования, в которых рассматриваются другие животные, антропоцентрическую предвзятость. Обычно она принимает форму неявной симпатии и отождествления себя с людьми, вовлеченными в эксплуатацию других животных на охоте, рыбалке, в научных экспериментах и т.д. Пример тому — вдохновленное Дюркгеймом и Моссом исследование Майкла Линча о межвидовых отношениях в нейроработатории [Lynch 1988]. Показывая, как ученые используют квазирелигиозную символику, язык и ритуалы, чтобы в процессе научной работы превратить живых особей в исследовательские данные, Линч последовательно придерживается нейтрального тона непредвзятого наблюдателя. Но ирония состоит в том, что он воспроизводит все тот же бездумный картезианский разрыв между субъектом и объектом и, следовательно, то же самое эпистемическое насилие, за которые косвенно критикует ученых-экспериментаторов. Более того, объективная поза Линча плохо скрывает его собственные нормативные политические взгляды.

В конце статьи автор внезапно перестает делать вид, что он нейтральный, объективный наблюдатель. Он дает совет, как реагировать в ответ на нападки зоозащитников и других представителей общественности, обвиняющих ученых в жестокости. Автор предлагает не стесняться ритуальных элементов научной деятельности, а, наоборот, опираться на них. «Если ученые хотят преодолеть “антинаучные” общественные настроения, — пишет Линч, — им стоит более откровенно говорить в университетской аудитории и в публичных выступлениях, что “объективные” результаты укоренены в здравом смысле и зависят от непредвиденных факторов». Также ученые могли бы «придать тому, что они делают с животными, больше респектабельности в своих глазах и в глазах публики, если бы они более последовательно институционализировали свою метафору *жертвоприношения*. В западных религиозных традициях *жертвенное* умерщвление животного допустимо» [Lynch 1988: 282]. И хотя в дискуссиях по поводу эксплуатации животных Линч встает на сторону ученых, он тем не менее не проясняет и не отстаивает собственные этические принципы. Вместо этого он просто предполагает, что его идеологическая (*спешисистская*) позиция окажется близка читателю.

При проведении своих исследований этнографы зачастую упускают из виду (и предают) интересы других животных. Например, в отмеченном наградами документальном фильме «Последний ковбой» (*Sweetgrass*), который представляет собой глубокий этнографический портрет норвежско-американских пастухов в штате Монтана, режиссеры Люсьен Кастен-Тэйлор (профессор антропологии и директор Лаборатории сенсорной этнографии в Гарвардском университете) и Илиса Барбаш (куратор визуальной антропологии в музее археологии и этнологии имени Пибоди при Гарвардском университете) поддерживают и оправдывают жестокость животноводства¹. Фильм неявно отражает «человеческий взгляд» — животных, которых пасут, истязают и убивают, показывают глазами тех, кто их контролирует и эксплуатирует. Камера вроде бы позволяет овцам «говорить» за себя: в фильме много сцен с овцами, и показаны некоторые проявления их субъектности. Однако эстетически фильм выстроен так, что исключает возможность критической точки зрения, которая позволила бы задавать содержательные вопросы об этике эксплуатации животных и жестокого обращения с ними.

Хотя сейчас есть обширная этнографическая литература, написанная феминистскими, марксистскими и постколониальными учеными о том, как лучше проводить исследования в неблаго-

¹ Castaing-Taylor L., Barbash I. (dirs.). *Sweetgrass*. The Lucien Cinema Build, 2009.

получных или уязвимых сообществах (например, как изучать заключенных или людей с психическими заболеваниями [Shaw et al. 2014]), мало кто из антропологов следует принципу этической рефлексии во взаимодействии с другими видами. Напротив, они негласно заключают с другими людьми союзы сообщников, признавая нормативные установки своих информантов-людей, даже если эти установки подспудно способствуют межвидовому неравенству или чудовищной эксплуатации.

В некоторых исследованиях методом включенного наблюдения антропологи даже совершали акты крайнего насилия. В одной недавней этнографии промышленного выращивания и забоя свиней на американском Среднем Западе автор помогает работникам не только силой держать животных под контролем, но и убивать их. Подробные описания этих смертей включены в книгу. Ни одному антропологу не придет в голову во время исследования прибегнуть к крайнему насилию над человеком, однако автор, очевидно, не испытывает угрызений совести из-за соучастия в убийстве животных. Весь текст пронизан диссоциативным картезианским духом, который превращает замученных животных в объекты и помогает разделить мысль этнографа и чувства исследователя. Надо признать, иногда активисты по защите прав животных работают под прикрытием. Они ведут тайную съемку страданий коров, свиней, кур и других животных, выращиваемых в промышленных условиях, и порой им приходится соучаствовать в убийстве, чтобы задокументировать жестокое обращение. Однако в данном случае автор старается не раскрывать название компании, в которой работал. Как «включенный наблюдатель», он/она собирает материал лишь для своего исследования, а не для защиты страдающих животных. Такое исходное отсутствие уважения к животным в конечном итоге искажает результаты исследования, ведет к неверному толкованию межвидовых отношений в процессе выращивания и забоя скота как отношений «заботы», а не доминирования и унижения. В итоге исследование незаметно оправдывает насилие системы.

Однако к не-человеческим животным этнографы должны относиться бережно и чутко — точно так же, как они относятся к людям, которых изучают. Критическая теория утверждает, что нейтралитет перед лицом зла — это неправильное решение: мы не можем и не должны пытаться исключить наши ценности из научного исследования. Критический подход начинается с различения «объективного» (*objective*) и «правдивого» (*truthful*) антропологического исследования: первое поддерживает иллюзию политической и этической нейтральности, второе показывает, что наблюдатель «всегда уже» вовлечен в функционирование общества и, следовательно, обременен историей

и властью. Ученые, проводящие межвидовые исследования, должны придерживаться второго подхода, стараясь не упускать из виду властные отношения, которые опосредуют наше общение с животными. При нашей бесконечной несправедливости к другим существам наш этический долг — использовать собственные исследования «праксиологически», т.е. как инструмент для прекращения массового насилия человека над другими чувствующими существами, с которыми мы делим наш исчезающий мир.

Библиография

- Золя Э. Жерминаль / Пер. Н. Немчиновой. Донецк: Донбас, 1980. 488 с.
- Balter M. Strongest Evidence of Animal Culture Seen in Monkeys and Whales // Science. 2013, April 25. <<https://www.science.org/content/article/strongest-evidence-animal-culture-seen-monkeys-and-whales>>.
- Bar-On Y.M., Philips R., Milo R. The Biomass Distribution on Earth // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2018. Vol. 115. No. 25. P. 6506–6511. doi: 10.1073/pnas.1711842115.
- Behnke E. From Merleau-Ponty's Concept of Nature to an Interspecies Ethics of Peace // Steeves P. (ed.). Animal Others: On Ethics, Ontology, and Animal Life. Albany, NY: SUNY, 1999. P. 93–116.
- Bekoff M. Minding Animals: Awareness, Emotions, and Heart. N.Y.: Oxford University Press, 2002. 256 p.
- Burawoy M. et al. Ethnography Unbound: Power and Resistance in the Modern Metropolis. Berkeley, CA: University of California Press, 1991. 362 p.
- Coetzee J.M. The Lives of Animals. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. 133 p.
- Costlow J., Nelson A. Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010. 336 p.
- Cox L. Grayson. N.Y.: Mariner 2008. 176 p.
- Crary A., Gruen L. Animal Crisis: A New Critical Theory. N.Y.: Polity, 2022. 136 p.
- De Waal F. Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are? N.Y.: W.W. Norton, 2016. 352 p.
- Dutkiewicz J., Rosenberg G.N. Why Right-Wingers Are So Afraid of Men Eating Vegetables // The New Republic. 2023, April 17. <<https://newrepublic.com/article/171781/meat-culture-war-cricket>>.
- Emery N. Bird Brain: An Exploration of Avian Intelligence. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016. 192 p.
- Gigliotti C. The Creative Lives of Animals. N.Y.: NYU Press, 2022. 289 p.
- Goodall J. In the Shadow of Man. 50th anniversary edition. N.Y.: Mariner, 2010. 400 p.
- Griffin D.R. Animal Consciousness // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. 1985. Vol. 9. No. 4. P. 615–622. doi: 10.1016/0149-7634(85)90008-9.
- Lewin E. (ed.). Feminist Anthropology: A Reader. N.Y.: Wiley-Blackwell, 2006. 480 p.

- Lynch M.E.* Sacrifice and the Transformation of the Animal Body into a Scientific Object: Laboratory Culture and Ritual Practice // *Social Studies of Science*. 1988. Vol. 18. P. 265–289. doi: 10.1177/030631288018002004.
- McLaurin I.* (ed.). *Black Feminist Anthropology: Theory, Politics, Praxis, and Poetics*. N.Y.: Routledge, 2001. 290 p.
- McWeeny J.* Sounding Depth with the North Atlantic Right Whale and Merleau-Ponty: An Exercise in Comparative Phenomenology // *Journal for Critical Animal Studies*. 2011. Vol. 9. No. 1–2. P. 144–166.
- Merz A.* Hand-Raising a Rhino in the Wild // *Armstrong S.J., Botzler R.G.* (eds.). *The Animal Ethics Reader*. N.Y.: Routledge, 2008. P. 554–556.
- Painter C., Lotz C.* (eds.). *Phenomenology and the Non-Human Animal: At the Limits of Experience*. N.Y.: Springer, 2007. 172 p.
- Pepperberg I.* Alex & Me: How a Scientist and a Parrot Discovered a Hidden World of Animal Intelligence — and Formed a Deep Bond in the Process. N.Y.: Harper, 2009. 232 p.
- Robinson D.G., Draguhn A.* Plants Have Neither Synapses Nor a Nervous System // *Journal of Plant Physiology*. 2021. Vol. 263. Article 153467. doi: 10.1016/j.jplph.2021.153467.
- Rogers L.* *Minds of Their Own: Thinking and Awareness in Animals*. N.Y.; L.: Routledge, 1998. 222 p.
- Sanbonmatsu J.* Introduction // *Sanbonmatsu J.* (ed.). *Critical Theory and Animal Liberation*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2011. P. 1–34.
- Shaw D.M., Wangmo T., Elger B.S.* Conducting Ethics Research in Prison: Why, Who, and What? // *Bioethical Inquiry*. 2014. Vol. 11. P. 275–278. doi: 10.1007/s11673-014-9559-7.
- Smuts B.* Reflections // *Armstrong S.J., Botzler R.G.* (eds.). *The Animal Ethics Reader*. N.Y.: Routledge, 2008. P. 84–87.
- Sorenson J.* *Critical Animal Studies: Thinking the Unthinkable*. Toronto: Canadian Scholars Press, 2014. 346 p.
- Weisberg Z.* The Broken Promises of Monsters: Haraway, Animals, and the Humanist Legacy // *Journal of Critical Animal Studies*. 2009. Vol. 7. No. 2. P. 22–62.
- Whitehead H., Rendell L., Osborne R.W., Würsig B.* Culture and Conservation of Non-Humans with Reference to Whales and Dolphins: Review and New Directions // *Armstrong S.J., Botzler R.G.* (eds.). *The Animal Ethics Reader*. N.Y.: Routledge, 2008. P. 180–192.

Пер. с англ. Александры Захаровой

ДЕНИС СИВКОВ

Денис Юрьевич Сивков

Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия
d.y.sivkov@gmail.com

1

В 2017 г., когда я учился в магистратуре Шаньинки, меня заинтересовало такое направление в антропологии, как онтологический поворот [Сивков 2022]. В то время выражение «онтологический поворот» было зашкаливающе модным. Коллеги из разных дисциплин использовали это словосочетание

езде, где только возможно. Казалось, что в разговорах и дискуссиях все смешивается со всем, и Вивейруш де Кастру легко становится союзником Латура, а Ингольд и Мейясу — братья-близнецы. Так ли это? Мне захотелось разобраться, что это за поворот такой и чем он отличается от других онтологических поворотов — в исследованиях науки и технологий, в объектно-ориентированной онтологии, спекулятивном реализме, новых материализмах различного толка. Несмотря на различия, эти разные подходы сходились в одном — нужно отказаться от модерновой установки по отношению к *не-человекам*. Антропологи, в отличие от других поворотов, опирались на свои полевые исследования. Насыщенные описания показали, что в Амазонии, Сибири и других регионах планеты коренные народы считали не-человеческих существ людьми и практиковали перспективизм — возможность выйти за телесные ограничения своего вида и увидеть других существ равными себе. Причем речь шла не только о животных, но и о насекомых, материальных предметах, ландшафтах и духах. Антропологи, по сути, сделали важное открытие: множественные индигенные онтологии были альтернативой западному, натуралистскому видению *не-человеков*. Это означало, что мы — «белые люди» — тоже могли бы научиться другому отношению / вниманию к животным.

В рамках онтологического поворота также произошла перезагрузка понятия анимизма. Если в течение века вслед за Тайлором антропологи считали анимизм наивной верой туземцев в одушевленность существ, то теперь речь шла о признании в *не-человеках* сущностных человеческих характеристик [Brightman et al. 2012: 14].

Во время своего исследования я обратил внимание на несколько затруднений, которые возникали при описании анимизмов. Как правило, представители онтологического поворота переводили эмический опыт отношения к *не-человекам* с помощью словарей западных метафизиков. Ясно, что эти языки нужны и для перевода, и для динамики дисциплины. Именно метафизика при всей сложности оказывается наиболее универсальным языком, и именно по поводу метафизических концептов часто идут споры, которые двигают нашу науку.

Некоторые концепты становились предметом рефлексии, а другие принимались как неявные допущения. Например, Эдуардо Кон явно обновляет антропологическую теорию через изменение концепта формы, но при этом не задается вопросом, откуда у индейцев руна представление о других как о личностях [Кон 2018]. Может, это результат колониального влияния, особенно миссионеров, а может, это одно из понятий, которые сам автор «вчитывает» в полевой материал.

Некоторые объяснения были более ригидными, другие более гибкими. Так, понятие «отношения» (*relation*) и понятие «дивида» (*dividual*) у Нурит Берд-Дэвид позволяли объяснить технологические изменения в индигенных коллективах, в отличие от «личности» или «иерархии» у того же Кона [Bird-David 1999]. Антропологи нередко были склонны описывать индигенные миры как герметичные и холодные, игнорируя технологические изменения, происходившие в результате колонизации [Сивков 2022]. Соответственно разные теоретические средства предлагали разные возможности.

При этом антропологические описания и полемика между разными подходами существенно зависели не только от языка описания, но и от локальных данных. Самой высокой ставкой была бы универсальная теоретическая схема для разных регионов, но ее не удавалось найти, поскольку индигенные онтологии даже в рамках одного региона сильно разнились.

Сами антропологи иногда признавали ограниченность своих теоретических моделей. Так, Кон понимал, что его концепция не подходит для анализа камней, а подходит только для анализа живых существ (в том числе насекомых) и духов [Кон 2018: 150]. Элизабет Повинелли, напротив, критиковала анимизм за весь западный метафизический багаж, связанный с понятием жизни, и предлагала сосредоточиться на анализе сложных систем ландшафта, включая камни, на материале геонтологий австралийских аборигенов [Povinelli 2016]. От теоретических допущений, явных и неявных, кстати, зависит список анализируемых *не-человеков*, который приводят антропологи. Отмечается, что в него часто не входят неживые объекты, духи и насекомые [Brightmann et al. 2012: 6].

Многие анимизмы, описанные в онтологическом повороте, несут на себе след войны, охоты и хищничества, поскольку руна и юкагиры выстраивали отношения с *не-человеками* именно в этих режимах. Чтобы выжить, нужно было обмануть, обхитрить, заманить, замаскироваться и т.п. Вивейруш де Кастру точно охарактеризовал амазонский перспективизм, который он, кстати, считал универсальной схемой отношений: «Никакого намека на общительность и еще меньше — на альтруизм. Жизнь — это кража» [Вивейруш де Кастру 2017: 122].

Можно, конечно, считать город каменными джунглями и описывать жизнь в нем в духе подозрительности взаимодействующих агентов Ирвинга Гофмана, но, кажется, вызов в другом: как построить добрый анимизм за пределами Амазонии и Сибири? Пожалуй, несколько набросков претендуют на это: любопытство в берлинском зоопарке [Taussig 2010], дружба со сверчками [Раффлз 2019: 76–117], отношение к роботам в япон-

ских робототехнических компаниях [Richardson 2018]. Мне кажется, что перспективными будут исследования западных анимизмов и поиск других теоретических оснований для этих описаний. Ясно также, что такие «мирные» онтологии тоже будут ограничены. Как показывает великолепный фильм Вернера Херцога «Человек-Гризли» (2005), утопия дружбы с медведями, скорее всего, обернется смертью носителя этой утопии.

Тем не менее исследование анимистских и перспективистских концепций заставило меня по-другому относиться к тем живым существам, которые меня окружают. В основном это птицы, которые живут у дома. Когда-то я их просто не замечал, а теперь больше внимания уделяю их человеческим (именно так!) повадкам — тому, как они смотрят, изучают, запоминают и т.п. При этом я не бердвочер, просто появилась другая настройка.

Сейчас меня интересует так называемый астроанимизм. Читая дневники советских и российских космонавтов, я обратил внимание, что в невесомости, изоляции и в окружении комплексных технических систем некоторые небожители становятся анимистами — разговаривают со станцией, растениями и животными. Мне интересно, как космические среды ставят под вопрос наши слишком земные антропологические понятия. Например, перспективизм сходит на нет или превращается в мультиперспективизм, поскольку в невесомости нет привычной для Земли точки отсчета.

3

Новые методы нужны всегда — с этим у антропологов тоже плохо, но это тема для отдельного разговора. В первую очередь это все же не вопрос методов, как мне кажется, а вопрос эпистемологической настройки. Как показали антропологи, *не-человекам* не нужно давать голос — нужно просто-напросто эти множественные голоса услышать. Мы все время с ними взаимодействуем, но не замечаем этого. Попробуйте сходить с обычными грибниками, и они расскажут вам, что грибы и прочие сущности на полянке взаимодействуют, прячутся или, наоборот, сами «идут в руки». Что если не считать такие практики взаимодействия просто аллегориями или вымыслом, а попробовать понять, как такое взаимодействие происходит?

4

Ну, в российском контексте есть существенные ограничения на интерес к межвидовой этнографии, анимизму в новых изводах, онтологическому повороту и прочим относительно модным подходам и направлениям. Ограничения накладывает не только историческая турбулентность. Ясно, что в большинстве вузов, где есть какая-то антропология, не до онтологических поворотов. Быть бы живу. Насколько я знаю, в некоторых даже прогрессивных институциях ортодоксы в антропологии и эт-

нографии, контролирующие повестку, считают всякие такие межвидовые подходы ересью. Тем не менее вода камень точит. Может быть, эта дискуссия кого-то вдохновит.

Кроме городских и космических анимизмов, о которых я говорил выше, можно было бы посмотреть на концепции мыслителей, близких к русскому космизму. Небольшие шаги в эту сторону уже сделаны. Антрополог Иштван Прат рассуждает о концепции живого у индейцев чачи в Эквадоре и сравнивает эти установки с пониманием жизни современными астробиологами, которые ищут жизнь на других планетах и их спутниках. Астробиологи выходят за пределы биологического понимания жизни. Эти идеи, как ни странно, восходят к учению космиста Владимира Вернадского. Люди и другие живые у него не биологические, а геологические существа. Своего рода ходячие скалы [Praet 2021]. Если сменить перспективу, начать смотреть как астробиологи, то можно изменить отношение и к камням, скалам, полям, ландшафтам, которые нас окружают. Похожим образом Аня Бернштейн в своем исследовании плейстоценового парка тоже намекает на межвидовые, а лучше сказать межцарственные, идеи учителя Вернадского — почвоведом Василия Докучаева. Как отмечает Бернштейн, Докучаев выступал за взаимопомощь и любовь между органическими и неорганическими сущностями [Bernstein 2024]. Повинелли со своими индигенными коллегами спорит с Федоровым и космистами по поводу отношения к умершим и их бессмертию [Повинелли 2022]. В этом смысле Федоров, Вернадский, Докучаев и другие авторы могут быть внимательно и насыщенно перепрочитаны через перспективу расширенной межвидовости.

5

Чистой, не ангажированной антропологии не бывает. Понятно, что исследования анимизма политически заряжены, так как связаны с освобождением *не-человеков*, с выравниванием отношений между людьми и другими. Так что, может, вопрос не в том, как разделить, а в том, какой политический проект выработать. Особенно в условиях трудно преодолимой иллюзии «научности» антропологии.

Библиография

- Вивейруш де Кастру Э.* Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / Пер. Д. Кралечкина. М.: Ad Marginem, 2017. 199 с.
- Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / Пер. А. Боровиковой. М.: Ad Marginem, 2018. 344 с.
- Повинелли Э. Предки навсегда! Бессмертные миры Антона Видокле // Смирнов Н. (ред.-сост.). Граждане космоса: русский космизм в фильмах Антона Видокле. М.: Ad Marginem, 2022. С. 162–173.

- Раффлз Х.* Инсектопедия / Пер. С. Силаковой. М.: Ad Marginem, 2019. 416 с.
- Сивков Д.Ю.* Онтологический поворот в антропологии и технологические изменения в индигенном коллективе // *Логос.* 2022. № 2. С. 193–225.
- Bernstein A.* Pleistocene Park: Engineering Wilderness in a More-than-Human World // *Critical Inquiry.* 2024. Vol. 50. No 3. P. 452–471.
doi: 10.1086/728942.
- Bird-David N.* “Animism” Revisited: Personhood, Environment, and Relational Epistemology // *Current Anthropology.* 1999. Vol. 40. No. S1. P. 67–91.
- Brightman M., Grotti V.E., Ulturgasheva O.* Animism and Invisible Worlds: The Place of Non-humans in Indigenous Ontologies // Brightman M. et al. (eds.). *Animism in Rainforest and Tundra: Personhood, Animals, Plants and Things in Contemporary Amazonia and Siberia.* N.Y.; Oxford: Berghahn, 2012. P. 1–28.
- Povinelli E.* *Geontologies: A Requiem to Late Liberalism.* Durham, NC; L.: Duke University Press, 2016. 232 p.
- Praet I.* The Global Biosphere and Its Metaphysical Underpinnings: Ecumenical Alternatives in Animism and Astrobiology // *Sociologus.* 2021. No. 1. P. 55–72. doi: 10.3790/soc.71.1.55.
- Richardson K.* Technological Animism: The Uncanny Personhood of Humanoid Machines // Swancutt K., Mazard M. (eds.). *Animism Beyond the Soul.* N.Y.; Oxford: Berghahn, 2018. P. 110–128.
- Taussig M.* Animism and the Philosophy of Everyday Life. *Le Tour de Tiergarten* // Franke A. (ed.). *Animism.* B.: Sternberg Press, 2010. Vol. 1. P. 199–201.

СЕРГЕЙ СОКОЛОВСКИЙ

Биоповорот и российская антропология

1

Сказать, что меня обрадовало обращение «АФ» к теме многовидовой этнографии, было бы литотой — вопиющим преуменьшением как значимости этой темы для отечественной антропологии, так и моего к ней личного отношения. Я благодарен ее инициаторам и сожалею лишь о том, что журнал не обратился к этой теме раньше. Прежде чем я начну отвечать на вопросы «Форума», уместно объяснить причины столь эмоциональной реакции на обращение к теме, обсуждаемой в антропологии по моим подсчетам вот уже лет 35 (если отсчитывать от курса лекций Мэрилин Стратерн, прочитанного ею в 1989 г. и опубликованного как книга “After Nature” [Strathern 1992], в которой она помимо английского родства обсуждала привязанность англичан к своим

Сергей Валерьевич Соколовский
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва, Россия
SokolovskiiSerg@gmail.com

питомцам и садикам)¹ или 15 лет, если датой отсчета считать книгу Донны Харауэй “When Species Meet” [Haraway 2008]. Мои собственные усилия, направленные на популяризацию этой тематики среди российских антропологов (доклады на конгрессах, включение соответствующих сюжетов в собственные сочинения, пара курсов лекций для студентов и аспирантов и несколько организованных по данной теме подборок и статей в «Этнографическом обозрении») я не могу считать успешными, поскольку *non-humans* для наших антропологов так и не стали самостоятельным фокусом внимания: исследования животных в рамках традиционной этноэкологии (в том числе в литературе по так называемым хозяйственно-культурным типам и истории доместикации) или растений в этноботанике как самостоятельный вклад в литературу по так называемому «биоповороту» (так я предлагаю именовать по-русски *animal turn*) по понятным основаниям рассматриваться не могут². К иной традиции относится и изучение роли животных и растений в мифе и ритуале.

Вопрос, почему перечисленные исследования не могут считаться частью биоповорота, представляет известный интерес. Я вижу для их исключения несколько оснований, фундаментальным среди которых является новый взгляд на человека как на (всего лишь) один из видов живой материи, неразрывно связанный с другими ее частями. Очевидность универсальности и тесноты этих связей и рост понимания их важности для человека сформировались не только в результате успехов биотехнологий и геномики, но и как результат пандемий и изменения климата, грозящего массовым вымиранием тех видов живых существ, чья значимость для выживания человечества понятна уже сегодня. Другим отличием биоповорота от прежней повестки исследований животных и растений в антропологии (о вирусах, бактериях, грибах и плесени в этой традиции речь не шла даже в рамках медицинской антропологии, где, казалось бы, эта проблематика должна была входить в ее предмет) стало внимание к *аффективности* отношений между

¹ Другой реперной точкой могла бы служить упомянутая организаторами этого «Форума» книга американского историка естествознания Хэрриет Ритво [Ritvo 1987], но антропологи любят обнаруживать истоки новых направлений в рядах собственных коллег, и у этой практики есть основания — прямое наблюдение, в отличие от анализа источников у историков, имеет свои преимущества.

² Стоит отметить, что ни о какой симметричной антропологии в этих традиционных областях антропологического интереса речи нет. Эти исследования выполнены в антропоцентристском ключе и вряд могут быть квалифицированы как *multispecies ethnography*, в которой видовое превосходство или исключительность человека ставятся под вопрос. Отказ от антропоцентризма позволяет радикально переосмыслить концепты культуры и общества в мультивидовой перспективе, где они выступают как эффекты сложных трансвидовых отношений и зависимостей. В данном отношении биоповорот как вариант постантропоцентристской антропологии вовсе не предполагает, как думают некоторые его критики, забвения человека, но обращает внимание на то обстоятельство, что социальность, культура и даже разумность являются категориями, выходящими за границы нашего вида.

людьми и другими видами живых существ и к *актантности* или активности этих существ в цепях причинения и эффективного действия, по-новому осмысляемых в рамках семейства акторно-сетевых подходов и поворота к материальности. Словом, нынешнее, пусть и запаздывающее обращение российских антропологов к мульти- или многовидовой этнографии как к еще одной области постантропоцентристской антропологии будет, я надеюсь, способствовать устранению этой лакуны в отечественных исследованиях и горячо мною приветствуется.

Вторым основанием моего, быть может, неумеренного энтузиазма по поводу данного выпуска «Форума» является личный опыт общения с *non-humans*, поскольку с весьма раннего возраста я обнаружил в себе «юного натуралиста» и, подобно Джеральду Дарреллу, наводнял квартиру самыми экзотическими постояльцами — помимо черепах, ежей, котов, собак, аквариумных рыбок и улиток, не говоря уже о занимавших все подоконники комнатных растениях (любовь к ним мне привила бабушка, умевшая понимать их язык и имевшая «зеленую руку»¹), у меня в разное время перебивали пауки, лисенок, петух, сорока и отобранный у ворон и выхоженный мною, а затем выпущенный в школьный сад крот. Со всеми этими существами я устанавливал отношения горячей и подчас взаимной заинтересованности, а иногда и длительной привязанности и дружбы. Сам этот факт, по виду чисто биографический, как мне кажется, все-таки может рассматриваться в качестве иллюстрации «межвидовых взаимодействий», о которых упоминают организаторы «Форума», и потому заслуживает внимания. Проиллюстрирую эти взаимодействия на примере моих котов. Коты живут меньше людей, поэтому у меня их было трое.

Моего первого кота, хотя личности двух других были не менее выразительными, я уже успел описать [Соколовский 2022] и поэтому не стану приводить здесь его биографию. Скажу только, что это был героический и преданный кот, деятельно выручавший меня в минуты отчаяния. В доме бабушки, которая жила в другом городе, тоже были кошки, точнее одна кошка с котятами, неизменно появлявшимися у нее летом, как раз когда я приезжал на каникулы. Кошка была очень самостоятельная, трехцветная, с зелеными глазами, и относилась ко мне снисходительно, поскольку я был регулярным поставщиком рыбы — пескарей, окуньков и чебаков, которых я почти каждое утро свеживыловленными поставлял к ее столу. К остальным членам

¹ Как бы вы определили такие отношения между человеком и растениями? Симбиоз? Комменсализм? И бабушка, и ее растения получали взаимную пользу: она ухаживала за ними, поливала, обрезала, пересаживала, удобряла, т.е. обеспечивала их пищей и кровом; они в ответ радовали ее своим цветением и всегда нарядным видом.

семейства, включая огромного кавказского пса Джульбарса, Муська относилась с холодным презрением. Местные Герасимы, обычно топившие котят в реке, на Муськиных котят не покушались, наоборот, охотно разбирали их по дворам по той простой причине, что у их матери была подтвержденная множественностью очевидцев репутация крысолова, и считалось, что этот дар она передает своим отпрыскам, обучая их с младых ногтей азам охоты. Муська была отлично знакома с моим расписанием и неизменно оказывалась поблизости, как только я возвращался с реки. В остальное время ее было практически не застать, поскольку ее охотничья территория охватывала весь состоявшийся из частных бревенчатых домов и огородов квартал. Она была довольно дикой, но всеми уважаемой кошкой, на колени, в отличие от котов, не шла и гладить себя не позволяла, хотя иногда, особенно после угощения, терлась о мои ноги и мурлыкала. Со стороны семьи ее хозяев, включая меня, отношения с Муськой можно было бы определить как соседство и сотрудничество, а сама она нас игнорировала или эксплуатировала, так что предложенная выше простая классификация межвидовых отношений, во-первых, недооценивает их многомерность, а во-вторых, построена из антропоцентристской перспективы, поскольку все приводимые в ней примеры сфокусированы на отношении человека к другим видам и не учитывают отношений этих видов к человеку.

Неоднозначен и вопрос об «изучении». Он тоже задается из перспективы традиционной объективистской парадигмы и сам по себе с трудом вписывается в проект симметричной антропологии, частью которого является биоповорот. Я уверен, что коты изучают нас не менее пристально, чем мы котов, а скорее более, поскольку от наших привычек жизнь котов зависит больше, чем наша — от знания их привычек. Мой городской кот Дональд (в быту просто Дон), проживавший на втором этаже сталинского дома, но любивший гулять и умевший открывать дверь подъезда изнутри, но не умевший это делать снаружи, слышал стук каблуков моей матери, возвращавшейся с работы, безошибочно отличал его от сотен других стуков и шарканий обуви и летел пулей домой ужинать. Конечно, равнять внимание котов к привычкам и особенностям хозяев с научным постижением или изучением — натяжка, хотя и то и другое основано на аналогичном опыте проб и ошибок, а наука — занятие прагматическое. Кроме того, «изучение» в рамках научной дисциплины, особенно если речь идет о социальном и гуманитарном знании, строящемся на наблюдениях, мало отличается от многих других видов познавательной деятельности в иных областях человеческого и «не-человеческого» опыта. Поскольку я был натуралистом, у меня был аквариум —

рукотворная биосфера, в которой я как бог мог сотворять разные чудеса. При этом, как и подобает натуралисту, я вел дневник наблюдений, в котором отражались все важные этапы жизни моих подопечных — икромечущих и живородящих рыб и улиток. Для нереста конкретного вида рыб, например очень капризных и сложных в содержании цихлид, я должен был подобрать правильную освещенность аквариума и температуру воды, отрегулировать ее pH и насыщенность кислородом, подобрать нужные плавающие и грунтовые растения, живой корм и т.д. По интенсивности наблюдений и условиям экспериментов вся эта деятельность мало отличается от научной, а имеющаяся критика позитивистской картины производства научных фактов (от Флека, Куна и Фейерабенда до Латура и Уинча) развенчивает остающиеся на этот счет сомнения. Осознавал ли я собственное отношение к моим питомцам? Разумеется. Я их любил, стремился, как мог, улучшить качество их жизни, отправляясь в короткие экспедиции за живым кормом, поскольку за длинную зиму они успевали устать от сухого гаммаруса и разводимых мною на банановой кожуре инфузорий. И я чувствовал себя ответственным за них, что выражалось в самодисциплине и твердо соблюдаемом распорядке (кормление, чистка аквариума, при необходимости лечение заболевших и т.п.). Когда я уезжал на каникулы, я оставлял родителям подробную, хотя и упрощенную инструкцию по уходу за обитателями аквариума, которая не всегда исполнялась, и потому потери были неизбежны — стекла аквариума зарастали водорослями, падала освещенность, страдали растения, а вслед за ними и рыбы. Это была естественная база для сравнения двух типов ухода — положительно аффективного (мой случай) и формального (случай моих родителей). Тем не менее благодаря моим наклонностям наша семья всегда оставалась «многовидовой», с ее «не-человеческими» членами так или иначе приходилось считаться всем, и каждый устанавливал собственные отношения со всеми остальными «компаньонами».

2

Антропология уже давно, едва ли не с момента своего формирования в качестве самостоятельной научной дисциплины, является междисциплинарной, о чем свидетельствует существование множества субдисциплин в ее рамках, как и сам ее предмет, объединяющий биологические, исторические и социальные исследования. С приростом знаний ее мультидисциплинарность только нарастает и даже приобретает новое качество, становясь частью обширного поля трансдисциплинарных проблемно-ориентированных исследований. Сложившийся в университетах модус передачи знаний пока не вполне учитывает это обстоятельство, но если посмотреть на мировой опыт, то уже сегодня можно говорить о размывании границ между так называемыми

естественными и гуманитарными дисциплинами, с одной стороны, и специализациями в области так называемых точных и социально-гуманитарных дисциплин — с другой. Заслуживающим внимания примером является трансформация школьного и университетского образования в современной Японии, инициированная ее правительством и крупным бизнесом в рамках программы создания Общества 5.0 (ср.: [H-UTokyo Lab 2018]). Жесткая специализация и разделение на социальные и гуманитарные специальности, с одной стороны, и естественно-научные или технические — с другой, здесь ушли в прошлое. Поскольку высокие технологии пронизывают все общество и все его аспекты, от каждого молодого японца требуется уверенная ориентация как в технической стороне дела, так и в этико-философской и гуманитарной, в силу чего базовыми дисциплинами для всех студентов, помимо математики и программирования, стали философия и естественные языки как основа универсального знания.

Что касается преимуществ обсуждаемого подхода, то учет уже имеющихся достижений в области мультимедийной этнографии (прежде всего работ Стефана Хельмрайха, Анны Лёвенхаупт Цзин, Эдуардо Кона, Тима Ингольда и Мэрилин Стратерн) и развитие аналогичных исследований российскими антропологами позволяют вернуться к вопросам фундаментального характера — к концепциям человека и человеческой природы, например к проблемам разума и критериям разумности, по умолчанию полагаемым ключевыми для исследований сапиентации и появления разумных существ. В этом контексте особый интерес представляют разворачивающиеся сегодня исследования так называемой минимальной разумности (*minimal sentience*), обнаруживающие способности к так называемому делиберативному выбору и счету не только у различных классов животных, но и у растений (ср.: [Baluska et al. 2018; Segundo-Ortin, Pасо 2023]). Помимо этого, известный интерес представляет связь тематики биоповорота с проблематикой техно-антропологии и медицинской антропологии: биоповорот формировался как раз тогда, когда набирали силу биотехнологии и требующие высоких технологий генетические исследования, с одной стороны, и обретали популярность вдохновленные работами М. Фуко и Дж. Агамбена концепции биовласти и биополитики, подчеркивающие вовлеченность человеческих и животных тел в технологии политики и власти, — с другой. Репродуктивные технологии трансформировали исследования родства [Strathern 1992] и существенно изменили проблематику медицинской антропологии. Кроме того, традиционный для антропологов интерес к исследованиям повседневности без учета межвидовых отношений также страдает.

3

Полагаю, что антропологам стоит внимательней присмотреться к методам этологов и исследователей минимальной рациональности. Уверен, что здесь можно почерпнуть много нового как в методологическом, так и в процедурном отношении. Из числа более традиционных для антропологии методов я хотел бы обратить внимание на мало используемый потенциал автоэтнографии и на методы исследований аффективных феноменов в современной антропологии аффекта. В совокупности эти подходы позволяют обогатить или переоснастить уже существующие в отечественной антропологии области, в сферу внимания которых попадают иные виды живого.

4

Чтобы ответить на вопрос о причинах меньшей популярности межвидовых исследований в России, следует рассмотреть причины их большей популярности в зарубежной антропологии, главным образом в англоязычных странах — Австралии, Великобритании, США и Канаде, где эта область знаний особенно развита¹. Англоязычная литература по мультивидовой этнографии и исследованиям животных становится труднообозримой. Для оценки ее масштаба достаточно перечислить книжные серии ведущих научных издательств: *Human-Animal Studies*, Brill; *Critical Perspectives on Animals*, Columbia UP; *Critical Animal Studies and Theory*, Lexington Books; *Cultural Animal Studies*, J.B. Metzler; *Multispecies Anthropology: New Ethnographies*, Routledge; *Multispecies Encounters*, Routledge; *Routledge Human-Animal Studies Series*, а также специализированные журналы: *Animal Sentience*; *Anthrozoös. A Multidisciplinary Journal of the Interactions of People and Animals*; *Society and Animals*; *Journal for Critical Animal Studies*.

На этом фоне соответствующая научная литература на русском, вопреки обилию популярных книг и энциклопедий, явно отстаёт. Помимо переводов книг Эдуардо Коэна и Анны Лёвенхаупт Цзин, мы располагаем лишь одной недавно изданной книгой по истории отношений к домашним животным в России [Коршунков 2022]. Серия публикаций В.Н. Давыдова и К.Б. Клокова [Davydov 2017; Давыдов 2017; 2018; Davydov, Klokov 2018; Klokov, Davydov 2019], хотя и имеет элементы, которые можно было бы отнести к тематике биоповорота, все-таки вряд ли может быть квалифицирована как симметричная антропология, поскольку в основе этих работ лежат вполне классические сюжеты в рамках исследований традиционной культуры у народов Севера.

¹ Стоит, впрочем, заметить, что самостоятельные повестки таких исследований существуют в Нидерландах и Польше (вопросы биоэтики), а также в Испании (исследования минимальной разумности у растений).

Основной причиной медленного развития соответствующих исследований в России, на мой взгляд, является иная, если можно так выразиться, экология идей: у нас гораздо дольше удерживал позиции научный позитивизм марксистского толка, в котором в качестве объяснительной рамки использовались материальные отношения и идеологические представления, трансформированные в антропологии в концепции материальной и духовной культуры. Толчком к изменениям в сторону концепций, лежащих в основе биоповорота, стала деятельность биозащитников и постепенно набирающее силу движение за права животных. В англоязычных странах это движение насчитывает уже более двухсот лет. Первое общество защиты животных было основано еще в 1809 г. в Ливерпуле [Yount 2008: 23], а первая книга по правам животных британского юриста Генри Солта вышла в 1892 г. [Salt 1985 (1892)].

Я, видимо, не слишком ошибусь, если стану утверждать, что истоки того интереса к животным именно в *антропологии*, который впоследствии был назван *animal turn*, или биоповорот, связаны с приматологией, а в ее рамках — с движением за права крупных приматов (горилл, шимпанзе, бонобо и орангутанов), стартовавшим в 1993 г. и связанным с такими лидерами, как Петер Сингер и Паола Кавальери, требовавшими принятия декларации ООН об основных правах приматов, в которые были бы включены право на жизнь, защита индивидуальной свободы и запрет на пытки. Такая декларация пока не принята, однако большинство европейских стран и некоторые другие государства запретили использование высших приматов в медико-биологических экспериментах. Один из авторов манифеста австралийский философ и профессор биоэтики Петер Сингер опубликовал свою первую книгу о свободе животных еще в 1975 г. [Singer 1975]. Она имела огромный резонанс и стала библией правозащитного движения за права животных во всем мире. Это движение, в свою очередь, вызвало новый тур дискуссий в науке об этических основаниях прав животных и об уровнях разумности живых существ — наших соседей по планете. Если в этой связи говорить о высших приматах, то нужно отметить, что в ходе многолетних исследований как в лабораторных условиях, так и в местах их обитания были собраны данные, свидетельствующие о существовании у них самосознания, рациональной деятельности и способности к обучению и передаче языка. Некоторые из этих характеристик обнаружены и у других живых существ, например у отдельных видов птиц (некоторые виды врановых и попугаи) и у китовых. Еще одной областью исследований, развивавшейся с начала XX в., в которой также исследовались способности живых существ к знаковой деятельности, стала биосемиотика. И если говорить

о влияниях за пределами науки, то, наверное, можно упомянуть о влиянии на формирование идеологии этого поворота буддизма и вегетарианства (ср.: [Tuttle 2019]). В российской антропологии тематика, связанная с правами животных, если не ошибаюсь, впервые стала появляться лишь в последние несколько лет и связана главным образом с медицинской антропологией (права лабораторных животных)¹.

5

Мне представляется, что важнее научиться разделять собственно политическую идеологию (вдохновляющую любые формы политического активизма) и идеологию научную и пробовать это делать на материале собственных представлений и действий. Это важно еще и потому, что политический активизм может основываться на ложных представлениях, не выверенных экспериментами, историей идей и даже этическими принципами. Примеров такого активизма множество, поскольку любое социальное и религиозное движение без активизма не обходится. Отличия научной идеологии и основанных на ней форм активизма в их рефлексирующем характере и действующих здесь принципах критического отношения, сомнения, достаточного основания и пр. От такого сорта активизма науке не избавиться, а попадающие в нее фрагменты политических идеологий должны подвергаться стандартным критическим процедурам и использоваться только тогда, когда они эти процедуры с честью выдерживают.

Библиография

- Давыдов В.Н. Отношения человека, животных и ландшафта на северном Байкале, в Забайкалье и южной Якутии // Давыдов В.Н. (ред.). Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири: Сб. науч. статей. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 210–258.
- Давыдов В.Н. Эмоции в отношениях человека, животного и ландшафта: исследование коральных работ на Таймыре // Кунсткамера. 2018. № 2. С. 81–87.
- Коршунков В.А. Анима. Отношение к домашним животным в России: исторические очерки. М.: Неолит, 2022. 360 с.
- Соколовский С.В. Тело киборга: человек и концепция расширенного организма // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 6–26. doi: 10.17223/2312461X/36/1.
- Baluska F., Witzany G., Gagliano M. (eds.). Memory and Learning in Plants. Cham: Springer Nature, 2018. VI+222 p.
- Davydov V.N. Research on Human and Reindeer Relations in Southern Yakutia (Sakha Republic) // Anthropology and Archeology of Eurasia. 2017. Vol. 56. No. 1–2. P. 6–31. doi: 10.1080/10611959.2017.1352313.

¹ Для сравнения: Американская ассоциация антропологов стала проводить серию секций и круглых столов по многовидовой этнографии — *The Multispecies Salon*, а затем серию выставок под этим названием (2006, 2008, 2010).

- Davydov V.N., Klokov K.B. Dogs, Reindeer and Humans in Siberia: Threefold Synergetic in the Northern Landscape // Losey R.J., Wishart R.P., Loovers J.P.L. (eds.). *Dogs in the North: Stories of Cooperation and Co-Domestication*. L.: Routledge, 2018. P. 57–72.
- H-UTokyo Lab. *Society 5.0. A People-centric Super-smart Society*. Singapore: Springer, 2020. XX+189 p.
- Haraway D. *When Species Meet*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2007. X+423 p.
- Klokov K.B., Davydov V.N. Human-Dog-Reindeer Communities in the Siberian Arctic and Subarctic // Stépanoff C., Vigne J.D. (eds.). *Hybrid Communities: Biosocial Approaches to Domestication and Other Trans-Species Relationships*. L.: Taylor & Francis, 2019. P. 261–274.
- Salt H. *Animal's Rights Considered in Relation to Social Progress* [1892]. Clarks Summit, PA; Fontwell, Sussex: Society for Animal Rights; Centaur Press; State Mutual Book, 1985. 51 p.
- Segundo-Ortin M., Paco C. Plant Sentience? Between Romanticism and Denial // *Animal Sentience* 2023. Vol. 33. No. 1. P. 1–32.
doi: 10.51291/2377-7478.1772.
- Singer P. *Animal Liberation*. N.Y.: Avon Books, 1975; 4th ed. 2009. 478 p.
- Strathern M. *After Nature: English Kinship in the Late Twentieth Century*. N.Y.: Cambridge University Press, 1992. XVIII+240 p.
- Tuttle W. (ed.). *Buddhism and Veganism: Essays Connecting Spiritual Awakening and Animal Liberation*. Danvers: Vegan Publishers, 2019. 248 p.
- Yount L. *Animal Rights*. Rev/ed. N.Y.: Infobase Publishing, 2008. 332 p.

ДРЮ СУОНСОН

«Окно или зеркало?»

Начну с оговорки. Я скорее историк, чем антрополог, точнее, историк окружающей среды и сельского хозяйства (*environmental and agricultural history*). Несмотря на то что, без сомнения, антропология и эти области истории во многом совпадают в своих методах и интеллектуальных ходах, я вижу и огромную разницу между ними, не в последнюю очередь из-за того, что истории недостает строгой теоретизации. Я не учился на «историка животных» или «историка растений», и никто из моих учителей не называл себя таким образом. Поэтому прошу прощения, что, отвечая на предложенные вопросы, я выступаю как самозванец, не будучи ни антропологом, ни историком животных / растений в прямом смысле слова.

Дрю Суонсон

Южный университет Джорджии,
Стейтсборо, США
dswanson@georgiasouthern.edu

Тем не менее «более-чем-человеческие истории» (*more-than-human histories*) — если позаимствовать термин из одной статьи в журнале “Environmental History” [O’Gorman, Gaynor 2020] — очень меня интересуют.

1

Более-чем-человеческий мир всегда завораживал меня — как человека, который вырос на ферме, учился на эколога и работал в области природопользования. Этот интерес я принес в аспирантуру по истории. Я пишу о самых разных видах животных. Среди них исследование отношений между инвазивным видом насекомых-вредителей (тсуговым хермесом) и исчезающим видом саламандры: повод подумать о том, как акторно-сетевая теория могла бы быть инкорпорирована в истории животных, вписанных в экосистемы. Я изучал животноводство на американском Юге XIX в. и то, как действия человека, экология и перемещения животных поколебали режимы пользования общественными пастбищами. Я исследовал антропогенные ландшафты, которые способствовали сохранению некоторых вымирающих видов растений, писал о фермерском разведении фазанов и опубликовал книгу об одном сорте табака. Прямо сейчас я дошел до середины проекта по изучению долгой истории белохвостого оленя (*Odocoileus virginianus*) в Северной Америке. Меня интересует экономическая эксплуатация, даже истребление, и резкое восстановление популяции одного из самых важных млекопитающих континента. И хотя далее будут упоминаться растения, в ответах для этого «Форума» я буду в первую очередь говорить об истории животных, поскольку сейчас я работаю именно в этой области.

В последние годы история животных развивается с головокружительной быстротой. Как и в антропологии, о которой говорится во введении к «Форуму», в истории глубокие исследования животных существуют уже многие десятилетия. Более целенаправленные появились в 1980-е гг. [Thomas 1983; Ritvo 1987]. Вслед за ними пришли работы, которые стали включать животных как основные объекты исследования; работы, обсуждавшие вопросы агентности животных; наконец, работы, которые отодвинули истории людей в сторону ради внимания к другим видам. По правде говоря, сейчас в этой области появляется столько научных работ, что оставаться в курсе всего практически невозможно, хотя многочисленные сборники и историографические обзоры и служат подспорьем [Nance 2015; Asdal et al. 2016; Kean, Howell 2019; O’Gorman, Gaynor 2020].

Исторические исследования животных порой связывают с близкой им историей окружающей среды (*environmental history*), однако историки животных все чаще считают свою область самостоятельной. Это дисциплинарное разделение можно наблю-

дать на примере появления нового журнала “Animal History”, первые номера которого должны выйти в свет в 2025 г. Я пишу свои ответы, находясь на ежегодной встрече Общества историков сельского хозяйства (Agricultural History Society) в Лас-Крусес (Нью-Мексико, США), программа которой насыщена сюжетами из жизни растений и животных, хотя многие авторы, возможно, никогда не рассматривали свои работы в рамках более-чем-человеческой истории. В программе — доклады о на-секомых, люцерне, диких свиньях, перце чили, крупном рогатом скоте, китайской крапиве (рами белом) и оленях. Учрежденная Обществом премия за лучшую книгу по истории США досталась исследованию скотоводческих ранчо. Вторую награду получила диссертация о пчелах на полуострове Юкатан [Berry 2023; Márquez-Osuna 2023].

Все это к тому, что такого интереса к глубоким и теоретически интересным историческим исследованиям других видов и их взаимодействия с людьми, как сейчас, никогда еще не наблюдалось. За последние десять лет подходы этих исследований, конечно, изменились, пусть и не кардинально. Возросло количество исторических работ, посвященных какому-то конкретному виду; шире стали использоваться теоретические наработки вроде акторно-сетевой теории или биополитики; радикально расширился доступ к материалам естественных наук благодаря оцифровке первичных источников, которой занимаются такие инициативы, как репозиторий цифрового контента научных библиотек HathiTrust и Библиотека наследия биоразнообразия (Biodiversity Heritage Library).

2

Открытия новых исторических исследований животных и растений кажутся мне захватывающими по двум причинам. Во-первых, в них воплощается давнее желание истории окружающей среды усилить связь между историей и экологией. С момента возникновения дисциплины в 1970-х гг. историки-инвайронменталисты не просто обращались к научным открытиям экологии и смежных областей, чтобы глубже понять, как природные процессы повлияли на человеческую историю. Они пытались увидеть мир глазами эколога. Если мы относимся к растениям и животным всерьез, а порой отдаем им центральное место в наших историях, мы начинаем мыслить историю одновременно как процесс и как сеть, систему, которая состоит не только из человеческих поступков и в которой все живые существа влияют друг на друга. Смиренность и непредвзятость такого подхода дают глоток свежего воздуха и позволяют избежать телеологических представлений о прошлом.

Во-вторых, такой подход дает нам возможность переосмыслить большие нарративы о прошлом, которые мы так долго созда-

вали. Например, он способен изменить наше видение истории рабства и отношений поработанных людей с окружающей их природой благодаря обсуждению их каждодневного общения с другими видами или же анализу того, какую роль в распространении рабства сыграли конкретные виды растений. Вероятно, так мы смогли бы сместить свое внимание с плантаторов и структур торговли и более полно исследовать власть, агентность и экологические знания [Olmstead, Rhode 2008; Beckert 2014; Silkenat 2022; Blakely 2023]. Наконец, исторические исследования животных помогают раскрыть роль, которую в городах играет органика, и тем самым разрушают искусственные преграды между городской и сельской историей [Biehler 2013; McNeur 2014; Robichaud 2019].

Эти исследования явно выигрывают от своего междисциплинарного характера, в первую очередь в смысле доступа к новым и разнообразным первоисточникам, но также в плане трактовок и методов работы. История окружающей среды как отдельная область начиналась с открытого допущения, что такие естественно-научные дисциплины, как экология и биология, должны обогащать знания историков, интересующихся природой. Вдобавок на нее повлияли близкие ей социальные науки — география и антропология. В последние десять лет она переживает и культурный поворот (*cultural turn*), однако какое-то количество исследователей, приверженных старым, более «материальным» взглядам, сохраняется и по сей день.

3

Хотя у меня были другие планы и намерения, я смирился с тем, что пишу откровенно антропоцентричную историю других видов. Мне кажется, о таком писать неприлично (по крайней мере вот так прямо), но это чистая правда. Я пишу так, потому что для меня это единственный честный способ подступить к более-чем-человеческой истории.

Это заявление требует ряда оговорок. Я полагаю, что действия животных и растений прошлого очень значимы. Все они действовали в собственных интересах, как существа, чья жизнь и (в случае животных) воля независимы от жизни и воли людей. Их действия создавали (и продолжают создавать) определенную агентность. А условия, в которых находится тот или иной вид, качество его жизни, его выживание и т.д. важны и как предмет для исследования, и как объект нашей этической рефлексии. В целом думаю, что нам стоит узнавать больше о прошлом животных и растений как ради них самих, так и ради того, что эти знания могли бы добавить к нашему пониманию человеческой жизни.

Тем не менее я не уверен, что мы можем, как ныне модно утверждать, писать историю «с точки зрения» животных или

растений или даже что мы можем «дать им голос», как сформулировано в вопросах «Форума». Мы не способны по-настоящему вообразить «взгляд на мир глазами растений» (*a plant's-eye view of the world*), вспоминая известную формулировку Майкла Поллана [Pollan 2001]. Вообще мне кажется, это и есть самое антропоцентрическое заблуждение из всех возможных: мысль, что мы, разумные люди, способны преодолеть наши собственные биологические и культурные ограничения, вплоть до изменения нашего сознания, и увидеть прошлое и настоящее с точки зрения других видов. Я даже не вполне убежден, что историки как индивиды действительно способны поставить себя на место другого человека как-то иначе, чем умозрительно. Замечу, что подобные рассуждения далеко не новы. Это одна из позиций в давних дискуссиях внутри инвайронментальной истории по поводу того, как вообще рассказывать истории о «природе» [White 1990; Worster 1990; Cronon 1992; Sutter 2013].

В общем, история животных важна. И мне бы хотелось, чтобы ее было больше. И я уважаю ту интеллектуальную работу, которую историки животных проделали, размышляя о пределах и границах видов, об агентности животных и важности их точек зрения для понимания прошлого. Но я по-прежнему убежден, что в конечном итоге все эти истории животных, скорее всего, все равно больше расскажут нам о людях, чем о других животных. История животных — это в равной степени и зеркало, и окно в прошлое.

5

И этот вопрос тоже созвучен ранним дискуссиям внутри истории окружающей среды. В США эта область знания появилась на Среднем Западе, строилась вокруг идей о «нетронутый» и нечеловеческой природе и была тесно связана с бурно развивающимся экологическим движением. Как следствие, постоянно шли споры о том, до какой степени историку пристало быть активистом и какими должны быть плоды наших исследований [Opie 1983; Cronon 1993; Sörlin 2011; Walker 2011].

До некоторой степени инвайронментальные историки примирились с этим противоречием и даже оценили важность своего присутствия в области, которая вносит свой вклад в современные дискуссии. Кажется, история животных ускоренными темпами повторяет тот же путь. Думаю, что связи между исследованиями животных и растений и активизмом неизбежны и, возможно, даже желанны. Мы должны быть преданы объектам своих исследований, будь то люди, животные, растения или даже бактерии, и этот интерес будет неизбежно проникать из прошлого и в нашу современную жизнь. В той мере, в которой мы можем «говорить за» другие виды, в наших силах показать связь между их современным состоянием и историче-

скими событиями. По моему мнению, ключ к тому, чтобы делать это внимательно и аккуратно, состоит в том, чтобы быть откровенными со своей аудиторией. Поэтому я ценю исследования, которые открыто говорят о возможных предубеждениях, пытаются с ними бороться и при этом достаточно смелы, чтобы отстаивать определенную позицию. Если история окружающей среды — это социальная наука, то, на мой взгляд, ее методологический акцент должен делаться на слове «социальная» в большей степени, чем на слове «наука», признавая (смею сказать «животную»?) ограниченность человеческой природы.

Библиография

- Asdal K., Druglitrø T., Hinchliffe S.* (eds.). *Humans, Animals and Biopolitics: The More-Than-Human Condition*. N.Y.: Routledge, 2016. 197 p.
- Beckert S.* *Empire of Cotton: A Global History*. N.Y.: Knopf, 2014. XXII+615 p.
- Berry M.K.* *Cow Talk: Work, Ecology, and Range Cattle Ranchers in the Postwar Mountain West*. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 2023. XI+291 p.
- Biehler D.D.* *Pests in the City: Flies, Bedbugs, Cockroaches, and Rats*. Seattle, WA: University of Washington Press, 2013. 336 p.
- Blakely C.M.* *Empire of Brutality: Enslaved People and Animals in the British Atlantic World*. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 2023. 256 p.
- Cronon W.* *A Place for Stories: Nature, History, and Narrative // Journal of American History*. 1992. Vol. 78. No. 4. P. 1347–1376.
- Cronon W.* *The Uses of Environmental History // Environmental History Review*. 1993. Vol. 17. No. 3. P. 1–22. doi: 10.2307/3984602.
- Kean H., Howell P.* (eds.). *The Routledge Companion to Animal-Human History*. L.: Routledge, 2019. 560 p.
- Márquez-Osuna A.* *Innovation in the Tropics: The Persistence of Beekeeping Knowledge in the Yucatán Peninsula, 1780–1950: PhD diss. / Harvard University*. Cambridge, MA, 2023. 248 p.
- McNeur C.* *Taming Manhattan: Environmental Battles in the Antebellum City*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. 312 p.
- Nance S.* (ed.). *The Historical Animal*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2015. IX+405 p.
- O’Gorman E., Gaynor A.* *More-Than-Human Histories // Environmental History*. 2020. Vol. 25. No. 4. P. 711–735. doi: 10.1093/envhis/emma027.
- Olmstead A.L., Rhode P.W.* *Creating Abundance: Biological Innovation and American Agricultural Development*. N.Y.: Cambridge University Press, 2008. 467 p.
- Opie J.* *Environmental History: Pitfalls and Opportunities // Environmental History Review*. 1983. No. 7. P. 8–16. doi: 10.2307/envrev/7.1.8.
- Pollan M.* *The Botany of Desire: A Plant’s-Eye View of the World*. N.Y.: Random House, 2001. 271 p.

- Ritvo H.* The Animal Estate: The English and Other Creatures in the Victorian Age. L.; Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 368 p.
- Robichaud A.A.* Animal City: The Domestication of America. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019. 352 p.
- Silkenat D.* Scars on the Land: An Environmental History of Slavery in the American South. N.Y.: Oxford University Press, 2022. 272 p.
- Sutter P.* The World with Us: The State of American Environmental History // Journal of American History. 2013. No. 100. P. 94–119.
- Sörlin S.* The Contemporaneity of Environmental History: Negotiating Scholarship, Useful History, and the New Human Condition // Journal of Contemporary History. 2011. Vol. 46. No. 3. P. 610–630.
- Thomas K.* Man and the Natural World: A History of the Modern Sensibility. N.Y.: Pantheon, 1983. 425 p.
- Walker R.* On the Edge of Environmental History // RCC Perspectives. 2011. No. 3. P. 48–52.
- White R.* Environmental History, Ecology, and Meaning // Journal of American History. 1990. No. 76. P. 1111–1116. doi: 10.2307/2936588.
- Worster D.* Transformations of the Earth: Toward an Agroecological Perspective in History // Journal of American History. 1990. No. 76. P. 1087–1106. doi: 10.2307/2936586.

Пер. с англ. Александры Захаровой

АЛЕКСАНДРА ТЕРЁХИНА, АЛЕКСАНДР ВОЛКОВИЦКИЙ

Этот короткий ответ мы написали в ямальской тундре, находясь на полевом экологическом стационаре вместе с коллегами-биологами. Тема отношений человека с другими живыми существами в последние пять лет особенно актуальна для нас благодаря работе в междисциплинарной лаборатории Арктического научно-исследовательского стационара — филиала Института экологии растений и животных, базирующегося в городе Лабытнанги. Это редкий случай для российской науки, поскольку в рамках одного академического подразделения собрались биологи и социальные антропологи. Наш текст не претендует на теоретическое осмысление мультивидового поворота, а скорее является попыткой поделиться своим опытом.

Согласно концептуальным установкам нашего коллектива, основанным на традиции

Александра Николаевна Терёхина

Арктический
научно-исследовательский
стационар Института экологии
растений и животных УрО РАН,
Лабытнанги, Россия
terekhina.yamal@gmail.com

Александр Игоревич Волковицкий

Арктический
научно-исследовательский
стационар Института экологии
растений и животных УрО РАН,
Лабытнанги, Россия
alvolkovitskiy@gmail.com

европейских экологических исследований, тундра рассматривается как социально-экологическая система [Berkes et al. 2003; Cumming 2014], в которой как части комплексного мира существуют и взаимодействуют друг с другом животные, растения, лишайники, коренные народы, их стада оленей и даже промышленные объекты. Работа биологов предполагает многолетние непрерывные полевые наблюдения за разными арктическими видами, которые позволяют увидеть динамику экосистем в условиях стремительно меняющегося в Арктике климата и активного промышленного освоения Ямала — двух факторов, являющихся мощными драйверами трансформаций в тундре. Наша деятельность организована так, что в летнее время мы выезжаем вместе с биологами на полевой экологический стационар на Южном Ямале, где участвуем в сборе биологических данных и проводим этнографические исследования. На обширной территории вокруг стационара, где осуществляется экологический мониторинг, проживают ненецкие семьи оленеводов и рыбаков, ставшие нашими постоянными собеседниками.

Исследовательские вопросы, интересующие нас в рамках общей программы лаборатории, включают представления тундровиков об изменениях в окружающей среде (погоде, поведении видов, появлении новых животных и растений) и динамике присутствия видов, практики современного оленеводства и целый комплекс проблем взаимодействия «человек — олень — пастбища — климат». Иными словами, наши научные интересы в настоящее время лежат в областях этноэкологии, этноботаники, этнозоологии, этноэнтомологии, этноландшафтоведения и других «этно», хотя круг информантов не ограничивается только ненцами, поскольку в тундре мы общаемся с вахтовыми рабочими, водителями на зимниках, городскими охотниками и рыбаками. Мы составляем вопросы для интервью вместе с коллегами-естественниками и сопоставляем полученные этнографические материалы с данными экологического мониторинга. Дальнейшее написание междисциплинарных статей, поиск общего научного языка и взаимопонимания между дисциплинами — отдельный непростой этап работы и, возможно, еще одна потенциальная тема для «Форума». Кроме того, попутно мы не можем не рефлексировать над вопросами из области антропологии науки, наблюдая за проведением биологических исследований (и непосредственно участвуя в них) и за последующим анализом данных.

Тема взаимодействий человека и животных является одной из ключевых для антропологов, работающих в сообществах коренных народов, особенно пасторалистов [Mullin 1999; Anderson 2000; Beach, Stammler 2006; Давыдов 2013; Oehler 2020]. Дис-

куссии о доместикации, вопросы межвидового сосуществования, коммуникации и гибридности находятся в фокусе проектов, проводимых в циркумполярных регионах (к примеру, проекты “Arctic Domus: Humans and Animals across the North” под руководством Д. Андерсона или “WIRE: Fluid Realities of the Wild” группы Ф. Штаммлера). В этих проектах, помимо антропологов, участвуют генетики и искусствоведы. Представить себе такую коллаборацию в современной России достаточно затруднительно из-за институциональных сложностей и проблем финансирования. В российских реалиях отсутствуют грантовые конкурсы с соответствующими возможностями: в единственном научном фонде существует крупный конкурс междисциплинарных исследований, который предполагает участие двух или более академических организаций с перспективой масштабных результатов. Этот вариант вряд ли подходит для проекта с антропологическим фокусом. В заявке на стандартные грантовые конкурсы больших и малых групп при указании классификатора научной дисциплины нет опции выбрать две или несколько.

Для расширения западных / европейских / христианских представлений об отношениях человека и окружающей среды и изменения исследовательской оптики Т. Ингольд предлагал обратиться к картине мира индигенных сообществ, живущих в своей повседневности с дикой природой и домашними животными [Ingold 2000]. За годы работы с ямальскими тундровиками через незначительные, на первый взгляд, нюансы мы замечаем, как ненцы взаимодействуют с оленями, собаками или другими живыми существами, как говорят о них. Тундровики наделяют их равной с людьми агентностью, что, например, проявляется в формулировке *харта тарця* — «он/она сам(а) по себе такой/такая», когда речь идет о характере и поведении как оленей и собак, так и людей. То есть все категории «живых существ» рождаются с определенным набором качеств, на которые нельзя серьезно повлиять, а можно лишь немного скорректировать.

Начав работать с биологами (мониторя вместе с ними по международным протоколам норы песцов, гнезда хищных птиц, относительную численность грызунов и, наконец, обсуждая экологические вопросы с ненцами), как ни парадоксально, мы более отчетливо смогли оценить характерный для ямальских кочевников взгляд на тундру как на дом в широком смысле слова. Оленеводы доместизируют пространство, по которому проходят их маршруты, не только через места ежегодных стоянок, оставленные нарты, сезонные пастбища, но и через знание участков обитания диких животных на этих территориях. Поскольку норы песцов, гнезда соколов или гусей год из года

располагаются в одних и тех же локациях и могут годами заниматься одними и теми же особями, для тундровиков они также маркируют культурный ландшафт.

Доместикация конкретного участка тундры выражается ненцами и в нарративах о «своих» и «чужих» хищниках, которые мы уловили, собирая материалы по проблеме участвовавших нападений песцов на новорожденных телят [Terekhina et al. 2021]. Оленеводы «своими» называют песцов, чьи норы находятся недалеко от стойбища, — они не нападают на телят. Экстрахищничество присуще «чужим», пришлым или мигрирующим песцам. Аналогичный взгляд в прошлом был присущ ненцам и в отношении волков, представлявших до начала 2000-х гг. «главную» опасность для стада в тундре. По словам ненцев, волки не трогали «свое» стадо. Упоминания «своих» и «чужих» в отношении животных, обитающих по маршруту кочевой семьи и зашедших извне, встречаются и в сообщениях о других видах. Конкретные особи одного вида могут восприниматься добрыми соседями, другие — источником опасности. Агентность не-людских существ в соседстве с людьми проявляется, в частности, в использовании пищевых субсидий на стоянках оленеводов или в поиске безопасного места. К примеру, гуси, утки или куропатки могут свить гнездо под нартой возле чума, где их не будут преследовать хищники. Оленеводы уверяют, что собаки не «обижают своих птенцов», тогда как могут разорить гнездо в тундре вдали от жилища. В этом случае птицы реализуют модель взаимодействия, хорошо известную в экологии как «зонтичный эффект». Например, в тундре гуси нередко гнездятся непосредственно под гнездами сапсанов, расположенными на возвышенных участках. Эти топовые хищники защищают индивидуальные гнездовые территории и практически не охотятся на «своих» гусей. Этот феномен известен и ненцам — таких гусей называют *пяра* мада («подзащитные / подчиненные»).

Всю территорию тундры, по которой проходит кочевой маршрут или где стоит чум оседлых рыбаков, можно назвать большим гибридным сообществом населяющих общее жизненное пространство (*domus*) людей и животных [Stépanoff, Vigne 2019]. Для того чтобы эта система представлений была полной, нужно добавить, что это пространство также населено богами и духами, влияющими на благополучие всех живых существ. Для оленеводов индикаторами «правильной» жизни и божественного одобрения являются здоровье и прирост стада. Если духи хотят наказать человека, то насылают беды на его стадо, которые проявляются через нападения волков, падежи от гололедов и болезней [Stammler, Ivanova 2020]. Взаимосвязь множества миров в ненецкой космологии выражается и через других нечеловеческих существ. По ненецким представлениям, умершие

люди через определенное время перерождаются в черных жуков, ползающих по тундре, поэтому их нельзя убивать — вдруг в виде этого насекомого явился твой родственник.

Приведенные выше примеры представляют собой отдельные сюжеты, которые встречаются в наших исследованиях, и иллюстрируют взгляды ямальских тундровиков на сети взаимодействий с другими существами. Для нас изучение этих представлений и самих взаимодействий становится не только мониторингом социально-экологической системы тундры, а еще шире — социо-эко-космологической. Задачи исследований отношений людей и других живых существ, на наш взгляд, очень важны для междисциплинарного понимания трансформации этой системы. Люди, постоянно живущие в тундре, первыми замечают любые изменения, к которым надо адаптироваться всем обитателям тундрового пространства.

На наш взгляд, в этом направлении важно развивать междисциплинарные исследования, а представителям естественных и социальных дисциплин знакомиться с работами друг друга. Порой кажется, что этнографические штудии, осмысляющие поведение живых существ, совершенно игнорируют биологическую составляющую и антропоморфизируют поведение животных, при этом именуя это «голосом» не-человеческих существей.

Благодарности

Материал подготовлен в рамках госзадания ИЭРиЖ УрО РАН №122021000089-9.

Библиография

- Давыдов В.Н.* Борьба с хищниками и повседневные практики современных оленеводов: отношения человека и животных на Северном Байкале (по результатам полевых исследований 2007–2012 гг.) // Федорова Е.Г. (ред.). Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2013. Вып. 12. С. 23–42.
- Anderson D.G.* Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford: Oxford University Press, 2000. 270 p.
- Beach H., Stammer F.* Human-Animal Relations in Pastoralism // Nomadic Peoples. 2006. Vol. 10. No. 2. P. 6–30. doi: 10.3167/np.2006.100202.
- Berkes F., Colding J., Folke C.* Navigating Social-ecological Systems: Building Resilience for Complexity and Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 393 p.
- Cumming G.S.* Theoretical Frameworks for the Analysis of Social-Ecological Systems // Sakai S., Umetsu C. (eds.). Social-Ecological Systems in Transition. Tokyo: Springer, 2014. P. 3–24.
- Ingold T.* The Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling and Skill. L.: Routledge, 2000. 465 p.

- Mullin M. Mirrors and Windows: Sociocultural Studies of Human-Animal Relationships // Annual Review of Anthropology. 1999. Vol. 28. P. 201–224.
- Oehler A. Beyond Wild and Tame: Sioit Encounters in a Sentient Landscape. N.Y.: Berghahn, 2020. 214 p.
- Stammler F.M., Ivanova A. From Spirits to Conspiracy? Nomadic Perceptions of Climate Change, Pandemics and Disease // Anthropology Today. 2020. Vol. 36. No. 4. P. 8–12. doi: 10.1111/1467-8322.12589.
- Stépanoff C., Vigne J.-D. Introduction // Hybrid Communities: Biosocial Approaches to Domestication and Other Trans-species Relationships. L.; N.Y.: Routledge, 2019. P. 1–20.
- Terekhina A., Volkovitskiy A., Sokolova N., Ehrich D., Fufachev I., Sokolov A. The Context of an Emerging Predation Problem: Nenets Reindeer Herders and Arctic Foxes in Yamal // European Journal of Wildlife Research. 2021. Vol. 67. Article 52. doi: 10.1007/s10344-021-01497-z.

АНАСТАСИЯ ФЕДОТОВА

а) Я историк, поэтому на вопросы буду отвечать, как историк; б) в вопросах говорится о «представителях других видов» вообще, а не только о «других животных», и я соответственно буду говорить об инвайронментальной истории (*environmental history*) вообще, а не только об *animal history*¹.

1

Я пришла в инвайронментальную историю из истории науки, а в нее — из биологии (по базовому образованию я ботаник и эколог растений). Поэтому с самого начала инвайронментальная история мне казалась самой очевидной сферой исследований, и я была потрясена нелепой вездесущностью антропоцентричного подхода. Меня постоянно удивляло, насколько подавляющее большинство историков даже не представляют себе других точек зрения. Что значит «как интересно, а я не знал, что у лесов тоже бывает история»?² Простите, уважаемый коллега, а вы знаете, что гипотеза о сотворении мира

Анастасия Алексеевна Федотова

Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия
f.anastasia.spb@gmail.com

¹ Я предпочитаю использовать термин *environmental history* или его кальку *инвайронментальная история*, а не *экологическая история*, так как второй вариант — не очень-то корректный перевод.

² Этот комментарий был получен на презентации нашей книги, посвященной Беловежской пуще в XIX в. [Samojlik et al. 2020]. Конечно, на том семинаре я ответила гораздо более сдержанно, напомнив, что в отечественной историографии хорошие работы на такие темы существуют достаточно давно, и привела в пример книгу Цветкова [Цветков 1957]. Такого типа комментарии и я, и мои коллеги, занимающиеся историей животных, получаем от «мейнстримных» историков регулярно и нередко с обесценивающим подтекстом.

семь с половиной тысяч лет назад давно оставлена? Вы в курсе, что планета Земля и живые организмы на ней существуют немного дольше, чем человек как вид, и тем более дольше, чем письменные культуры? Как можно строить модели экономики, полностью игнорируя все «не-человеческие» ресурсы? Или, если переходить на частности и вопросы, более близкие к антропологии и этнографии, — как описывать владельческие клейма на бортовых деревьях, но ничего не сказать о бортовом пчеловодстве? Обсуждать традиционные мотивы вышивки, но не заинтересоваться происхождением ни волокон, из которых спрядены нитки, ни красителей, которыми они окрашены? Что имело более значительные последствия — деятельность тайной ложи, успехи которой ограничивались секретными встречами и обсуждением нереализуемых проектов, или появление нового вредителя важной сельскохозяйственной культуры, из-за которого пришлось существенно изменить привычные для региона технологии?¹ Издание литературного альманаха или появление новой породы скота?² И тем не менее первое и третье — это темы для академической историографии вполне почтенные и понятные, в отличие от второго и четвертого. Конечно, я вовсе не собираюсь говорить, что все историки полностью игнорируют подобные вопросы. Все-таки «Безмолвная весна» (*Silent Spring*) вышла более 60 лет назад, а *Seeds of Change* — почти 40 [Carson 1962; Hobhouse 1985].

По отношению к матери-природе мы (гуманитарии, зацикленные на антропоцентрическом подходе) ведем себя как пятилетний ребенок, который регулярно «добывал» банки с вареньем из кладовой, а через некоторое время ему пришло в голову поинтересоваться, как же эти банки там появились. В итоге он догадывается, что банку туда поставила мать, и приходит в неопишуемый восторг от своего ума. Он делится своей догадкой с соседским мальчишкой (который также тырит варенье из кладовки), но соседского мальчишку это совершенно не интересует, он не желает восторгаться интеллектуальными способностями товарища, а требует, чтобы окружающие восхищались тем, какие узоры он этим вареньем намалевал на обоях.

Какие межвидовые связи ученые напрасно упускают из внимания? Мой ответ (опять же как историка с биологическим образованием): изучения заслуживает взаимодействие и история этого взаимодействия примерно со всеми видами, так как сегодня абсолютно все виды на земле вынуждены взаимодействовать с нами. Конечно, не обо всех видах найдутся источники,

¹ Занос филлоксеры в Старый Свет (наряду с несколькими видами микопатогенов) заставил существенно изменить технологии виноградарства. См., например: [Badia-Miró et al. 2010; Gale 2011].

² См., например, о мериносах: [Phillips, Phillips 1997].

как естественно-исторические, так и письменные. Последние десятилетия историки, антропологи, социологи и культурологи наконец-то (!) начали немного обсуждать те виды, которые играют наиболее заметную роль в экономике и в сфере общественного здоровья. Ура! Но мне мало!

Конечно, чем значительнее роль вида для экономики или здоровья человека, тем больше шансов, что можно найти о нем письменные источники, хотя бы косвенные. Чем более массовым (а иногда и массивным) является вид, тем больше шансов, что от него останутся следы, обнаруживаемые методами археологии и палеонтологии. У нас есть возможность приблизительно оценить, как в течение последних двух-трех тысяч лет шло сокращение ареала европейского зубра, и для этого используют письменные, археологические и палеонтологические данные¹. У нас гораздо меньше возможностей надежно описать историю антропогенного сокращения ареала выхухоли (заметность этого вида и с естественно-исторической, и с экономической точки зрения гораздо ниже²) и совсем мало шансов описать антропогенное сокращение ареала степной дыбки (краснокнижный вид прямокрылых)³. С патогенами зависимость другая, но общий смысл понятен — массовость и вирулентность увеличивают шансы на обнаружение следа⁴.

Ответ на вопрос о том, «каких живых существ продуктивно включать в историческое исследование», вполне очевиден — тех, о которых можно найти материал. Конечно, и для поиска, и для качественного анализа такого материала требуется привлечение данных из естественных наук и сотрудничество с коллегами из этих сфер. Больше всего работ (и антропологических, и исторических) посвящено одомашненным животным, следующие места занимают сельскохозяйственные вредители и переносчики заболеваний, а также промысловые виды. Много интересных работ написано о животных, содержащихся в неволе

¹ В данном случае я говорю о задаче «описать историю сокращения ареала», чтобы максимально отодвинуть от антропоцентрической точки зрения на историю этих животных. Разумеется, исторические и антропологические (а не биологические) работы о зубрах говорят только о взаимодействии / об истории взаимодействия этого вида с человеком. Получается замкнутый круг. Мы не можем отказаться от антропоцентрического взгляда на животных, потому что как только мы отходим от него, то оказываемся вне сфер антропологии и истории.

² Выхухоль добывали ради ее мускусных желез и меха.

³ Некоторые предположения об антропогенном сокращении ареала этого вида делать все-таки возможно, так как главной причиной сокращения численности и ареала дыбки является уничтожение ее местообитаний (степных экосистем).

⁴ Мне бы очень хотелось понять, когда зубры Беловежской пуши начали массово страдать от фасциолеза, но насколько я понимаю, методов, позволяющих определить, имел ли зубр, живший 150–200 лет назад (таких скелетов и чучел сохранилось в зоологических музеях пара десятков как минимум), в своей печени этих паразитов, пока не существует, и разработкой таких методов пока никто не занимается.

(в зоопарках, цирках и т.п.), и видах, находящихся под угрозой вымирания (особенно так называемых *iconic species* — «харизматичных» видах, играющих значимую роль для публичной репрезентации природоохранных институций и мероприятий). Еще одна важная тема — это намеренная и случайная интродукция и реинтродукция живых организмов, а также виды, по вине человека ставшие инвазивными.

Исследователей особенно привлекают те случаи, когда один и тот же вид может иметь принципиально разное значение для разных групп людей одновременно или последовательно. К примеру, с точки зрения медика многие виды грызунов травянистых экосистем являются природным резервуаром для целого ряда патогенов, включая возбудителя чумы; для земледельца эти массовые виды — сельскохозяйственные вредители; для пастуха, многие недели находящегося в степи или горах, они могут быть объектами охоты, а иногда даже животными-компаньонами; для зоолога — объектом изучения, а в последние десятилетия — и объектом охраны¹.

2

Мы существуем почти исключительно за счет эксплуатации других видов — прямой или косвенной; почти все остальные виды живых организмов пострадали из-за того, что мы разрушили и продолжаем разрушать их местообитания². Как мы можем заявлять, что стремимся изобразить более или менее связную и последовательную (научную, если хотите) картину нашего мира, если даже не пытаемся включить все эти виды в наши модели?

Если антропологи и историки хотят изучать «отношения людей и других животных», им просто необходимы междисциплинарные подходы и экспертиза в естественных науках. Некритический пересказ источников, например о нашествии вредных насекомых, чреват еще более существенными промахами, чем не критический пересказ источников о нашествии условных гуннов, хотя бы потому, что во многих случаях «нашествия» вредных насекомых — это вовсе не нашествия, а вспышка численности местных. Кстати, к саранче это тоже может относиться, точнее к нескольким видам саранчи.

Недостатки таких исследований я бы поделила на две группы. Первая связана с тем, что историк (антрополог, этнограф и т.д.) только заявляет, что он занимается «многовидовой» историей (антропологией, этнографией и т.д.), но фактически пишет о людях, а другие виды живых организмов выступают лишь фоном.

¹ См., например: [Jones 1999; De Bont 2021].

² См.: [Bar-On et al. 2018; Elhacham et al. 2020], а также библиографию к этим статьям.

В таких исследованиях нет ничего плохого, но только не надо их называть многовидовыми. Строго говоря, наша с Екатериной Жаровой статья о таксидермисте, помещенная в этом номере [Федотова, Жарова 2024], — пример такой работы.

Вторая группа недостатков возникает из-за низкого уровня экспертизы в естественных науках. Часто наблюдается и нехватка уважения к экспертизе и методам, используемым специалистами другой дисциплины, что мешает совместной работе гуманитариев и натуралистов. Это зеркальное явление: представители гуманитарного знания часто даже не пытаются узнать о мнении и методах специалистов в сфере естественных наук, и наоборот. Устранение подобных проблем требует как более разносторонней подготовки исследователей, так и больших усилий для выработки общего языка между специалистами разных сфер. Зоолог будет, мягко говоря, озадачен формулировкой «конструируя суслика» (мамонта, филлоксеру и т.д.), гуманитарий без специальных разъяснений не поймет выражение «ландшафт страха» [Ramirez et al. 2024]. Выработка общего языка — отдельная задача для каждого конкретного случая, и она отнимает много ресурсов. Если историк хочет написать с энтомологом статью о каталогах зоологических коллекций музея, то он сначала должен объяснить энтомологу, какую ценность представляют эти каталоги, кроме той, что очевидна энтомологу (соотнесение строк в каталоге с сохранившимися экспонатами). Энтомолог, в свою очередь, должен объяснить историку хотя бы некоторые основы теории и истории систематики, дать информацию о некоторых таксономических группах, рассказать, как хранятся, как и почему погибают экспонаты в коллекциях, почему часть экспонатов не имеют информативных этикеток и т.д. Абсолютно очевидное для одного часто даже не появляется в поле зрения другого.

Существенно различается и само создание научных текстов. В отличие от «гуманитарных» текстов, в работах представителей естественных наук гораздо больше стандартных конструкций, разъяснения терминам даются редко и в целом применяется принцип «краткость на грани ясности». Не так давно нашу с соавтором статью, обсуждающую узкоспециальное биологическое исследование 120-летней давности, отверг один из (биологических же) журналов на том основании, что язык статьи «слишком уж понятный». Редактор сообщил нам, что так пишут научно-популярные тексты, а для их «высокорейтингового научного журнала» такой стиль неприемлем. И напротив, самый частый комментарий, который я получаю от редакторов и рецензентов «гуманитарных» журналов, — объясните значение такого-то термина.

Нахождение общего языка и проблематики, а затем создание текста, который обе стороны (и гуманитарная, и естественно-научная) посчитают достойным, и являются, на мой взгляд, слабым (точнее, трудным) звеном этих исследований.

3

Здесь ответ тот же — в сотрудничестве со специалистами из других сфер знания. Новые методы? Зависит от того, что понимать под «новыми». Мне кажется, это не столько разработка новых, сколько заимствование из других областей и синтез методов, своего рода апроприация, но в положительном смысле слова.

Как в антропологических работах «дать голос» животным, растениям, грибам, вирусам? Как в анекдоте про Дэвида Копперфилда — аккуратно. Не нарушая границ собственной некомпетентности, не приписывая источнику или методу того, чего там нет, или того, что он не может дать. На семинарах по *animal studies* сейчас часто можно услышать вопрос о «голосе» животных. Увы, у нас, историков, обычно нет возможности услышать и хоть сколько-нибудь корректно интерпретировать этот голос, по крайней мере если мы хотим оставаться в рамках научной методологии. Я боюсь, что горячее желание некоторых представителей гуманитарных дисциплин передать этот голос в своих работах может только отпугнуть биологов. На вопрос «как мыслят леса?» имеется очень краткий ответ — никак. Леса не мыслят. В первой трети XX в. экологи растений активно развивали идеи, что растительное сообщество — это нечто целое, своего рода сверхорганизм. Однако вскоре такие гипотезы были оставлены, как и рассуждения о том, как сообщества развиваются и эволюционируют: у сообществ нет наследственности, поэтому они не эволюционируют, конец дискуссии. Телеология и антропоморфизм плохо сочетаются с научной методологией.

Разумеется, некоторые группы животных развили то, что (с необходимыми оговорками) надо называть культурой, и чем дальше мы изучаем поведение животных в их естественной среде, тем больше мы находим видов, способных обучать своих собратьев тем или иным довольно сложным приемам [De Waal 2016]. Многие млекопитающие не только разработали весьма изощренные способы групповой охоты и передают их новому поколению, но и адаптируют их к антропогенным условиям. Если в предыдущие столетия бурые медведицы учили своих медвежат вскрывать лесные ульи, то сейчас они учат подрастающее поколение вскрывать багажники машин и мусорные контейнеры на туристических стоянках.

4

Мне кажется, проблема в сравнительно большей консервативности наших гуманитариев, а также в том, как и гуманитарные, и естественные науки преподаются в наших школах. Будущий

историк выходит из школы не только без самых базовых знаний о собственном теле и окружающих его живых организмах, но и считая биологию самым скучным на свете предметом. И наоборот, будущий биолог покидает школу с весьма странными представлениями о том, чем же занимаются историки.

Эту проблему пока не получается решить изданием переводов, условно говоря, хороших западных книг, адресованных широкой аудитории. Далеко ушедшая специализация делает перевод таких книг весьма трудной задачей, а состояние нашего издательского дела заставляет издательства экономить деньги и на переводчиках, и на научном (и не только) редактировании¹. В итоге мы получаем набор перлов и нагромождения нелепостей вместо перевода книги, которая действительно могла бы показать русскоязычному гуманитария (в целом неохотно читающему по-английски) привлекательность исследовательских проблем в сфере *environmental humanities*. Из этих нагромождений нелепостей может извлечь здоровое зерно только исследователь, который сам уже хорошо продвинулся в этих междисциплинарных исследованиях, неплохо знает английский и не нуждается в том, чтобы ему эту книгу перевели.

Еще одна проблема в том, что нас слишком мало. Я это вижу на примере сообщества историков: вся российская историография — это сплошной набор белых пятен и черных дыр. Есть ли у нас сейчас база, на которую можно опереться, чтобы написать, к примеру, работу о взаимодействии крестьянина с его домашним скотом для какого-либо конкретного региона во второй половине XIX в. (уже сравнительно хорошо задокументированный период)? Можем ли мы разобрать этот вопрос не на основе записок этнографов о крестьянских суевериях и пастушьих песен, а опираясь на оценки реального, «физического» вклада животных в экономику крестьянского домохозяйства — как рабочей силы, как источника молочных и мясных продуктов, удобрения и пр.? Есть ли у нас данные о том, сколько человеко-часов требовало содержание одной скотины? Есть ли возможность обоснованно судить о значении охоты и/или рыболовства для экономики крестьянских хозяйств, например, разных частей Архангельской губернии? О том, оказывались ли вспышки численности вредителей существенным тормозом русской сельскохозяйственной колонизации в Центральной Азии, Сибири или на Дальнем Востоке? А эпизоотии? Я подозреваю, что чаще всего ответ «нет, не можем». Чтобы писать об отношениях

¹ Одна из самых распространенных проблем связана с тем, что переводчик часто не в состоянии распознать в тексте узкоспециальные термины и переводит их как слова быденного языка. Она могла бы быть решена при наличии научного редактора, но см. выше.

крестьянина конкретного региона и периода с конкретной группой животных, исследователю сначала придется самому почти с нуля разбираться, как было организовано крестьянское хозяйство в регионе в этот период.

5

А что, критерий Карла Поппера о фальсифицируемости уже больше не в чести? Меня он вполне устывает.

И к тому же одно необязательно мешает другому. Несколько лет назад польская лесная администрация приняла решение о сплошных лесосечных рубках на значительных площадях Беловежской пуши (это не просто заповедник, а биосферный заповедник и объект Всемирного наследия ЮНЕСКО). Этим решениям и действиям оказывали сопротивление как активисты на практике (в том числе они приковывали себя к харвестерам), так и научные сотрудники целого ряда исследовательских центров в периодике всех уровней и направлений, включая тех, кто занимает административные должности. Во время приграничного кризиса в той же Беловежской пуше (он все еще продолжается) и сотрудники, и руководство научных центров тоже действуют совместно с активистами. Биологов, экологов, специалистов по охране природы довольно много среди тех, кто протестует против действий польской армии и пограничных служб в заповедном лесу¹.

Библиография

- Федотова А.А., Жарова Е.Ю. Жизнь среди чучел: биография практического зоолога Августуса Шустеруса // Антропологический форум. 2024. № 62. С. 312–346. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-62-312-346.
- Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 213 с.
- Badia-Miró M., Tello E., Valls F., Garrabou R. The Grape Phylloxera Plague as a Natural Experiment: The Upkeep of Vineyards in Catalonia (Spain), 1858–1935 // Australian Economic History Review. 2010. Vol. 50. No. 1. P. 39–61.
- Bar-On Y.M., Phillips R., Milo R. The Biomass Distribution on Earth // PNAS. 2018. Vol. 115. P. 6506–6511. doi: 10.1073/pnas.1711842115.
- Carson R. Silent Spring. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 1962. 400 p.
- De Bont R. Hamster Numbers: Biopolitics and Animal Agency in the Dutch Fields, Circa 1870–Present // History and Philosophy of the Life Sciences. 2021. Vol. 43. No. 2. P. 1–25. doi: 10.1007/s40656-021-00398-3.
- De Waal F. Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are? N.Y.: W.W. Norton, 2016. 352 p.

¹ См., например: [Kowalczyk 2024]. Рафал Ковальчик был директором Института изучения млекопитающих Польской академии наук; см. также фильм Агнешки Холланд (Agnieszka Holland) «Зеленая граница» (*Zielona granica*), Kino Świat, 2023, 147 мин.

- Elhacham E., Ben-Uri L., Grozovski J., Bar-On Y.M., Milo R.* Global Human-made Mass Exceeds All Living Biomass // *Nature*. 2020. Vol. 588. P. 442–444. doi: 10.1038/s41586-020-3010-5.
- Gale G.* Dying on the Vine: How Phylloxera Transformed Wine. Berkeley, CA: University of California Press, 2011. 336 p.
- Hobhouse H.* Seeds of Change: Five Plants That Transformed Mankind. L.: Sidgwick & Jackson, 1985. 245 p.
- Jones S.* Becoming a Pest: Prairie Dog Ecology and the Human Economy in the Euroamerican West // *Environmental History*. 1999. Vol. 22. No. 4. P. 531–552. doi: 10.2307/3985400.
- Kowalczyk R.* Panie Premierze, jak żyć w miejscu, które za chwilę stanie się militarną fortyfikacją? // *Wyborcza.pl*. 2024, 31 maja. <<https://wyborcza.pl/7,162657,31021957,panie-premierze-jak-zyc-w-miejscu-ktore-za-chwile-stanie-sie.html>>.
- Phillips R.C., Phillips W.D. Jr.* Spain's Golden Fleece: Wool Production and the Wool Trade from the Middle Ages to the Nineteenth Century. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1997. 464 p.
- Ramirez J.I., Kuijper D.P.J., Olofsson J., Smit C., Hofmeester T.R., Siewert M.B., Widemo F., Cromsigt J.P.G.M.* Applied Ecology of Fear: A Meta-analysis on the Potential of Facilitating Human-Wildlife Coexistence Through Nonlethal Tools // *Ecological Solutions and Evidence*. 2024. Vol. 5. Article e12322. doi: 10.1002/2688-8319.12322.
- Samojlik T., Fedotova A., Daszkiewicz P., Rotherham I.D.* Białowieża Forest in the Nineteenth Century: Nature and Culture. Cham: Springer, 2020. 223 p.

КАРОЛЬ ФЕРРЕ

(Воз)действуя на животных и вместе с ними

«Поворот» не с нуля

Я начала заниматься отношениями людей и животных в 1988 г., когда работала над магистерской диссертацией по социологии со специализацией в антропологии и сравнительной социологии в Парижском университете Декарта (Париж V). Моим научным руководителем был Раймон Пюжоль, профессор Музея естественной истории (Muséum national d'histoire naturelle). С 1960-х гг. он был одним из столпов французской этнозоологии — того раздела этнологии, который изучает отношения между человеческими обществами, животными и экосистемами, тем самым налаживая связи между гуманитарными и естественными

Кароль Ферре

Лаборатория социальной антропологии, Национальный центр научных исследований / Коллеж де Франс, Париж, Франция
carole.ferret@college-de-france.fr

науками [Chevallier et al. 1988]. Увлеченные своим делом исследователи и студенты периодически собирались на этнозоологическом семинаре Пюжоля в музейном Зале Огюста Шевалье (Salle Chevalier) — чудесной старинной комнате, отделанной деревом и заполненной чучелами животных и банками с хлороформом. Зал Шевалье был очень похож на некоторые залы Кунсткамеры, частой гостьей которой я стала несколько лет спустя, где-то между 1993 и 1996 гг., с той разницей, что зал Шевалье был целиком отведен, как теперь говорят, «не-человеческим животным». Некоторые работы по этнозоологии вдохновлялись фольклором, но большинство из них были посвящены какому-то одному виду животных и анализировали его зоологические характеристики и поведение, чтобы лучше понять практики и представления, связанные с этим животным в том или ином человеческом обществе [Pujol, Laurans 1975; Pujol 1990]. Практики и представления было принято понимать как две стороны одной реальности — концептуальную и материальную [Godelier 1984], которые в целях анализа следовало разграничивать.

Моя магистерская диссертация была посвящена так называемым *hommes de cheval* («лошадникам») — так по-французски называют людей, которые не просто занимаются верховой ездой, но и очень много знают о лошадях и прекрасно умеют с ними справляться. Я изучала разные аспекты многогранных отношений человека и лошади (включая фигуру кентавра), брала интервью у французских профессионалов, любителей лошадей, которые посвятили этому животному всю свою жизнь и все свое время. Сама я тоже занималась верховой ездой, и именно моя любовь к лошадям определила выбор темы.

Тогда никто не говорил об «агентности» (*agency*) животных в современных терминах. К антропоморфизму как к ненаучному подходу относились с подозрением, но это не означало отрицания субъектности и творческих способностей животных или отношения к ним как к вещам [Guillo 2015]. Совсем наоборот! Ни скотоводы, ни наездники, ни те, кто ежедневно работал с животными и поэтому знал все тонкости обращения с ними, ни те редкие исследователи, которых действительно интересовали отношения между людьми и животными, не рассматривали этих живых существ, каждое со своей индивидуальностью, как товары или проводники для символов, пригодные лишь «чтобы кушать» или «чтобы думать» [Леви-Строс 1999: 97], в соответствии с несколько утрированным образом, созданным продолжателями их дела двадцать лет спустя.

Через год Франсуа Сиго — агроном, этнолог и историк сельского хозяйства — пригласил меня сделать доклад об орудиях, которые используют животные, на своем семинаре по техноло-

гии в Высшей школе социальных наук. Он посоветовал мне новые публикации приматологов, а также книги «Американский бобр и его сооружения» (*The American Beaver and His Works*) [Morgan 1868] и «Инструменты живых существ» (*Les outils chez les êtres vivants*) [Tétry 1948]. Да, один из отцов-основателей социальной антропологии Льюис Генри Морган интересовался этимологией и еще в середине XIX в. подробно описал поразительную изобретательность бобров. В книге Андре Тетри, французской исследовательницы-зоолога, приведен перечень инструментов, которые задействуют животные и растения. Их она сравнивает с человеческими инструментами (застежками-молниями, застежками-кнопками и др.), которые используются похожим образом. И это почти за полвека до появления биомимикрии, присвоившей себе эту идею под видом новаторства!

Другими источниками вдохновения для французских социологов и антропологов, интересующихся животными, были работы Андре-Жоржа Одрикура [Haudricourt 1962], Кита Томаса [Thomas 1983] и Робера Делора [Delort 1984]. Еще я ходила на семинары Филиппа Дескола, который обличал заблуждения культурной экологии и ее «изголодавшийся детерминизм» (*starved determinism*) [Descola 1988], но тогда еще не говорил об онтологии или не-человеческих существах. В 1990 г. вышла обзорная книга Жан-Пьера Дигара, моего будущего научного руководителя, «Человек и домашние животные: антропология привязанности» (*L'homme et les animaux domestiques. Anthropologie d'une passion*), где он разрабатывал понятие «системы одомашнивания» (*domesticatory system*) [Digard 1990].

Чтение Одрикура и Томаса воодушевило меня, и я задумала диссертацию о дрессировке лошадей. Меня завораживало, как лошади выучивали то, что французские наездники называют *le langage des aides*, т.е. язык вспомогательных средств — положений рук, ног, распределения веса. Как животное весом триста килограммов или больше пускается галопом от одного легкого нажатия икроножной мышцы «внутренней ноги» наездника?¹ Почему оно поворачивает влево, если наездник слегка переносит вес на левую ягодицу? Ведь нажатие или рас-

¹ Галоп — асимметричный трехтемпный аллюр. Он бывает с правой или с левой ноги, что определяет *внешнюю* и *внутреннюю* стороны тела лошади. При галопе с левой ноги лошадь опирается на землю правой задней ногой (первый темп), затем ставит на землю правую переднюю и левую заднюю ноги одновременно (второй темп), после чего опирается только на переднюю левую ногу (третий темп). Поэтому, когда лошадь двигается галопом, ее тело согнуто, будь то в манеже или в степи. В манеже лошадь должна галопировать с *внутренней ноги*, чтобы сохранить равновесие. Ее внутренняя нога — это правая нога, если она идет по часовой стрелке, потому что она находится на внутренней стороне поворота (и наоборот). Аналогично внутренняя нога всадника — правая, когда вы поворачиваете по часовой стрелке (а левая — если вы идете против часовой стрелки). Чтобы поднять лошадь в галоп с нужной ноги, всадник должен оказывать давление своей внутренней ногой.

пределение веса так тонки и трудноуловимы, что зачастую невидимы для наблюдателя и необязательно осознаются самим наездником. Как заметила историк Джоан Тирск, в Англии 1560-х гг. применение более мягких методов дрессировки лошадей, воздействие на них убеждением, а не силой, более чем на полвека опередило сходный пересмотр вопросов детского воспитания [Thirsk 1978: 18]. Эта идея показалась мне интересной, и я стала сравнивать принципы обращения с природным миром и социальные отношения. Меня интересовали не аналогии между принципами дрессировки и обучения, но те конкретные формы действия, которые непосредственно применялись для дрессировки лошадей или воспитания детей [Ferret 2010a].

Еще одна коперниковская революция?

С 2000 г. в общественных науках происходит так называемый поворот к животным (*animal turn*) или даже анималистический поворот (*animallistic turn*), движение, которое стремится считать животных равными людям. Приверженцы этого направления заявляют о его радикальной новизне, порывая с прошлым и отвергая характерный для западной мысли дуализм природы и культуры. Неиссякаемым источником вдохновения стала вышедшая в 2005 г. книга Филиппа Дескола «По ту сторону природы и культуры» (*Par delà nature et culture*) с ее системой четырех онтологий — анимизмом, натурализмом, аналогизмом и тотемизмом [Дескола 2012 (2005)]. В целом речь шла о коренных изменениях, «коперниковской революции», суть которой — в «децентровке» (смещении перспективы) и отказе от взгляда белого взрослого мужчины с Запада, который долгое время был главенствующим и подавляющим. Взамен предлагалось принять точку зрения угнетенных на другой стороне великого водораздела: представителей коренных народов, женщин, детей, животных, растений, элементов ландшафта или даже вещей. В этом смысле анималистический поворот — лишь один из множества других «поворотов», которые вносят свой вклад в масштабное деколониальное движение в самом широком смысле, направленное на деконструкцию современного проекта. Поэтому тема этого выпуска «Антропологического форума» перекликается с одним из прошлых выпусков, посвященным «поискам детской субъектности» [Форум 2019]. В нынешнем номере статус полноценных субъектов получают животные.

Для животных это будет означать, например, признание того, что они и сами могли выступать инициаторами процесса одомашнивания, поскольку извлекали выгоду из сожительства с людьми. Поэтому точнее было бы говорить о взаимном одомашнивании или даже, в качестве инверсии, о том, что человек не одомашнил животных, а был одомашнен ими.

Я не хочу пускаться в перечисление основных вех и ключевых публикаций анималистического поворота. На эту тему уже вышло несколько обобщающих работ, в частности по-французски. Доминик Гийо [Guillo 2015], Ванесса Мансерон [Manceron 2016] и Элиз Демеленер [Demeulenaere 2017] занимают умеренно нейтральную и сдержанную в плане критики позицию, в то время как некоторые исследователи старшего поколения выглядят непримиримыми, как, например, Жан-Пьер Дигар и Эдуарду Вивейруш де Кастру, выступавшие на парижском коллоквиуме «Поворот к животным в антропологии?» (“An animal turn in anthropology?”) в 2011 г.

С тех пор количество книг, конференций и исследовательских проектов, идущих по стопам анималистического поворота и ратующих за мультимедийную этнографию, выросло в разы. Подход превратился в доксу, и теперь каждый антрополог, исследующий отношения с животными, должен, демонстрируя совершенное согласие, заявить о следовании символу веры. Это тем парадоксальнее, что каждый ученый претендует на разрыв с традицией и оригинальность. В какой-то степени этот обязательный ритуал напоминает мне этнографические работы советского времени, во вступлениях к которым нельзя было обойтись без цитат из Маркса и Ленина. К сожалению, многие научные работы и проекты по мультимедийной этнографии этим и ограничиваются — провозглашают подход в соответствии с «линией партии», но дальше не продвигаются.

Апории мультимедийной этнографии

Чтобы несколько охладить энтузиазм сторонников анималистического подхода, позволю себе высказать ряд соображений. Когда мы говорим о политике, борьба за достоинство угнетенных в целом и животных в частности абсолютно оправдана в силу вопиющего неравенства между народами, социальными классами, гендерными и возрастными группами. Не стоит забывать и о разворачивающейся экологической катастрофе. О правомерности этой борьбы свидетельствуют лишь два примера: удручающие последствия интенсивного промышленного животноводства и стремительное сокращение биоразнообразия. Что же касается науки, то использование мультимедийной этнографии в социальной антропологии куда более спорно.

Во-первых, как я писала выше, утверждать, что прежде ученые совсем не интересовались животными, несправедливо по отношению к более ранним работам. Конечно, исследования, посвященные описанию и анализу сложных отношений между людьми и животными, были в меньшинстве, но все-таки они были. Полностью отречься от прошлого, очернять своих пред-

шественников и изображать из себя революционеров — ход простой и заманчивый, но с научной точки зрения не слишком корректный.

Во-вторых, если пытаться отбросить западный дуализм и посмотреть на мир с иной, не человеческой точки зрения, странно делить весь существующий мир лишь на две категории: с одной стороны, «люди», а с другой, «не-люди», причем во второй категории все виды живых существ и неживых вещей слипаются в общую неоднородную массу. На самом деле такая категоризация имеет все признаки гипертрофированных дуализма и антропоцентризма.

В-третьих, не имеет смысла противопоставлять, с одной стороны, западный мир с единой натуралистической онтологией на всех, в своих действиях по отношению к животным следующий «картезианской» трактовке животных как живых машин (трактовке, не соответствующей мышлению Декарта, которое окарикатурили и опошлили [Cottingham 1978]), и, с другой стороны, далекий экзотический мир счастливых обладателей анимистской онтологии, которые живут в гармонии с природой и уважают всех живых существ как равных себе. Ни «мы», ни «они» не похожи на этот сказочный образ.

В частности, мало общего с той картиной, которую в последнее время создают некоторые англоязычные антропологи, имеет Сибирь, в которой я провела несколько лет. В антропологических исследованиях постсоветского мира поворот к животным гораздо лучше утвердился среди сибиреведов, чем среди специалистов по Центральной Азии, поскольку для Центральной Азии предположительно характерен аналогизм, а для Сибири — анимизм. Однако те пастухи, с которыми я работала, будь то саха (якуты) или казахи, считают нелепой саму идею, что они и их стада образуют «гибридные сообщества». Сама Роберта Амайон недовольна тем, как порой интерпретируют ее работу о сибирском шаманизме [Намайон 1990]. Не впадают ли некоторые студенты и исследователи, пытаясь избежать антропоцентризма, в этноцентризм, когда видят других такими, какими, с их точки зрения, те должны быть, в соответствии с идеологией, характерной для постмодернистской теории начала XXI в.?

В-четвертых, отстаиваемый Бруно Латуром принцип симметрии (если следовать ему строго) отрицает отношения доминирования между видами, и есть риск, что тем самым он делает невидимыми отношения власти [Латур 2006; 2020]. Как заметила Ванесса Мансерон, если симметрия предполагает отказ от реляционного понимания социальных отношений, иерархии или конфликтов, то антропология многое потеряет [Manceron 2016] (см. также: [Grossetti 2007]). И вновь осмелимся вспомнить

Маркса, который утверждал, что чудовищная эффективность капитализма заключается в его способности скрывать эксплуатацию рабочих. К примеру, идея говорить «ехать вместе с лошадью» вместо «ехать на лошади» [Argent 2012: 125] — это не что иное, как побег от реальности и игнорирование реальных положений тел всадника и лошади, на физическом уровне выражающих асимметрию их отношений. Да, всадник и лошадь — партнеры, которые воздействуют друг на друга, и поэтому их отношения взаимны, но не симметричны [Ferret 2010a].

В-пятых, в антропологии такое повышенное внимание к животным похвально, учитывая их значительную роль в истории и функционировании человеческих обществ. Однако этнография не-человеческих животных ставит неразрешимые исследовательские вопросы. Так, если вслед за Максом Вебером мы полагаем, что социальная антропология, как и социология, — это понимающая социальная наука [Вебер 2016 (1921): 75–76], что ее интересует смысл, который люди вкладывают в свои действия, и что она принимает их объяснения этих действий всерьез, то как при «молчании зверей» нам постичь субъектность животного [Fontenay 1998]? Одной из главных составляющих этнографического метода являются особые отношения со-беседования, которые этнограф устанавливает со своими информантами. Как вступить в беседу с животным? С этой проблемой сталкиваются и историки, которые собираются писать историю с точки зрения животных [Baratay 2015], но фактически перенимают точку зрения людей [Shaw 2013].

В-шестых, желание уравнивать людей и не-людей как объекты для изучения означает, что, возможно, вкупе с возрастающим уважением к животным и все усложняющейся оптикой исследования их обществ и культур мы столкнемся с уменьшающимся уважением к человеку и упрощенным подходом по отношению к человеческим обществам и культурам, тем самым повторяя ошибки бихевиоризма. Этот аргумент связан с предыдущим: натуралистам, например этологам, которые изучают живых существ, не имея с ними общего языка, не так-то просто понять мотивы их действий. В социальных науках этот риск уже стал реальностью: когда понятие *действия* (*action*) заменили *агентностью* (*agency*), она распространилась на весь живой и неживой мир, незаметно превращаясь в синоним *существования* и таким образом становясь концептуально беднее, поскольку *агентность* не учитывает интенциональность акторов.

(Воз)действия на... и вместе с...

Хотя все эти трудности требуют от антропологов осмотрительности, отказываться от исследования животных не стоит.

Вполне возможно не впадать в крайности: признавать самостоятельность животных и в то же время изучать их отношения с людьми с человеческой точки зрения. По правде говоря, с обеими этими задачами прекрасно справляются скотоводы, которые живут с животными, питаются за их счет, ухаживают за ними и забивают их, или же охотники, признающие хитрость добычи, которую выслеживают. Или, например, саха (якуты), которые одновременно любят лошадей, едят их мясо и не видят в этом противоречия [Ferret 2010b].

Если в антропологических исследованиях отношений человека и животных мы будем смотреть не на онтологию, а на практики, перед нами откроется множество возможностей. В связи с этим стоит отметить, что когда Филипп Дескола уделяет преимущественное внимание формам идентификации, а не формам отношений [Дескола 2012: 152–156], он порывает как с собственными ранними работами, так и со значительной частью социальных исследований. Есть и другой вариант: сосредоточиться не на том, что живые существа *собой представляют* или что с их точки зрения представляют собой другие, но на том, что они *делают*. Этот путь наметил Одрикур, когда в обращении с животными и растениями предлагал различать два архетипа действия — позитивное прямое vs негативное косвенное, хотя его лапидарный текст и не разграничивает четко практики и представления [Haudricourt 1962].

Говоря о разных способах обращения с животными в целом и дрессировке лошадей в частности, принято противопоставлять две формы действия: мягкую — посредством убеждения, грубую — посредством принуждения. Точно так же, когда дело касается животноводов, принято противопоставлять тех, кто эксплуатирует животных как вещи, и тех, кто сотрудничает с ними, считая их самостоятельными живыми существами. Такое сотрудничество очевидно в случае животных-помощников, например овчарок или рабочих лошадей, которые помогают следить за скотом. А некоторые авторы, соглашаясь с предложением Жоселин Порше расширить понятие «труда животных» (*animal labor*) [Porcher 2014], готовы рассматривать в этом ключе всех сельскохозяйственных животных.

Порой читатели Одрикура склонны отождествлять выделенные им архетипы действия и вышеописанные манеры поведения: предполагается, что позитивное прямое действие — это грубое действие, а негативное косвенное, напротив, мягкое. Или, говоря простыми словами, взаимодействующие с животными люди делятся на «хороших малых» и «плохих малых». Ученые, конечно, оперируют более научными терминами, но зачастую речь идет о том же самом. И эти различия в отношении к жи-

вотным и обращении с ними объясняются различиями в статусе, который им присваивается: на тех, кто рассматривается как субъект в «эмпатическом режиме взаимодействия», действуют убеждением; на тех, кто понимается как объект в «объективирующем» или «отстраненном режиме взаимодействия», — принуждением [Rémy 2016]. Иными словами, люди будут *воздействовать на* животных, если считают их объектами, и будут *действовать вместе с* ними, если рассматривают их как субъектов.

Подобные способы анализа, в которые откровенно или неявно вшиты ценностные суждения, научно не вполне состоятельны. Более того, они дают неверное представление о реальности, которая сложнее. Во время исследования дрессировки лошадей в Центральной Азии и Сибири я обнаружила формальный критерий, связанный с темпоральностью действий, который показался мне более значимым, чем простое ценностное противопоставление мягких и грубых приемов.

В Республике Саха (Якутия) дрессировка связана с нарушением непрерывности, с разрывом, когда взрослая лошадь в считанные дни переходит из табуна, где она жила на свободном выпасе, вдали от людей, на службу к человеку. В Центральной Азии какого-то четкого момента, который ассоциировался бы с дрессировкой, нет: она состоит в постепенном привыкании жеребят, которых приучают к рукам и до доения кобыл привязывают, на которых без седла катаются дети. Все это долгий процесс. Однако две эти темпоральности не предполагают, что в Центральной Азии поступают с лошадьми более мягко, а в Якутии более жестоко.

В целом я поняла, что прерывистость человеческих действий (не только во время дрессировки, но и для кормления и ухода, которые происходят нерегулярно) — главная особенность якутского коневодства. Эта темпоральная неоднородность и прерывистость тем не менее нетипична ни для других видов якутского животноводства (так, выпас оленей и особенно уход за крупным рогатым скотом требуют ежедневных непрерывных действий), ни для животноводства Внутренней Азии (выпас мелкого рогатого скота, овец и коз также предполагает непрерывный присмотр).

Если при анализе способов действия обращать внимание на нюансы жестов, можно выявить и другие критерии, которые уточняют и усложняют наше понимание того, как эти способы действия вообще работают (так, действие бывает внешним, пассивным, противоположным намерению, соучаствующим и др.; см.: [Ferret 2012; 2014]). В частности, стоит различать действия-операции, когда я *делаю что-то (faire)*, и действия-

манипуляции, когда я заставляю кого-то что-то делать (*faire faire*), подразумевающие, что действие делегируется. Пастух гонит стадо, наездник останавливает лошадь, доярка уговаривает корову дать молоко — все они совершают действия-манипуляции. Пастух подгоняет стадо не физической силой, которая заставила бы животных двинуться, как если бы он передвигал мебель, но побуждает стадо тронуться положением своего тела, своими движениями, криками, жестами. Так что вместо «пастух гонит стадо» точнее было бы говорить «пастух заставляя стадо идти вперед». То же самое касается наездника. Случай с дояркой более спорный. Но то, что во Внутренней Азии пастухи используют подсосный метод доения, подводя к кормящим кобылам или коровам их жеребят или телят и побуждая их таким образом давать молоко, свидетельствует о том, что доение тоже манипуляция. Пастух, наездник, доярка — все они прекрасно понимают, что имеют дело с живыми существами, а не с бездушными вещами, и знают, как из способности этих животных к действию извлечь выгоду.

Манипулирование живым существом, умение заставить его что-то сделать предполагает, что это существо одновременно и объект, на который направлены наши действия, и субъект собственных действий. Это означает, что мы одновременно воздействуем на животное и действуем вместе с ним. Таким образом, нет нужды выстраивать строгую дихотомию «объектов» и «субъектов» на уровне онтологии, которая бы разграничивала эти два класса сущностей «несводимым образом». Но мы должны определять «субъекты» и «объекты» на уровне грамматики — учитывая нюансы каждого совершаемого действия, потому что каждое существо в ходе разнообразной деятельности, в которой участвует, способно быть, последовательно или одновременно, субъектом и объектом.

Я называю этот подход «антропологией действия» (*anthropology of action*), и он совмещает сугубо антропоцентричную точку зрения, необходимую для наук о человеке, с вниманием к жизни животных и их самостоятельности. На мой взгляд, для антропологического анализа насыщенных и сложных отношений, которые существуют между людьми и животными, он может быть весьма плодотворным.

Библиография

- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. / Пер., общ. ред. Л.Г. Ионина. М.: ИД ВШЭ, 2016. Т. 1: Социология. 445 с.
- Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / Пер. О. Смолицкой, С. Рындина. М.: НЛО, 2012. 584 с.

- Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. Д.Я. Калугина; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.
- Латур Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / Пер. И. Полонской; науч. ред. С. Гавриленко. М.: ИД ВШЭ, 2020. 384 с.
- Леви-Строс К.* Тотемизм сегодня // Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст., примеч. А. Островского. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика, 1999. С. 37–110.
- Форум: В поисках детской субъектности // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 9–106. doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-42-9-106.
- Argent G.* Toward a Privileging of the Nonverbal Communication, Corporeal Synchrony, and Transcendence in Humans and Horses // Smith J.A., Mitchell R.W. (eds.). *Experiencing Animal Minds: An Anthology of Animal-Human Encounters*. N.Y.: Columbia University Press, 2012. P. 111–128.
- Baratay É.* Buiding an Animal History // Mackensie L., Posthumus S. (eds.). *French Thinking about Animals*. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2015. P. 3–14.
- Chevallier D., Langlois C., Pujol R.* A propos d'ethnozoologie // Terrain. Anthropologie et sciences humaines. 1988. No. 10. P. 108–112. doi: 10.4000/terrain.2935.
- Cottingham J.* “A Brute to the Brutes?” Descartes' Treatment of Animals // *Philosophy*. 1978. Vol. 53. No. 206. P. 551–559.
- Delort R.* Les animaux ont une histoire. P.: Seuil, 1984. 397 p.
- Demeulenaere É.* L'anthropologie au-delà de l'anthropos. Un récit par les marges de la discipline // Blanc G., Demeulenaere É., Feuerhahn W. (dirs.). *Humanités environnementales. Enquêtes et contre-enquêtes*. P.: Éditions de la Sorbonne, 2017. P. 43–73.
- Descola P.* Le déterminisme famélique // Cadoret A. (dir.). *Chasser le naturel...* P.: Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales, 1988. P. 121–136.
- Digard J.-P.* L'homme et les animaux domestiques: anthropologie d'une passion. P.: Fayard, 1990. 325 p.
- Ferret C.* Éducation des enfants et dressage des chevaux. Des analogies aux modes d'action // Aigle D., Charleux I., Goossaert V., Hamayon R. (dirs.). *Miscellanea Asiatica: Mélanges en l'honneur de Françoise Aubin / Festschrift in Honour of Françoise Aubin*. St Augustin: Steyler Verlag; Institut Monumenta Serica, 2010a. P. 141–172.
- Ferret C.* Hippophiles et hippophages // *Anthropozoologica*. 2010b. Vol. 45. No. 1. P. 115–135. doi: 10.5252/az2010n1a8.
- Ferret C.* Vers une anthropologie de l'action: André-Georges Haudricourt et l'efficacité technique // *L'Homme. Revue française d'anthropologie*. 2012. No. 202. P. 113–139. doi: 10.4000/lhomme.23041.
- Ferret C.* Towards an Anthropology of Action: From Pastoral Techniques to Modes of Action // *Journal of Material Culture*. 2014. Vol. 19. No. 3. P. 279–302. doi: 10.1177/1359183514540065.
- Fontenay É de.* Le silence des bêtes. La philosophie à l'épreuve de l'animalité. P.: Fayard, 1998. 784 p.

- Godelier M.* L'idéal et le matériel: pensée, économies, sociétés. P.: Fayard, 1984. 348 p.
- Grossetti M.* Les limites de la symétrie. À propos de l'ouvrage de Bruno Latour 'Changer de société. Refaire de la Sociologie', Paris: La Découverte, 2006 // *SociologieS*. 2007. <<http://journals.openedition.org/sociologies/712>>.
- Guillo D.* What Is the Place of Animals in the Social Sciences? // *Revue française de sociologie*. 2015. Vol. 56. No. 1. P. 135–163.
- Hamayon R.* La chasse à l'âme: esquisse d'une théorie du chamanisme sibérien. Nanterre: Société d'ethnologie, 1990. 878 p.
- Haudricourt A.-G.* Domestication des animaux, culture des plantes et traitement d'autrui // *L'Homme. Revue française d'anthropologie*. 1962. No. 2. P. 40–50.
- Manceron V.* Exil ou agentivité? Ce que l'anthropologie fabrique avec les animaux // *L'Année sociologique*. 2016. Vol. 66. No. 2. P. 279–298.
- Morgan L.H.* The American Beaver and His Works. Philadelphia, PA: J.B. Lippincott and Cie, 1868. 330 p.
- Porcher J.* The Work of Animals: A Challenge for Social Sciences // *Humanimalia — Journal of Human/Animal Interface Studies*. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 1–9. doi: 10.52537/humanimalia.9925.
- Pujol R.* Liste des mémoires d'ethnozoologie présentés au laboratoire d'ethnologie-biogéographie du Muséum national d'Histoire naturelle de 1985 à 1988 // *Anthropozoologica*. 1990. No. 12. P. 38–41.
- Pujol R., Laurans R.* L'Homme et l'animal: premier colloque d'ethnozoologie. P.: Institut international d'ethnoscience, 1975. 644 p.
- Rémy C.* Agir avec l'animal. Pour une approche ethnographique des relations hybrides // *L'Année sociologique*. 2016. Vol. 66. No. 2. P. 299–318.
- Shaw D. G.* The Torturer's Horse: Agency and Animals in History // *History and Theory*. 2013. Vol. 52. No. 4. P. 146–167. doi: 10.1111/hith.10691.
- Tétry A.* Les outils chez les êtres vivants. P.: Gallimard, 1948. 345 p.
- Thirsk J.* Horses in Early Modern England: For Service, for Pleasure, for Power. Reading: University of Reading, 1978. 28 p.
- Thomas K.* Man and the Natural World: Changing Attitudes in England, 1500–1800. L.: Allen Lane, 1983. 425 p.

Пер. с англ. Александры Захаровой

ЯН ХЕЛЬФАНТ

Согласно последнему докладу Межправительственной научно-политической платформы по биоразнообразию и экосистемным услугам при ООН (IPBES), «глобальные темпы вымирания видов уже минимум в десятки-сотни раз превышают средние показатели последних десяти миллионов лет и продолжают расти» [Brondízio et al. 2019: XXVIII]. Среди представителей животного

мира, которые находятся в наибольшей опасности, — амфибии, под угрозой исчезновения около трети рептилий и млекопитающих; напротив, птицы и костные рыбы, несмотря на резкое сокращение их численности, отличаются более высокой устойчивостью.

Для всех, кто занимается изучением взаимоотношений человека и животных, это разворачивающееся на наших глазах шестое массовое вымирание видов означает невиданный для научной деятельности вызов [Kolbert 2014]. Да, нести бремя свидетельства необходимо, однако дать голос флоре и фауне, находящимся под угрозой исчезновения, — задача невероятно сложная. Независимо от того, говорим ли мы об истории прошлого или же о нынешнем кризисе, Антропоцен подавляет, если не вовсе перечеркивает наши попытки концептуализировать, теоретизировать и излагать какую-то позицию от имени бесчисленных не-человеческих существ, с которыми мы делим Землю.

Как отмечает Эрика Фадж, человеческие попытки интерпретировать и описывать мир и собственно жизненный опыт животных (не говоря уже об опыте растений, например деревьев, или представителей других царств, таких как грибы) разделяет глубокая пропасть. «Единственные свидетельства, доступные историку в любой области, — это свидетельства, написанные или произнесенные людьми», — считает Фадж [Fudge 2002: 5]. Поэтому любая история животных на самом деле «история отношения человека к животным» [Fudge 2002: 6]. Эта очевидная истина лежит в основе исследований человека и животных и, пожалуй, помогает объяснить, почему многие из тех, кто в них вовлечен, в научной работе выдвигают на первый план собственную точку зрения и личные этические позиции. В самых крайних случаях ученые, занимающиеся критическими исследованиями животных, берут на себя роль защитников не-человеческих существ, например подчеркивая моральные и экологические издержки промышленного сельского хозяйства и оспаривая необходимость использования животных в медицинских экспериментах. И порой на первый план в таких исследованиях выходят действия, предпринимаемые авторами в интересах эксплуатируемых животных.

Я не антрополог. К изучению отношений человека и других животных я пришел окольными путями — через культурологию, гендерные исследования, а затем экокритику. Все эти области объединяет открытость к междисциплинарным и даже трансдисциплинарным исследованиям. Более того, как уже говорилось, специалисты по изучению человека и животных склонны признавать роль субъективности в нашей работе. Встретить в научной статье упоминание о домашних животных

автора или виньетку о путешествии в глушь — в порядке вещей. Один из самых ярких примеров — эссе австралийского феминистского философа Вэл Пламвуд «О человеческой уязвимости и опыте обнаружения себя добычей» (*Human Vulnerability and the Experience of Being Prey*) [Пламвуд 2017]. Пламвуд подробно описывает пережитую ею травму, когда ее чуть не сожрал морской крокодил, и использует это испытание как возможность проанализировать околосмертный опыт, присвоенный культурой в соответствии с алгоритмами сенсационности и сексуализации. Она говорит и о своем новообретенном понимании человеческой смертности. Крокодил же остается непостижимой загадкой: символическим воплощением неумолимой случайности, которая присуща жизни и смерти тех, кто становится добычей (*prey species*).

Недавно я занимался вопросом необычайной значимости волков в дореволюционной России. Просматривая самые разные литературные произведения, мемуары, медицинские трактаты, законодательные акты, произведения живописи и другие образцы человеческой культурной продукции в России XIX в., я постепенно понял, что волки постоянно возникают в самых разных источниках и что их появление весьма многозначно. Книга построена вокруг идеи, что волки выступают своего рода «психическим узлом» основных социальных, экономических и культурных тревог и классовых напряжений, характерных для поздней имперской России. Чтобы это показать, я прибегаю к литературоведческим инструментам — риторическому анализу и отслеживанию текстовых стратегий, а также использую подходы из истории, антропологии, биоэкологии и других дисциплин. Волки оказались неотъемлемой частью «культурного самоопределения, осмысления и представления» России [Хельфант 2023: 230].

И все же, хотя работу над книгой я закончил, сами волки царской России, подобно крокодилу Пламвуд, остаются для меня непостижимой загадкой. Как отметил Джон Бёрджер в известном эссе 1977 г. «Зачем смотреть на животных?» (*Why Look at Animals?*), люди и не-человеческие животные обмениваются взглядами «через пропасть непонимания» [Бёрджер 2017]. Один из основных мотивов моей книги — те моменты, когда человеческий взгляд встречается со взглядом волка (инфернального, непокорного или отчаявшегося, но всегда лишённого способности общаться на человеческом языке и потому немомого). Мы, люди, можем использовать наши меняющиеся эпистемологии, чтобы постичь и расширить наши толкования не-человеческих существ, с которыми мы соседствуем, но наш интерпретирующий взгляд неизбежно ограничен нашей субъектностью. Тем не менее признание и уважение субъектности и агентности

не-человеческих животных, о чем так тонко рассуждал Жак Деррида, описывая длительный обмен взглядами с домашней кошкой [Derrida 2008], — это первый шаг на долгом пути преодоления тех межвидовых барьеров, которые позволяют нам не замечать или преуменьшать нашу этическую ответственность.

Библиография

- Бёрджер Д. Зачем смотреть на животных? Наблюдение за животными, как способ понять первоисточник человеческой души / Пер. А. Асланян. М.: Ad Marginem, 2017. 160 с.
- Пламвуд В. О человеческой уязвимости и опыте обнаружения себя добычей. Спасение как философия: гендерные теории в применении к способу жизни / Пер. с англ. // Гефтер. 2017, 24 марта. <<https://gefeter.ru/archive/21635>>.
- Хельфант Я. Этот дикий взгляд. Волки в русском восприятии XIX века / Пер. А.В. Волкова. Бостон: Библиороссика; Academic Studies Press, 2023. 252 с.
- Brondízio E.S., Settle J., Díaz S., Ngo H.T. (eds.). Global Assessment Report of the Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services. Bonn: IPBES Secretariat, 2019. 1148 p.
- Derrida J. The Animal That Therefore I Am / Trans. by D. Wills. N.Y.: Fordham University Press, 2008. 176 p.
- Fudge E. A Left-Handed Blow: Writing the History of Animals // Rothfels N. (ed.). Representing Animals. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2002. P. 3–18.
- Kolbert E. The Sixth Extinction: An Unnatural History. N.Y.: Picador, 2014. XIII+319 p.

Пер. с англ. Марию Пироговской

МАРК ХЕРСИ

1

Поскольку я занимаюсь историей окружающей среды и особенно интересуюсь сельской историей и историей сельского хозяйства, разумеется, животные всегда занимали особое место в моих исследованиях. Я писал про домашний скот, насекомых и диких зверей, потому что они были важны для тех, кого я изучал. Повседневная жизнь в деревнях американского Юга большую часть своей истории предполагала глубокую близость с животными, которая начиналась с пресловутого крика петуха по утрам. Правда, поначалу я не писал о животных с тем вниманием, какое принято в *animal studies*, как и большинство историков в те дни.

Марк Д. Херси
Университет штата Миссисипи,
Старквилл, США
mhersey@history.msstate.edu

Со временем в экологическую историю все чаще проникали идеи и находки, сделанные в области исследований животных (*animal studies*). Благодаря этому растущее сообщество историков животных отвоевывало себе внутри дисциплины отдельную нишу. Например, на ежегодных собраниях Американского общества истории окружающей среды (*American Society for Environmental History*) историки животных теперь встречаются за завтраком, подобно представителям других профессиональных групп: специалистам по связям войн и окружающей среды, историкам природы и технологий (*envirotech*) и т.п. А то, что многие историки животных могут прекрасно себя чувствовать на завтраках для других групп, говорит о том, сколь разнообразны пересечения истории животных с экологической историей. Тем не менее запуск нового журнала “*Animal History*” свидетельствует о том, что история животных едва ли может быть сведена к последней. Многие ученые, не считающие себя историками окружающей среды (историки сельского хозяйства, науки и технологий, городов, гендера и др.), вполне спокойно готовы причислить свои исследования к истории животных. Поэтому журнал “*Animal History*” сознательно стремится наладить прочные связи с более широкой областью *animal studies*¹.

Усиливающийся интерес к животным привел к тому, что в истории окружающей среды появились новые методологии (пожалуй, *более-чем-человеческая история* — наиболее известная из них). Ему мы обязаны и более тесными взаимосвязями с другими областями исторического знания, в том числе с историей науки, поскольку в ней обсуждается понятие «вида» и исследуются разные способы, посредством которых мы узнали то, что якобы знаем о дикой природе. Эти новые веяния не вытеснили прежние темы и методы — животные, как и прежде, рассматриваются как объекты эксплуатации, показатели экологичности, как «техника», необходимая для сельской и городской жизни, переносчики заболеваний, неотъемлемые составляющие локальных культур питания и попутчики в истории эволюции².

¹ Больше о журнале см.: <<https://online.ucpress.edu/ah/pages/About>>.

² См. призыв использовать более-чем-человеческий подход в истории окружающей среды в [O’Gorman, Gaynor 2020]. Литература по истории науки и технологий слишком обширна, чтобы ее можно было должным образом осветить, но как показательные примеры см.: [Barrow 2009; Benson 2010; Jacobs 2016]. История эволюции, которая связана с историей науки (даже если она исходит из совсем других предпосылок), позволяет существенно расширить эти рамки. См., например: [Russell 2018]. Животные стали изучаться в рамках истории окружающей среды с тех пор, как в 1970-е она выделилась в отдельную историческую субдисциплину и обеспечила доброжелательную аудиторию для таких ученых, как Харриет Ритво, которая впоследствии стала президентом Американского общества истории окружающей среды (2009–2011). Работы Ритво оказали глубокое влияние на сближение экологической истории и исследований животных [Ritvo 1987; 1997].

Поскольку история окружающей среды рассматривает взаимоотношения человека и не-человеческих существ во времени и в мировом пространстве, перечень животных, которые фигурируют в этих исследованиях, невероятно широк: от комаров до слонов, от морских коньков до шотландских лошадей-тяжеловозов породы клейдесдал, от свиней до пикши. Тем не менее остаются огромные пробелы. Даже ученые, которые занимаются такими хорошо изученными животными, как белохвостый олень, часто вынуждены собирать их историю по крохам из множества исторических свидетельств, по большей части посвященных небольшим группам людей (будь то охотники или экологи) в четко очерченном регионе (иногда это страна, но чаще что-то более компактное — штат или даже заповедник). И все равно животные часто если не остаются совсем на вторых ролях, то рассматриваются преимущественно как показатель чего-то другого, способ подчеркнуть успех или провал природоохранной деятельности, показать сдвиг в научных представлениях или описать то или иное проявление социального неравенства. Короче говоря, для синтеза есть большой простор.

2

На мой взгляд, главная задача мультивидовой этнографии состоит в том, чтобы создать *более смиренную науку* (*humbler scholarship*), выходящую за рамки того мышления, которое историк Дональд Уорстер отверг как культурный детерминизм — когда человек существует словно бестелесный разум, сформированный каким-то набором ценностей (религиозных, экономических, политических, этических, подставьте нужное), которые наделяют смыслом окружающий его мир¹. Это, конечно, проще сказать, чем сделать. Проще снова прибегнуть к тем риторическим фигурам, в которых животные (и прочий более-чем-человеческий мир) предстают лишь как декорации, метафора или зеркало для человеческих обществ. Таким образом, главная задача распадается на две части: во-первых, нужно уловить все перипетии отношений между людьми и другими видами, не антропоморфизировав последних; и во-вторых, делать это, не скатываясь к жаргону, который отпугивает аудиторию и снижает эффективность научных исследований (пусть посвященные и приветствуют их понимающими кивками).

Конечно, преодолеть эти сложности можно только в рамках междисциплинарного проекта, что признавали основоположники как экологической истории, так и *animal studies* и с чем, полагаю, охотно согласится и большинство читателей «Форума». Однако это создает еще одну проблему, и не только потому что

¹ Несмотря на то что вся область экологической истории исходит из этих предпосылок, никто из основателей субдисциплины не настаивал на них сильнее, чем Дональд Уорстер. См., например: [Worster 1988; 1990].

научные методологии часто разительно отличаются. Возьмем лишь одну сложность: мало кто из ученых может утверждать, что в курсе исследований за пределами своей дисциплины. И еще меньше тех, кто действительно в курсе. И это вполне объяснимо, если учесть множество обязанностей по преподаванию, административную нагрузку, заявки на гранты и необходимость вкладываться в профессию (зачастую в сложной институциональной среде), не говоря уже о житейских заботах.

3

Простого способа исследовать социальный мир, который включает людей, но не ограничивается ими, не существует. Наверное, это неизбежно, что мы лучше замечаем внутренние проблемы такого подхода, чем находим для них эффективные решения. Это не значит, что хороших примеров нет, но многие из них стали популярны благодаря поэтичности повествования, а не потому, что им удалось разработать воспроизводимую методологию¹. Тем не менее, возможно, само осознание проблемы и дает своего рода решение: смиренно признать, что люди живут не в одиночку, что они — нечто большее, чем тот культурный багаж, который они несут, что они не существуют в мире горнем, отделенном от дольного, материального и что (по крайней мере в этом смысле) они тоже «более-чем-человек».

Но даже тут есть свои трудности. Взять хоть самое элементарное: мысль, что наука может «дать голос» более-чем-человеческим существам, отдает той же манией величия, которую стремится искоренить, так как не только подразумевает антропоморфизацию не-человеческих существ, но и наделяет человека правом говорить за них. Это также указывает на противоречивость активистского извода многих исследований животных (а также активистского извода истории окружающей среды). Несложно понять, что имеют в виду активисты, когда «говорят» от лица природы, чтобы удержать человеческие экономические системы и общества от ее безумной эксплуатации, но это едва ли похоже на научные занятия, которые вроде бы нацелены на разработку концепций и методов интерпретации, позволяющих нам лучше понимать животных во взаимосвязи с человеческим обществом (и наоборот).

Идея «дать голос» животным давно служит мощным риторическим инструментом для тех, кто стремится наладить более этичные отношения с более-чем-человеческим миром. Эколог и писатель Олдо Леопольд, оказавший большое влияние на американское природоохранное движение, начал свою классическую книгу «Календарь песчаного графства» (*A Sand County*

¹ Некоторые наиболее успешные примеры можно найти среди исследований, посвященных не животным, а другим существам. См., например: [Kimmerer 2015; Tsing 2015].

Almanac, 1949) с истории о январском таянии снега. В первой главе книги Леопольд так описывает луговую полевку: «Эта мышка — добропорядочная гражданка своего мирка и твердо знает, что трава растет для того, чтобы полевки собирали ее в стожки, а снег выпадает, чтобы полевки сооружали укромные пути от стожка к стожку» [Леопольд 1980: 16]. А о мохноногом канюке, в свою очередь, он пишет: «О том, для чего растет трава, у канюка своего мнения нет, зато он прекрасно знает, что снег тает для того, чтобы канюки снова могли ловить полевок» [Леопольд 1980: 16]. Как риторический прием это невероятно мощная форма описания, приглашающая читателей вообразить себя в роли полевки или канюка (и на время забыть о своем человеческом естестве) и знакомящая их с концепцией пищевых взаимозависимостей, фундаментальной для той «этики природы», к которой автор призывает в конце книги. Однако как инструмент понимания мыши-полевки или мохноногого канюка этот способ описания куда менее полезен, с чем, будучи экологом, несомненно, согласился бы и сам Леопольд¹.

Я не уверен, что какая-либо методология способна разрешить это противоречие. Я не уверен, что это противоречие нуждается в разрешении. Но, разумеется, ученые должны заниматься своими исследованиями со смирением, порожденным осознанием того, что это противоречие существует.

4

Я бы точно оказался не в своей тарелке, если бы стал углубляться в российскую историографию, не говоря уже об исследованиях животных в любой части мира, далекой от моих исследовательских интересов. Но как редактор журнала “*Environmental History*” я имел дело с несколькими впечатляющими работами о животных в России (и шире, в странах бывшего Советского Союза). Если они отражают общую картину, то в этой области существует множество замечательных исследований дикой природы (от рыб до птиц), которые затрагивают такие разные темы, как популяционная экология и аристократическая охота.

5

Я не знаю, возможно ли и стоит ли разделять науку и политический активизм в исследованиях отношений между человеком и животными. Исследовательские вопросы, которые интересуют ученых, неразрывно связаны с их мировоззрением, которое определяет их политическую активность и заставляет задавать ее в академическом контексте в первую очередь теми вопро-

¹ См.: [Leopold 2020: 4]. Аффективный заряд антропоморфизации животных имеет долгую традицию в литературе об окружающей среде. Рейчел Карсон, еще один американский эколог, оставившая значительное наследие, признавала проблематичность эмоциональной антропоморфизации. Она прямо писала: «Например, я говорила о рыбе, “боящейся” своих врагов, не потому что я предполагала, будто рыба испытывает страх так же, как мы, но потому что я думала, что *она ведет себя таким образом, как если бы она была напугана*» [Lockwood 2012: 124; курсив в оригинале].

сами, на которые они не смогли сразу найти ответы. Более того, ответы на эти вопросы часто имеют политический подтекст. Но соединение науки и политического активизма — это не то же самое, что их *смешение*. Проблематично именно последнее. Если мы (как ученые) станем требовать меньше доказательств от тех, с кем мы согласны, мы лишь усилим растущие разногласия внутри и так раздираемых противоречиями политических ландшафтов тех стран, в которых многие из нас работают.

Хуже того, проповедуя в пузыре из единомышленников, которые будут поддерживать наши не вполне убедительные построения лишь потому, что разделяют их активистский посыл, мы навредим собственным активистским целям. Наше поколение далеко не первое, которое столкнулось с этой проблемой. В президентском обращении к Американской исторической ассоциации (American Historical Association) 1931 г. Карл Лотус Беккер предостерегал своих коллег-историков от проведения «исследований, ценных не самих по себе, но для какой-то потаенной цели». Историки, настаивал он, могут ругать «мистера Обывателя» за то, что он «не читает наших книг», но это проблема историков, а не читателей. «История, которая прозябает в непрочитанных книгах, — напоминал он коллегам, — не приносит миру пользы» [Becker 1932: 234]. Безусловно, эти слова применимы как к исследованиям, изучающим переплетения отношений человека и животных, так и к истории, и сейчас так же актуальны, как и прежде.

Библиография

- Леопольд О. Календарь песчаного графства / Пер. И.Г. Гуровой; под ред. и с предисл. А.Г. Банникова. М.: Мир, 1980. 216 с.
- Barrow M. *Nature's Ghosts: Confronting Extinction from the Age of Jefferson to the Age of Ecology*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2009. 497 p.
- Becker C. Every Man His Own Historian // *American Historical Review*. 1932. Vol. 37. No. 2. P. 221–236.
- Benson E. *Wired Wilderness: Technologies of Tracking and the Making of Modern Wildlife*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2010. 264 p.
- Jacobs N.J. *Birders of Africa: History of a Network*. New Haven, CT: Yale University Press, 2016. XIII+325 pp.
- Kimmerer R.W. *Braiding Sweetgrass: Indigenous Wisdom, Scientific Knowledge, and the Teachings of Plants*. Minneapolis, MN: Milkweed Editions, 2015. 408 p.
- Leopold A. *A Sand County Almanac and Sketches Here and There*. N.Y.: Oxford University Press, 2020 [1949]. 240 p.
- Lockwood A. The Affective Legacy of “Silent Spring” // *Environmental Humanities*. 2012. No. 1. P. 123–140. doi: 10.1215/22011919-3610003.

- O'Gorman E., Gaynor A.* More-than-Human Histories // *Environmental History*. 2020. Vol. 25. No. 4. P. 711–735. doi: 10.1093/envhis/ema027.
- Ritvo H.* *The Animal Estate: The English and Other Creatures in the Victorian Age*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 368 p.
- Ritvo H.* *The Platypus and the Mermaid and Other Figments of the Classifying Imagination*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. XIV+288 p.
- Russell E.* *Greyhound Nation: A Coevolutionary History of England, 1200–1900*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 214 p.
- Tsing A.L.* *The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015. XII+331 p.
- Worster D.* Appendix: Doing Environmental History // *Worster D. (ed.). The Ends of the Earth: Perspectives on Modern Environmental History*. N.Y.: Cambridge University Press, 1988. P. 289–308.
- Worster D.* Seeing beyond Culture // *Journal of American History*. 1990. Vol. 76. P. 1142–1147. doi: 10.2307/2936586.

Пер с англ. Александры Захаровой

ЮЛИЯ ШАНИНА

[Посвящается] банановым деревьям, секвойям, головоногим, капибарам, тануки, тихоходкам, микробам, вирусам, амазонским тропическим лесам, коралловым рифам и невообразимым на настоящий момент технологиям.

Леви Р. Брайант

1

В магистратуре я выбрала объектом своего научного интереса медвежьей игрища, позже к ним присоединились дни вороны и трясогузки в Югре. Но не могу сказать, что я занимаюсь, например, этнозоологией, ведь в моих исследованиях фокус не непосредственно на отношениях людей с медведем или трясогузкой. Мне важнее «удаленное», затуманенное для наблюдателя взаимодействие ханты с животными, вокруг которого выстроены публичные репрезентации хантской культуры. Последнее и является моим ключевым интересом, но не учитывать взаимоотношения людей и животных невозможно. Ориентированность на мультивидовое взаимодействие или постоянная оглядка, что кроме людей есть еще кто-то, конечно, наиболее заметны у информантов, живущих постоянно или временно на ТТП (терри-

Юлия Сергеевна Шанина

Институт языка,
литературы и истории,
Карельский научный центр РАН,
Петрозаводск, Россия
ishanina@eu.spb.ru

тории традиционного природопользования) либо имевших такой опыт, но в городе и поселках она не пропадает. Связанность сообщества ханты с животными и духами / богами либо представления о такой связи мы увидим при общении не только с самими ханты, но и с чиновниками, горожанами, на выставке фотографии в РЭМе или на концерте на ВДНХ. Расширенное понятие общества, включающее *non-human relations*, становится маркером отличия для коренных жителей с точки зрения некоренных, особенно горожан. А исключенность из этих взаимоотношений нередко давала повод моим собеседникам-ханты говорить о своих родственниках и знакомых как об «обрусевших», а о публично разрушающих эти взаимоотношения ханты-баптистах — как об опасных.

В целом, если ты всерьез исследуешь хантыйское сообщество или другие индигенные культуры, трудно обойтись без внимания к *non-human*. Само поле тебя подталкивает к этому. Так или иначе ты столкнешься если не с наблюдением мультимедийного взаимодействия, то с его остаточными символами, правилами этикета и представлениями, что можно, а что нельзя. При этом *non-human* включает не только животных, но и ряд растений (например, морошка, сосна, береза), духов, богов и других потусторонних существ. И это не только одно расширенное социальное взаимодействие. В представлении многих ханты животные (и некоторые растения) и иномирные существа имеют свои запутанные взаимоотношения!

Среди исследований Арктики и Сибири больше всего написано про медведей и оленей, немало про собак и млекопитающих хищников. Есть работы про промысловых животных (но обычно с точки зрения промысла), животноводство и так называемых тотемных. Последние обычно включают запутанные связи с людьми и иномирными существами, фамилиями, родами, помеченные одним ярлыком и оставленные без анализа. Эти взаимоотношения до сих пор часто помечают как «культурные», «тотемные» и редко рассматривают как именно социальные взаимоотношения человека и не-людей. На мой взгляд, это большое упущение, и работы по разъяснению сложных взаимоотношений людей, богов, растений и животных у жителей Сибири и Севера еще очень много. Немного работ про маленьких по размеру животных, не млекопитающих, насекомых, про домашних животных в индигенных сообществах [Матусовский 2018]. Также выпадают из поля внимания городские животные в Арктике, взаимоотношения некоренных жителей с флорой и фауной. Мало работ, которые описывают не отдельных животных или промысел, а взаимоотношения с животными / растениями в целом, включая рыб, насекомых и паразитов. На русском языке я припоминаю только одну подобную работу —

монографию И.Ю. Винокуровой [Винокурова 2006], написанную, правда, скорее методами фольклористики и этнолингвистики, чем антропологии.

2
3

Считаю очень продуктивным знакомство с работами этологов, биологов и актуальной философской дискуссией в русле постгуманизма, новой этики, антропоцентризма и антропоморфизма. Эти знания помогают поддерживать и переосмысливать отличия и сходства человека и других видов, хрупкие границы культурного, социального, политического и биологического. Понимать, чем инаковы иные, где мы пытаемся проецировать себя на другие объекты и субъекты. Не стоит забывать и про пользу искусств для научного вдохновения, ведь тот же антиантропоцентризм появился в американской и европейской литературах уже в середине XX в., гораздо раньше волны онтологий.

При этом мне кажется, что не стоит забывать об ограничениях своего дисциплинарного метода и пытаться решать проблемы других областей науки его инструментами. В работах, ориентированных на *species turn*, я порой замечаю некий дисциплинарный эгоизм: интерес исследователя постоянно расширяется, любопытство к другим дисциплинам растет, предметами исследования становятся классические объекты иных дисциплин, а инструменты анализа не меняются. В итоге человек может пытаться изобретать велосипед и даже ложное знание, подобно математику Фоменко или физику-родноверу, пытающимся работать с гуманитарным знанием без понимания метода, критического осмысления материала и получающим на выходе альтернативную историю и схемы волн крестьянских обрядов. Антрополог работает прежде всего с поведением человека, с другими через их взгляды и оценки. Инструменты антропологии заточены именно под мышление человека, не животных или ИИ. Во взаимодействии “*human — non-human*” нам по силам описать одну сторону, *human*, и само взаимодействие. За интерпретации поведения *non-human*, если таковое присутствует и видимо, мы отвечать не можем. Зато его могут интерпретировать и анализировать коллеги из других дисциплин: биологии, этологии, *computer science*, геологии. Анализ полного взаимодействия, включающего обе стороны, — это работа междисциплинарной команды. Собственно антропологу в работе с другими видами могут быть полезны методы критического антропоморфизма [Wróblewski 2016] и «контролируемой неоднозначности» (*controlled equivocation*) Вивейруша де Кастру [Viveros de Castro 2004]. Они помогут не упустить межвидовых различий.

4
1

Вижу здесь две причины родом из советской научной школы.

1. Обособить объект. Если растения и боги / духи в советской традиции становились самостоятельным объектом исследова-

ния и получали собственное направление: этноботаника и исследования религии / духовной культуры, то животные оказались расщеплены между промыслами, духовной культурой и материальной. Отдельно исследовали животных, как-то связанных с иным миром, либо находили в упоминаниях животных такую связь. Итог: животные осмысляются в рамках культов (религиозных, зооморфных, предков, промысловых), почитание — практически единственный возможный вид отношений с животными и богами / духами, *non-humans* до сих пор можно встретить преимущественно в антропологии религии. Изображения тех же животных непосредственно или абстрактно (в орнаменте) описываются отдельно, как материальная культура. Охота на тех же животных — как промысел. Причину изображения животного или невключенность в промысел объясняют культом. В таких условиях и при труднодоступности англоязычной литературы непросто осмыслить животное как самостоятельный объект, многообразие взаимоотношений с не-людьми, социальную природу этих отношений.

2. Ограниченность метода. В позднесоветское время основным методом анализа была семиотика, а социологические и философские подходы остались за пределами советского знания [Живов 2009; Калинин 2009]. Поэтому объектами анализа часто становились не взаимоотношения людей и не-людей, групп и индивидуумов, а лексика, образы, метафоры, тексты и ритуалы как тексты. Такой анализ делает работы скорее не антропологическими, а фольклористическими или этнолингвистическими, так как включенного наблюдения нет, интервью приводятся как иллюстрации, образцы текста. Такой подход в исследовании растений, животных, богов / духов до сих пор распространен. А для включения других объектов в человеко-не-человеческие отношения это служит ограничением, как и причина 1.

К счастью, с развитием социологии и философии в России, доступа к иностранной литературе ситуация менялась. Объекто-ориентированные онтологии (Агабмен, Брайант, Латур), подхватившие их антропологи — новые анимисты (Вивейруш де Кастру, Дескола), новая этика, расширяющая поле своих объектов за человека, проблема сознания и новые открытия этологов, зоо- и эволюционных психологов, недавно ворвавшийся в этот коктейль Антропоцен поменяли поле дискуссии, особенно за последние 10 лет. Категория *non-human* дополняется вирусами, бактериями (в том числе благодаря Covid-19), технологиями (благодаря русскоязычным STS). Это хорошо иллюстрируют два номера «Этнографического обозрения» с дискуссиями о животных. В 2018 г. обсуждается становление растений и животных как самостоятельных объектов в российской науке, этноботаника и этнозоология. Появляются статьи, вдохновлен-

ные онтологиями, в том числе Дескола (см.: [Гвоздииков 2018]), больше внимания именно к взаимодействию как таковому [Воробьев 2018]. Выпуск 2021 г. уже полностью про межвидовое взаимодействие и *animal turn*. Подборка междисциплинарная: биолог, философы, литературовед, социолог. Антропологов как таковых, правда, в ней нет. Как методы обсуждаются критический антропоморфизм, постгуманизм, новая этика, есть ссылки на этологов [Кожевникова 2021]. Даже Институт славяноведения, приверженец семиотического подхода, издал в 2017 г. сборник про антропоцентризм и антропоморфизм [Толстая 2017], правда, не изменяя привычным методам. Сфера исследований активно формируется, их рамка расширяется. Ожидая волны непосредственно антропологических работ по методам «Этнографического обозрения» 2021 г., сборников, объединяющих духов, микробов, животных, технику, атомы... Но не думаю, что эта сфера станет широко популярной в России.

Благодарности

В рамках Государственного задания КарНЦ РАН (№ 124022000029-0), финансовое обеспечение которого осуществлялось из средств федерального бюджета.

Библиография

- Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 447 с.
- Воробьев Д.В. (ред.). Спецвыпуск: Человек и мир фауны в антропологическом контексте // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 5–56.
- Гвоздииков Д.С. Мы-альфа: к модели социальной организации собаки и человека // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 44–56.
- Живов В. Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения // Новое литературное обозрение. 2009. № 4 (98). С. 11–26.
- Калинин И. Тартуско-московская семиотическая школа: семиотическая модель культуры / культурная модель семиотики // Новое литературное обозрение. 2009. № 4 (98). С. 27–55.
- Кожевникова М. (ред.). Спецвыпуск: Зоо-поворот в антропологии // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 5–75.
- Матусовский А.А. Питомцы индигенных групп Амазонии и Оринокии: отношения между людьми и животными // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 26–43.
- Толстая С.М. (ред.). Антропоцентризм в языке и культуре. М.: Индрик, 2017. 264 с.
- Viveiros de Castro E. Perspectival Anthropology and the Method of Controlled Equivocation // *Tipili*. 2004. Vol. 2. No. 1. P. 3–22.
- Wróblewski Z. Umysły zwierząt: między naiwnym antropomorfizmem a dogmatycznym antroponegacjonizmem // *Zoophilologica. Polish Journal of Animal Studies*. 2016. No. 2. S. 83–95.

РАСТЕРЯННЫЕ МНОЖЕСТВА: ПОСЛЕСЛОВИЕ К ДИСКУССИИ

Дорогу к своей дозорной башне лишненное глаз животное находит с помощью общей светочувствительности кожи. О приближении добычи этот слепой и глухой разбойник узнает с помощью обоняния. Аромат масляной кислоты, выделяемой кожными железами всех млекопитающих, служит для клеща сигналом к тому, чтобы покинуть свой сторожевой пост и ринуться вниз. Если самка клеща падает на что-то теплое, как показывает ее тонкое чувство температуры, значит она добралась до своей добычи, теплокровного животного, и теперь ей остается только с помощью осязания найти наиболее безволосую область, чтобы до самой своей макушки вгрызться в кожные ткани жертвы [Uexküll, Kriszat 1956 (1934): 23–24]¹.

Они были близки, как отражение в зеркале, их можно было коснуться, но невозможно понять [Леви-Стросс 2022 (1955): 423].

Дискуссия об антропологии за пределами человека и мультивидовой (или, в другом переводе, многовидовой) этнографии появилась благодаря тому, что текущий выпуск журнала задумывался как тематический — все публикации в нем так или иначе касаются *более-чем-человеческой социальности* и *более-чем-человеческой истории*. Мы с удивлением обнаружили, что казавшаяся нишевой тема «Форума» вызывает самый живой отклик: изучение отношений человека и других существ, а также методологические проблемы и вызовы, возникающие в таких исследованиях, волнуют самых разных ученых и провоцируют на разговор поверх дисциплинарных границ. Этот разговор не всегда складывается легко, причем наибольшее напряжение возникает не между гуманитарными и естественными науками (что, впрочем, может быть обусловлено дизайном нашего «Форума») или российскими и западными исследованиями, а на границах

Александра Леонидовна Захарова

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
azakharova@eu.spb.ru

Мария Михайловна Пироговская

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
mpirogovskaya@eu.spb.ru

¹ Здесь и далее перевод авторов послесловия, если не указано иное.

соседних наук или же внутри одной дисциплины. Множественность и неоднородность современной науки (как в глобальном контексте, так и в ее национальных вариантах) дала о себе знать и при обсуждении такой темы (области? субдисциплины? трансдисциплинарного поля? как видим, вариантов ответа может быть несколько), как «люди и другие живые существа», которую участники перекодировали в термины более-чем-человеческой антропологии, экологической антропологии, инвайронментальной истории, истории технологий, критических исследований животных, постгуманистической философии, биосемиотики, зоопсихологии и т.д. Однако, как следует из нашей дискуссии, тема *более-чем-человеческой социальности* имеет потенциал для объединения, что кажется ценным в мире, разделенном физическими и символическими границами.

Составляя вопросы, мы планировали, во-первых, собрать мнения специалистов об имеющихся подходах к изучению отношений между людьми и другими живыми существами, во-вторых, узнать, как представители разных наук решают неизбежные вопросы, связанные с методологией, способом описания и критической дистанцией / ангажированностью, и в-третьих, понять, какими они видят возможности для меж/трансдисциплинарности и сотрудничества с другими формами опыта и знания. Мы благодарны всем участникам «Форума», ответы которых, на наш взгляд, позволяют в полной мере представить актуальное состояние этого исследовательского направления и увидеть не только его болевые точки, но и задел для дальнейших исследований.

До, после и помимо Антропоцена

Хотя современной российской науке вопросы отношений людей и других живых существ совсем не чужды, институциональной и публикационной насыщенности этой области явно недостаточно. Многие русскоязычные респонденты писали нам, как рады, что эта тема наконец затронута, сетуя о прежних не слишком удачных попытках привлечь внимание российских коллег к *биоповороту* / *зооповороту* и латуровским принципам *симметричной антропологии* (Сергей Соколовский).

Настороженное отношение к исследованиям животных и мультимедийной этнографии в России может быть продиктовано рядом причин. Это и упоминаемая многими респондентами консервативность по отношению к слишком «модным» и «западным» (и потому воспринимаемым как политически окрашенные) направлениям (о чем пишут, к примеру, Джон Санбонмацу и Анастасия Федотова), и высокая степень регламентированности науки и жесткость дисциплинарных границ, и большее

внимание к человеческим «внутривидовым конфликтам» (Варвара Бахолдина), и расщепленность объекта исследования (Юлия Шанина), и исторический конфликт научного позитивизма и ответных универсалистских концепций (Сергей Соколовский, Григорий Винокуров), и неразвитость экологической повестки (Оксана Запорожец, Елена Богданова и Елена Никифорова). Все вместе эти факторы приводят к недостаточной институционализации исследований отношений людей и животных, несмотря на социально обусловленный запрос на них (Ольга Коровкина)¹. Тем не менее делать однозначный вывод о плачевном состоянии исследований отношений людей и животных в российской антропологии и гуманитарных дисциплинах, пожалуй, не стоит.

Если говорить о популярности новых направлений внутри страны, то с институциональной точки зрения похвастаться России нечем: нет ни специализированных исследовательских центров, подобных новозеландскому NZCHAS (New Zealand Centre for Human-Animal Studies) или каталонскому UPF-CAE (Universitat Pompeu Fabra-Centre for Animal Ethics), ни изданий вроде “Anthropozoologica” (1984), “Anthrozoös” (1987), “Society & Animals” (1993) или “Humanimalia” (2009), ни крупных грантов для междисциплинарных проектов, аналогичных Matsutake Worlds Research Group. Вместе с тем это не означает невозможности исследовать и публиковаться в рамках экологической антропологии, истории окружающей среды, STS и истории науки, создавая своеобразные анклавы *human-animal studies* внутри имеющихся институций, выпуская тематические подборки в журналах широкого профиля [Воробьев 2018; Кожевникова 2021; Фаис-Леутская, Новик 2021] или же строя микросообщества энтузиастов на низовом уровне — через независимые семинары, частные грантовые инициативы, конференционные секции, сетевые издания и Telegram-каналы, объединяющие исследователей и зоозащитников (часто в одном лице)². Эта сеть анклавов, или скорее ризома, с одной стороны, приводит к крайней неравномерной степени изученности соответствующей проб-

¹ См. также вышедший в 2017 г. на портале Arzamas.Academy научно-популярный онлайн-курс «В чем смысл животных» <<https://arzamas.academy/courses/1064>>.

² См. конференции «Зверь и человек: взаимное, различное, совместное» (ЕУСПб, 2023); телеграм-канал Яны Фишовой “Vegan Studies and Critical Animal Studies” на 369 подписчиков <<https://t.me/veganstudies>> (02.08.2024); тексты на данную тему на заблокированной платформе для независимых авторов Syg.ma <<https://syg.ma/veganstudies>> и в сетевом издании «Горький» <<https://goriky.media/autor/mefyod/>>. Тесные отношения подобных исследований с зоозащитой характерны и для западной науки (в частности, права животных активно отстаивали крупные приматологи, практиковавшие своего рода «включенное наблюдение» за шимпанзе, гориллами и орангутанами, Джейн Гудолл, Дайан Фосси и Бируте Галдикас; все трое были подопечными палеоантрополога и археолога Луиса Лики). Неслучайно львиная доля западных журналов и публикаций, посвященных животным, содержит в своих названиях слова *law / policy* и имеет прикладные задачи. О социальном и эпистемологическом контексте принятия одного из первых законодательных актов защиты животных см., в частности: [Shmueli 2023].

лематики и порой вынуждает ученых (в частности, историков окружающей среды) к «ремесленному» производству науки, поскольку ни упорядоченных данных, ни готовых работ, на которые можно было бы сослаться в поддержку своей гипотезы, попросту еще нет. Но она же, с другой стороны, компенсирует жесткость официальных структур и создает возможности для неожиданных находок и идей.

Если же речь идет об осмыслении российского материала и проблематики — в историческом, географическом или социально-политическом изводах, то для его обсуждения в глобальной науке существенны не региональная привязка как таковая, а доступ к материалам и «прочитанность» исследования. Прочитанность же во многом определяется выбором языка публикации и авторитетом издания или издательства. Ориентироваться лишь на публикации на русском языке [Утехин 2015; Толстая 2017; Давыдов 2017; Утехин 2019; Коршунков 2022; Крылова 2023] и делать вывод о скудости российских исследований на фоне англоязычного изобилия будет искусственным сужением оптики. Чтобы уйти от этого искажения, Владимир Коршунков предлагает смотреть на страны, которые внутри поля мировой науки находятся в сходном положении.

Однако как только мы начинаем составлять многоязычную библиографию о регионе поверх аффилиаций и границ национальных академий, мы получаем богатую, интенсивно развивающуюся область, которая объединяет ученых с разным бэкграундом и интересами (что естественно, учитывая важность России для осмысления экологических, эпидемиологических, социальных и политических процессов, происходящих в Евразии и вообще в мире, как отмечает Фредерик Кек)¹.

Наконец, то, какой мыслится российская история исследований людей и животных (*human-animal studies*) и более-чем-человеческого мира (*more-than-human approach*), во многом зависит от определения авторитетной позиции, точки зрения и глубины резкости: от того, включать ли в их генеалогию семиотические исследования межвидовой коммуникации, классические этнографии природопользования, этноботанику, этноэкологию и другие исследования локального знания, культурно-историческое изучение переплетения человеческих / животных тел с технологиями власти, работы о камлании и трансэ, раннесоветскую этологию, проблематизирующую границу

¹ Помимо уже упомянутых участниками нашего «Форума» коллективных и индивидуальных проектов, см., например: [Brandišauskas 2019; Oehler, Varfolomeeva 2019; Tarasova 2020; Evtuhov et al. 2023; Peemot 2024]. Сборка по региональным принципам, выходящим за границы страны, расширит библиографию еще больше (см., например: [Marchina 2021]).

между человеком и животным, и т.д. [Морар 2017; Россиянов 2021; Баранов и др. 2021].

Как напоминает в своей реплике Кароль Ферре, понимание истоков и память о них важны и на уровне национальной академии, и на уровне глобальной науки. Поворот к животным и живому возник не как внезапное наитие нескольких блестящих ученых, но был подготовлен критической массой исследований в разных дисциплинах. Его конструирование через разрыв, как и многих других поворотов, вполне естественно, но признавать преемственность честнее. И продуктивнее, так как подталкивает к перечитыванию и переосмыслению не только признанных классиков вроде Моргана и Богораза, но и тех авторов, чьи идеи в свое время остались без внимания. С этой точки зрения интенсивность и разнообразие дискуссий в современных социальных исследованиях не должны заставлять забывать о наследии.

Холистический подход в антропологии делал видимым множество акторов, от панголинов и бойцовых петухов до заливного риса, от невидимых хозяев сибирских родников-*аршанов* до движущихся камней в австралийской пустыне, и приглашал к междисциплинарности, что могло находить отражение и в университетских программах (о своем аргентинском опыте упоминает Ирина Подгорная). Как в 2010 г. отметили составители спецвыпуска о мультивидовой этнографии Стефан Хельмрайх и Эбен Киркси, взаимосвязи между природой и культурой волновали антропологию со времен Боаса, и свежие дискуссии вокруг Антропоцена (термин появился в 2000 г.) лишь отдают должное более широкому спектру существ, «жизнь которых переплетена с жизнью человека», признают их субъектность и агентность и сосредотачиваются на процессуальности этих переплетений [Kirksey, Helmreich 2010].

Возникшая на пересечении социальных и гуманитарных исследований окружающей среды, исследований животных и исследований науки и технологий [Kirksey, Helmreich 2010] широкая междисциплинарная область мультивидовых исследований не только имеет разные источники вдохновения, но и разную плотность (так, хотя животные стали обсуждаться в американской экологической истории в 1970-е гг., выход отдельного журнала “Animal History” запланирован только на 2025 г.). Внимание к разрывам или, наоборот, к преемственности будет давать и разное видение поля, со своей проблематикой, методологией и набором цитируемых (или оспариваемых) авторитетов.

Но и разрывы возникают не только как перформативное утверждение собственной оригинальности. Это свидетельства напряжения, например между онтологическим подходом,

который следует за стилем мышления индигенных культур и показывает «чарующую картину многовидовых переплетений», и экономической антропологией, размышляющей о последствиях современного капитализма для людей и животных, для их жизни и смерти¹. Или же между разными вариантами позитивизма — марксистской антропологией труда (в том числе «труда животных») и латуровским материализмом, в русле *симметричной антропологии* отменяющим деление на субъект и объект, тем самым мистифицируя властные отношения (Фредерик Кек, Кароль Ферре, Григорий Винокуров), а то и вообще размывая границы между чувствующими существами и акторами, лишёнными органов чувств, — белковыми соединениями, невидимыми сущностями или промышленными объектами (Джон Санбонмацу).

Сложно объединить и работы, исходящие из конфликтующих интерпретаций агентности или интенциональности, присущей вообще всем живым существам или же приписываемой им человеком, и т.д.² Отдельный вопрос — что понимать под «живым» и как соотносятся жизнь и действие [Reno 2014; de Wolff 2017]. Эти разногласия вполне ожидаемы: если и классический объект исследования антропологии — человеческий опыт (например, опыт тех, кого Леви-Строс называет «туземцами») — не так-то просто поддается изучению, то что говорить о проживаемом опыте животного, растения, гриба или вируса и их перспективах?³ И у всех ли есть проживаемый опыт?

Sub specie speciei:

о множестве видов (в) мультивидовой этнографии

Основная линия критики мультивидовой этнографии, как в России, так и в остальном мире, касается в первую очередь размытости самого метода и тех интерпретаций *вида*, с которыми этот метод работает.

В зависимости от дисциплинарных границ и идентичностей, в понятие *вида* и, соответственно, *мультивидовую этнографию* каждый вкладывает что-то свое. Кто-то замечает, что не все

¹ См., например, анализ влияния промышленных технологий на смерть и посмертную траекторию (*afterlife*) северного оленя: [Рахманова и др. 2022].

² В этом отношении примечательны дискуссии об агентности растений и их производных (пищи, тканей и т.д.), а также материалов органического происхождения. Ср., например: [Pollan 2006: 15–119; Onaga, Doupy 2023]. Ср. также обсуждение этнографического этюда С.В. Максимова «Куль хлеба и его похождения» (1873) в [Баранов и др. 2021: 92–93]. Можно вообразить и подобное исследование, посвященное, например, борщевнику Сосновского.

³ Как только речь заходит о существах, коммуницирующих с миром посредством химических или тепловых сигналов, само выражение «точка зрения» лишается смысла. См. описание жизненного мира самки полевого клеща в эпиграфе.

виды живых существ в принципе обладают социальностью, изучение которой методологически осуществимо (Владимир Коршунков, Джон Санбонмацу). Следование логике естественных наук приводит к сомнениям и в осмысленности самого понятия *видов*, и в адекватности истолкования их множественности (Ирина Подгорная). Более значимым может быть учет множественных отношений человека с каким-то одним *видом*, своего рода анализ социальных ролей, которые может исполнять живое существо (Анастасия Федотова). А биологический антрополог Варвара Бахолдина подчеркивает, что «термин “мультивидовая антропология” в принципе не вызывал бы возражений, но только для рода *Ното* и для исследования взаимодействий между видами этого рода. <...> Но что означает термин “мультивидовая этнография”? <...> Существует ли по этому поводу некая негласная договоренность внутри сообщества социальных и культурных антропологов, о которой пока неизвестно более широкому кругу специалистов?» Наличие таких вопросов, видимо, сигнализирует о некоторой герметичности понятия.

Диалог с историей науки и STS, которые деконструируют естественно-научный аппарат и рассматривают процессы производства научных истин, влияет на готовность безоговорочно пользоваться биологическим понятием *вида* (Тамар Новик, Марк Херси, Григорий Винокуров). «К идее “вида” этнографы должны относиться с тем же скептицизмом, с каким многие относятся к упрощенным представлениям о “человеке”», — пишет Алекс Бланшетт, напоминая, что под зонтичным термином скрывается неоднородное множество: породы и сорта со своей историей, гибриды, социально-демографические группы, состоящие, в свою очередь, из индивидов с интеллектом и характером. Проблематизацию *вида* используют в своих целях и представители критических исследований животных, атакующие *спещисизм* как идеологию исключительности и выступающие в защиту личностного подхода. Правда, граница между теми, кого признают как личность, и всеми остальными весьма нечеткая.

Наконец, наиболее распространена традиция истолкования, согласно которой *вид* в мультивидовой этнографии вообще не имеет отношения к *виду* в естественных науках. По сути, это омонимы, которые стоило бы развести во избежание путаницы и споров. В самом экономном варианте этот *вид* можно отождествить с эмным взглядом на группы животных, вычленяемые в индигенных культурах, что неизбежно приводит к обсуждению избирательности зрения и сравнению научных и вернакулярных классификаций и признаков, которые в них используются (о том, как эту избирательность делают видимой «низшие» животные, пишет Максим Винарский).

В более широком прочтении под *видами* понимается целый спектр акторов, включающий не только не-человеческих животных, но и стихии, физические объекты и сверхчеловеческих существ, которые объединяет лишь агентность: «Мы определяем “мультивидовую этнографию” как этнографическое исследование и письмо, которые восприимчивы к жизни, возникающей внутри меняющейся совокупности действующих сущностей. Под “сущностями” мы понимаем как биофизические единицы, так и те магические способы, с помощью которых объекты приводят в движение саму жизнь» [Ogden et al. 2013: 6]. Тем самым происходит сближение этной и эмной перспектив, если не полное их наложение и слияние, что может восприниматься и как безусловное обогащение антропологического знания, и как редукционистская замена исследовательской репрезентации вернакулярными самопрезентациями.

Размывая границы между человеком и другими живыми существами, мультивидовая этнография, в некотором смысле наследующая биологическим исследованиям экосистем, как лакмус, проявляет прежде не замечаемые отношения и взаимодействия (Анна Варфоломеева, Максим Винарский, Александра Терехина и Александр Волковицкий). По крайней мере некоторых из акторов (и авторов) социальных процессов изучаемые сообщества (а вслед за ними и антропологи, чувствительные к локальным системам знания и «другим антропологиям» [Баранов и др. 2021: 88–97]) могут относить к нескольким *видам* одновременно, как *человеческим* и *не-человеческим*, так и *сверхчеловеческим*. С этой категоризацией, в свою очередь, не все так просто: деление на *человеческих* и *не-человеческих животных* (*human animals vs. non-human animals*), призванное напомнить о животной природе человека и снять дихотомию «человек / животное», вновь оборачивается ее воспроизведением (Милена Пугина, Кароль Ферре). Решить проблему призвано введение общего термина *humanimal*, у которого пока нет устоявшегося русского аналога.

Беспокойная субъектность

Различные области антропологии в своих названиях содержат указание на объект исследования (антропология труда, антропология религии, антропология миграции и т.д.). Однако *мультивидовая этнография* выбивается из этой логики. Казалось бы, в центре должны быть не-человеческие существа и *более-чем-человеческая* (коллективная) социальность, однако на деле речь идет об этнографии взаимодействия человека с разными видами в широком смысле. Практически все респонденты «Форума» утверждают: мультивидовые этнографии по-прежнему остаются этнографиями о человеке, пусть и вписывают его в бо-

лее широкий природный контекст. Но есть ли шанс писать об этом иначе, не просто сместив человека с авансцены, но и поставив в центр не-человеческих животных как субъектов?

Наиболее радикальна Ева Мейер, которая не только постулирует необходимость признания субъектности не-человеческих существ, но и предлагает создавать политические представительства *не-людей* и искать неэксплуатирующие исследовательские методы, учитывающие их интересы. С тем, что человеку пора признать материальность и полифонию окружающего мира и писать историю исходя из этого, согласны и Марк Херси, и Дрю Суонсон, ратующие за «усмирение» антропоцентричного высокомерия, но признающие сопряженные с этим трудности. В антропологии такое смирение означало бы как поиск более точных координат для человеческой перспективы, так и «постоянную перефокусировку» (Лидия Рахманова, Марк Мефёд).

Главным камнем преткновения оказывается проблема субъекта и доступа к его перспективе / голосу / точке зрения. Любое ли существо субъектно? У всех ли есть поведение и если да, то с чьей точки зрения? Как разные субъекты соотносятся с человеком и друг с другом? Чем мы руководствуемся, обнаруживая этих субъектов, и не направляют ли наш взгляд на культурно-специфичные конфигурации этики? Может ли быть так, что само обсуждение другой субъектности представляет собой способ совладания с беспокойством или фрустрацией при исследовательском столкновении с другими существами (Лидия Рахманова)?

Размышляя об этом, Кароль Ферре предлагает грамматический подход, согласно которому живое существо может быть и субъектом, и объектом одновременно. Для этого необходимо ввести еще одну грамматическую категорию — предикацию. Так «антропология действия» обходит неизбежную проблему антропоцентричности, признавая при этом субъектность других животных.

Призыв же «дать голос» другим живым существам оборачивается сеансом чревоуещания (Алекс Бланшетт, Марк Херси, Степан Калинин). Участники «Форума» не только напоминают о невозможности «полного ухода от антропоцентричной перспективы» (Оксана Запорожец, Елена Богданова и Елена Никифорова), но и выражают сомнение в том, что эта затея имеет смысл. Как отметил Дрю Суонсон, это «и есть самое антропоцентрическое заблуждение из всех возможных: мысль, что мы, разумные люди, способны преодолеть наши собственные биологические и культурные ограничения, вплоть до изменения нашего сознания, и увидеть прошлое и настоящее с точки зрения других видов». Ему вторит Ян Хельфант: «Наш интерпретирующий взгляд неизбежно ограничен нашей субъектно-

стью». Действительно, можем ли мы утверждать, что настоящему понимаем других существ, адекватно передаем их опыт и отстаиваем их интересы, а не чьи-то еще? Ответ на эти вопросы не лежит на поверхности, как минимум потому что традиционные методы антропологического исследования, включенное наблюдение и интервью, в этом случае едва ли применимы (Милена Пугина, Кароль Ферре).

На эту тему размышляет и Владимир Коршунков, предлагая разграничивать сферы компетенций: несмотря на то что мультивидовая этнография нацелена на изучение обеих сторон взаимодействия, «для этнографов, антропологов, историков, социологов это остается лишь декларацией о намерениях, поскольку то, как животные воспринимают человека и приспосабливаются к нему, изучается биологами». Получается, нам остается только воображать опыт других на основании того, что рассказывают биологи и этологи?

Вероятно, мультивидовая этнография подобна мыслительному эксперименту и благодаря смене перспективы дает шанс переосмыслить и наш собственный, и общий с другими видами опыт? Тогда ее спекулятивность будет не недостатком, а сутью метода. Так, Лаура Огден и ее соавторы указывают, что мультивидовая этнография «допускает умозрительные способы письма»; она уподоблена чуду [Ogden et al. 2013: 18]. Это значит, что антропологии вполне достаточно уже желания понять другую точку зрения и систему координат, подкрепленного творческим воображением исследователя и/или естественно-научными знаниями. На этом пути, как напоминают Григорий Винокуров, Джон Санбонмацу и Милена Пугина, стоит остерегаться антропологической предвзятости и привычной симпатии к представителям нашего собственного вида и нескольких харизматичных видов. Это не значит, что от человеческой субъектности предстоит отказаться, скорее ее предстоит темперировать, чтобы научиться по-новому замечать *более-чем-человеческий мир* вокруг себя.

Такое реорганизованное внимание дается с трудом всем ученым, но особую проблему оно составляет для историка. Поиск следов не-человеческих существ ограничен документами, созданными человеком, или естественными уликами, которые еще предстоит обнаружить (Ян Хельфант, Марк Херси, Анастасия Федотова, Ольга Кошелева). Существенную роль играют такие факторы, как заметность и/или харизматичность живого существа, а также степень публичности его жизни: этот вопрос хорошо знаком исследователям чувствительных тем вроде истории сексуальности. Еще одна проблема — каким образом можно сбалансировать авторитетный дискурс и отраженный в нем этос эксплуатации, о чем пишет Анна Мазаник. Наконец, важная

для *более-чем-человеческой истории* принципиальная возможность расширять источниковую базу, например при работе с материалами советского времени, часто разрозненными не только между разными архивами, но и между разными государствами, зависит от целого ряда внешних, внеположных академической логике обстоятельств.

Искусство письма и подводные камни междисциплинарности

Почти все участники «Форума» говорят о необходимости взаимодействовать в исследованиях *более-чем-человеческой социальности* и *более-чем-человеческой истории* наработки естественных наук, в первую очередь этологии и экологии (Тамар Новик, Дрю Суонсон), а также исследований разумности и феноменологических штудий в философии, которые служат теоретической оснасткой для автоэтнографии (Джон Санбонмацу, Сергей Соколовский).

Менее очевидным, но часто упоминаемым источником творческих находок, необходимых мультимедийной этнографии, оказалось искусство — литература, кино, экспериментальные проекты. К примеру, «Холстомер» Толстого — тот радикальный эксперимент по смещению точки зрения, который может подталкивать исследователей как к проблематизации существующего порядка вещей, так и к выработке письма, позволяющего приблизиться к жизненному опыту других видов. Участники «Форума» напоминают об опыте соединения этнографии и литературы и миметическом воспроизведении в тексте объектов исследования (Степан Петряков); о жанре манифеста, партизански просачивающемся в научную статью как способ говорить вместе с Другим (Лидия Рахманова); об антиклассической оптике, которая позволила бы увидеть неочевидные формы межвидовой солидарности (Алекс Бланшетт); наконец, сами показывают пример работы с модернистским «потокосознанием», освобожденным от (антропоморфизирующих?) знаков препинания (Марк Мефёд). Неожиданным научным жанром, проблематизирующим границу между человеком и не-человеком, оказывается *биография животного*, которая сосредоточивается на индивидуальной жизни (Тамар Новик), вновь возвращая нас к экспериментам модернистов.

Визуальные и мультимодальные формы искусства тоже могут быть подспорьем. Значит ли это, что мультимедийная этнография требует расширения арсенала выразительных средств, поскольку пытается учесть иное мировосприятие и формы невербального взаимодействия (Анна Варфоломеева)? Или же перед нами отголоски и *writing culture* Антропоцена [Kirksey, Helmreich

2010: 549], и публичного модуса существования науки, заинтересованной в более открытых, доступных и непосредственных форматах самопрезентации?

В любом случае возникает вопрос, где пролегают границы между наукой и искусством и насколько они нужны сегодняшней антропологии. Может ли визуальный язык этнографического кино или фотоэссе полностью удовлетворить нужды мультимедийного подхода? Какое антропологическое описание считается достаточно научным и каково сбалансированное соотношение художественных зарисовок и научного анализа? Любопытно, что сама тема «Форума» вдохновила Ольгу Кошелеву, Сергея Соколовского и Лидию Рахманову на поэтические описания своего опыта взаимодействия с не-человеческими животными, оспаривающего готовые представления о взаимности и восприятии (о важности такого опыта упоминает и Ян Хельфант).

Тем не менее налицо парадокс: с одной стороны, кажется, что в разговоре об отношениях с другими животными антропологии следует более активно вступать в диалог с искусством и тем самым становиться более «художественной»; с другой стороны, ожидается, что она будет теснее взаимодействовать с естественными науками. Словно отвечая общим императивам неолиберализма, антропология должна демонстрировать всестороннюю подкованность, подобно тому как современный человек должен постоянно «работать над собой», развиваясь в разных сферах, и рефлексировать эту работу. Стоит ли за этим стремлением к разносторонности постмодернистская гибридизация жанров и идей или перед нами реинкарнация давнего холистического подхода? Так или иначе, складывается ощущение, что просто «антропология» у грантодателей и читателей вызывает меньший интерес, чем меж- и трансдисциплинарные проекты, которые сложнее обсуждать, финансировать и реализовывать. Впрочем, у многих респондентов уже есть положительный опыт подобных проектов: об этом пишут Александра Терехина и Александр Волковицкий, Юлия Шанина, Анастасия Федотова, Генриетта Мондри, Анна Мазаник.

Стало быть, мультимедийная этнография должна обрести преимущества самых разных областей знания. Это даст исследователям творческую свободу и позволит пересекать и даже отменять дисциплинарные и институциональные границы, о чем напоминают Ирина Подгорная и Сергей Соколовский. Вместе с тем сложноустроенность и трансдисциплинарность влекут за собой и новые проблемы.

Во-первых, встает вопрос экспертизы. Как, заходя на территорию «чужих» наук, не прослыть самозванцем? «Иногда стоит

сказать себе “стоп!”, честно признать, что “в данной области, в данной теме я уже не специалист”, и, смилив себя, обратиться за помощью, например, к зоологам, этологам, генетикам», — рассуждает Степан Калинин. Междисциплинарность мультивидовой этнографии большинство авторов видят воплощенной не в фигуре одного исследователя, обладающего исключительным кругозором и пытающегося использовать в своей работе методы разных наук (хотя такие работы, конечно, тоже есть), но в коллективе коллег, исследующих общую проблему с разных сторон, где антропология отвечает за интерпретацию поведения человека (Юлия Шанина). Иногда на помощь приходят прошлый опыт и естественно-научное образование. Среди участников «Форума» к таким «амбидекстрам» принадлежат ботаник по образованию Анастасия Федотова и Дрю Суонсон, учившийся на эколога, а Максим Винарский совмещает ипостаси зоолога и историка зоологии. В худшем случае естественники предстают волшебными помощниками, всегда готовыми прийти на помощь и остаться в тени.

Разделив свой проект с профессионалами из естественно-научного сектора, можно разделить и ответственность и так снять с себя потенциальные обвинения в некомпетентности. Другой выход: следуя за Клиффордом Гирцем, признать, что мы «всего лишь пишем» и не претендуем на объективность. Здесь же скрывается еще один вызов: как совместить коллективные проекты и коллаборации с классическим для антропологии со времен Малиновского «одиноким полем» и полным погружением.

Во-вторых, одной из насущных задач мультивидовой этнографии становится поиск подходящего языка как для внешней, так и для внутренней профессиональной коммуникации, в том числе для налаживания непростого диалога между гуманитариями и естественниками (Александра Терехина и Александр Волковицкий, Анна Мазаник, Анастасия Федотова). Более открытая наука, рассчитывающая быть прочитанной и понятой не только узким кругом единомышленников, но и широкой публикой, должна вырабатывать *lingua franca* посредством объединения понятий из гуманитарных и естественных наук (Оксана Запорожец, Елена Богданова и Елена Никифорова) или же посредством отказа от жаргона в пользу доходчивости (Марк Херси).

В целом, по мнению большинства респондентов, мультивидовая этнография обладает большим потенциалом как для глобальной, так для и российской науки. Подобно другим инструментам остранения, она способствует денатурализации привычек здравого смысла и идеологических установок, тем самым побуждая

российскую антропологию к теоретическим и методологическим дискуссиям (Степан Петряков, Алекс Бланшетт). Фредерик Кек, в свою очередь, говорит о роли животных как «часовых угроз, нависших над человечеством». Следовательно, мультивидовые этнографии могут обладать предсказательной силой, а значит и политическим значением.

«Троянские кони»

Поворот к животным, как справедливо указывают Кароль Ферре и Тамар Новик, должен восприниматься нами не изолированно, но как часть более широкого деколониального движения. В этом смысле те, кто видит в нем политический заряд, конечно, правы: исследования животных не только имеют эвристическую ценность, но и часто содержат конкретный политический посыл, связанный с зоозащитной и экологической повесткой и наделяющий животных таким же статусом «субъекта с правами», как и других субалтернов [Ogden et al. 2013: 8].

В этой связи возникают две группы вопросов. Во-первых, возможен ли поворот к животным помимо деколониального контекста, а также зависит ли конфигурация этого поворота от конкретных исторических и социальных обстоятельств колонизации и соответственно деколониального движения? Что может дать для теории учет локальной специфики этих процессов без попыток подогнать российский / советский / постсоветский материал под модели, выращенные на других субстратах, и какие последствия будет иметь отказ от универсализирующего концептуального аппарата? То, что в российскую науку эта проблематика приходит с некоторым запозданием, может иметь и свои плюсы, например создавая критическую дистанцию по отношению к «модным» концепциям, как пишет Степан Петряков.

Во-вторых, неизбежно обсуждение того, какая степень политизированности научных исследований возможна и приемлема. Соотношение науки и активизма, как показывает «Форум», — острая тема. Для одних участников их четкое разграничение, как и разделение научной и политической идеологий, само собой разумеется (Степан Калинин, Сергей Соколовский). Другие, напротив, хотели бы видеть политические результаты исследований, раскрывающих климатические и экологические проблемы, промышленный ущерб, страдания чувствующих и разумных существ и их эксплуатацию, скрытую покровом здравого смысла (Алекс Бланшетт, Оксана Запорожец, Елена Богданова и Елена Никифорова, Катя Крылова, Марк Мефёд, Джон Санбонмацу). Казалось бы, неполитизированными объектами изучения могут выступать «низшие» животные, которых чело-

век редко замечает и к которым еще реже испытывает симпатию (Максим Винарский). Однако технологии и глобализация становятся еще одной силой природы и меняют их жизненные траектории, вписывая в новые социальные миры¹.

«Вопрос не в том, как разделить [науку и активизм], а в том, какой политический проект выбрать», — пишет Денис Сивков. Например, при семиотическом подходе к живому ученых будут интересовать не исключительно разумные (и вызывающие симпатию) существа, обладающие опытом, но и бактерии, вирусы, плесень и все, что с ними происходит, поскольку задачей социальных наук является анализ сигналов, исходящих от этих существ, и соответствующих социальных последствий (Фредерик Кек).

Однако, как замечает Марк Херси (в этом соглашаясь с Генриеттой Мондри), «соединение науки и политического активизма — это не то же самое, что их *смещение*». Активизм демонстрирует одни иерархии и взамен создает другие. Следовательно, наука может (а кто-то скажет: обязана) быть политически заряженной лишь при условии сохранения всех процедур верификации и преследования прежде всего непосредственно научных целей. Здесь возникает давний вопрос о том, что такое объективность, как она производится и возможна ли она в принципе.

Показательно, что и сам *более-чем-человеческий мир* может восприниматься одновременно и как политически насыщенное поле для исследования, требующее от исследователя деликатности, солидарности и участия в активистской деятельности, и как эскапистское убежище от раздираемой конфликтами *только-человеческой* социальности и обитель чистой науки. Животные — не только крайне амбивалентный предмет исследования, но и метод: за кажущуюся аполитичность Тамар Новик называет их «троянскими конями», обеспечивающими доступ к чувствительным темам в тех случаях, когда невозможно или затруднительно идти напрямик.

Вероятно, поэтому и мнения насчет будущего мультимедийных исследований в России у наших респондентов кардинально разделились. Кто-то предсказывает рост внимания к «аполитичным» мультимедийным темам и «проблемным» формам взаимодействия в условиях разнообразных кризисов (Анна Мазаник). Другим импульсом может стать забота об окружающей среде, ее безопасности и устойчивости, вплоть до возрождения исчезнувших видов (Анна Варфоломеева, Генриетта Мондри).

¹ См., в частности, классическую работу о создании располагающейся между социальным и природным миром акторной сети, которая включала ученых, рыбаков и морские гребешки: [Callon 1984].

Кто-то, наоборот, сомневается, что темы и методы, связанные с экологической и зоозащитной повесткой, в будущем станут популярнее (Джон Санбонмацу, Ева Мейер, Юлия Шанина).

Как бы то ни было, мы надеемся, что множественность солидарных или конфликтующих точек зрения и позиций вызовет интерес к богатству идей, связанных с отношениями людей и других существ. Семьдесят лет назад Клод Леви-Стросс заключил «Печальные тропики» пассажем, который можно читать как реплику, на которую в 2006 г. ответят Жак Деррида и его сиамский кот Логос, и как конспект будущих дискуссий о мультивидовой этнографии: «Как это чудесно — рассматривать камень, самый прекрасный из всего, что когда-либо было создано, вдыхать аромат лилии, самой мудрой из всех написанных когда-либо книг, встретиться с терпеливым, спокойным, всепрощающим взглядом, которым в минуты редкого взаимопонимания нам удастся обменяться с кошкой» [Леви-Стросс 2022 (1955): 539]. Мультивидовые исследования призывают нас быть осторожнее и не отождествлять взаимодействие и взаимопонимание, но та *растерянность*, которую они предлагают взамен, позволяет всерьез принимать других существ и их жизненные миры и не терять их из виду.

Библиография

- Баранов Д.А., Арзютов Д.В., Петряшин С.С. Дискуссия: Локальное знание и «другие антропологи» // Этнографическое обозрение. 2021. № 5. С. 84–112. doi: 10.31857/S086954150017416-7.
- Воробьев Д.В. (ред). Спецвыпуск: Человек и мир фауны в антропологическом контексте // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 5–56.
- Давыдов В.Н. Отношения человека, животных и ландшафта на северном Байкале, в Забайкалье и южной Якутии // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири: Сб. науч. статей. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 210–258.
- Кожевникова М. (ред.). Спецвыпуск: Зоо-поворот в антропологии // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 5–75.
- Коршунков В.А. Анима. Отношение к домашним животным в России: исторические очерки. М.: Неолит, 2022. 360 с.
- Крылова К. Рынок удобных животных. М.: НЛО, 2023.
- Леви-Стросс К. Печальные тропики / Пер. В. Елисейевой, М. Щукина. М.: АСТ, 2022. 595 с.
- Морар А. Одомашнить Иного: показ монстров в России // Новое литературное обозрение. 2017. № 143 (1). С. 215–232.
- Рахманова Л.Я., Давыдова Е.А., Давыдов В.Н. Новые технологии забоя и их «послевкусие»: биографии оленей, мяса и крови в Арктике // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 181–206. doi: 10.17223/2312461X/36/10.

- Россиянов К.О.* В поисках объективности: исследования Н.Н. Ладыгиной-Котс и проблема разграничения людей и животных // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 13–29.
doi: 10.31857/S086954150013591-0.
- Толстая С.М.* (ред.). Антропоцентризм в языке и культуре. М.: Индрик, 2017. 264 с.
- Утехин И.* На коротком поводке: домашние хозяева // Новое литературное обозрение. 2015. № 132 (2). С. 32–38.
- Утехин И.В.* Человек и обезьяна: к контекстуализации ранних экспериментов в области *Ape Language Research* // Социология власти. 2019. Т. 31. № 3. С. 75–99. doi: 10.22394/2074-0492-2019-3-75-99.
- Фаус-Леутская О.Д., Новик А.А.* (ред.). Спецвыпуск: Растения в культуре народов Евразии: от магии к ресурсу // Этнографическое обозрение. 2021. № 5. С. 5–83.
- Brandišauskas D.* Leaving Footprints in the Taiga: Luck, Spirits and Ambivalence among the Siberian Oroche Reindeer Herders and Hunters. L.: Berg-hahn, 2019. XIII+291 p.
- Callon M.* Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay // *The Sociological Review*. 1984. Vol. 32. No. 1. P. 196–233.
doi: 10.1111/j.1467-954X.1984.tb00113.x.
- De Wolff K.* Plastic Naturecultures: Multispecies Ethnography and the Dangers of Separating Living from Nonliving Bodies // *Body and Society*. 2017. Vol. 23. No. 3. P. 23–47. doi: 10.1177/1357034X17715074.
- Evtuhov C., Lajus J., Moon D.* (eds.). *Thinking Russia's History Environmentally*. N.Y.; Oxford: Berghahn, 2023. 344 p.
- Kirksey S.E., Helmreich S.* The Emergence of Multispecies Ethnography // *Cultural Anthropology*. 2010. Vol. 25. No. 4. P. 545–576.
doi: 10.1111/j.1548-1360.2010.01069.x.
- Marchina C.* *Nomadic Pastoralism among the Mongol Herders: Multispecies and Spatial Ethnography in Mongolia and Transbaikalia*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021. XX+178 p.
- Ogden L.A., Hall B., Tanita K.* Animals, Plants, People, and Things. A Review of Multispecies Ethnography // *Environment and Society*. 2013. Vol. 4. No. 1. P. 5–24. doi: 10.3167/ares.2013.040102.
- Oehler A., Varfolomeeva A.* (eds.). *Multispecies Households in the Saian Mountains: Ecology at the Russia-Mongolia Border*. Cheltenham: Lexington Books, 2019. 296 p.
- Onaga L., Douny L.* (eds.). Special Issue: Making Animal Materials in Time // *Historical Studies in the Natural Sciences*. 2023. Vol. 53. No. 3. P. 197–348.
- Peemot V.S.* *The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Saian Mountains*. L.; N.Y.: Berghahn, 2024. 210 p.
- Pollan M.* *The Omnivore's Dilemma: A Natural History of Four Meals*. N.Y.: Penguin Press, 2006. 450 p.
- Reno J.* Toward a New Theory of Waste: From “Matter Out of Place” to Signs of Life // *Theory, Culture and Society*. 2014. Vol. 31. No. 6. P. 3–27.
doi: 10.1177/0263276413500999.

- Shmueli S.* The Bureaucracy of Empathy: Law, Vivisection, and Animal Pain in Late Nineteenth-Century Britain. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2023. 270 p.
- Tarasova Z.* Human Anxieties, Bovine Solutions: Political Subtexts of Native Cattle Conservation in North-Eastern Siberia: PhD Diss. / Cambridge University, 2020. 241 p.
- Uexküll J. von, Kriszat G.* Streifzüge durch die Umwelten von Tieren und Menschen: Ein Bilderbuch unsichtbarer Welten. Bedeutungslehre. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1956. 181 s.

Александра Захарова, Мария Пироговская

Forum 62: Humans and Other Species

Varvara Baholdina

Lomonosov Moscow State University
1 building 12 Lenin Hills, Moscow, Russia
vbaholdina@mail.ru

Alex Blanchette

Tufts University
110 Braker Hall, 8 Upper Campus Road, Medford, MA, USA
alex.blanchette@tufts.edu

Elena Bogdanova

Independent researcher
Helsinki, Finland
bogdanova.nova@gmail.com

Anastasia Fedotova

St Petersburg branch of the Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences
5/2 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
f.anastasia.spb@gmail.com

Carole Ferret

Laboratoire d'anthropologie sociale CNRS / Collège de France
52 rue du Cardinal Lemoine, Paris, France
carole.ferret@college-de-france.fr

Ian Helfant

Colgate University
13 Oak Drive, Hamilton, NY, USA
ihelfant@colgate.edu

Mark D. Hersey

Mississippi State University
208 Allen Hall, Starkville, MS, USA
mhersey@history.msstate.edu

Stepan Kalinin

International Slavic Institute
9 Godovikova Str., Moscow, Russia
rage_of_gods@inbox.ru

Frédéric Keck

Laboratoire d'anthropologie sociale CNRS / Collège de France / École des hautes études
en sciences sociales
52 rue du Cardinal Lemoine, Paris, France
frederic.keck@cnrs.fr

Olga Korovkina

Independent researcher
Moscow, Russia
kazia-kordecka@mail.ru

Vladimir Korshunkov

Vyatka State University
36 Moskovskaya Str., Kirov, Russia
vla_kor@mail.ru

Olga Kosheleva

Institute of World History, Russian Academy of Sciences
32A Leninskiy Ave., Moscow, Russia
okosheleva@mail.ru

Ekaterina (Katya) Krylova

University of Canterbury
20 Kirkwood Ave., Upper Riccarton, 8041 Christchurch, New Zealand
ekaterina.krylova@gmail.com

Anna Mazanik

Munich, Germany
anya.mazanik@gmail.com

Mark Mefed

Independent researcher
Balashikha, Russia
fleainmyhead@gmail.com

Eva Meijer

University of Amsterdam
Oude Turfmarkt 145, Amsterdam, the Netherlands
e.r.meijer@uva.nl

Henrietta Mondry

University of Canterbury
20 Kirkwood Avenue, Upper Riccarton, Christchurch, New Zealand
henrietta.mondry@canterbury.ac.nz

Elena Nikiforova

Independent researcher
Helsinki, Finland
elenikifor@gmail.com

Tamar Novick

Humboldt University,
47 Georgenstraße, Berlin, Germany
tamar.novick@hu-berlin.de

Stepan Petryakov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
spetryakov@eu.spb.ru

Maria Pirogovskaya

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya, St Petersburg, Russia
mpirogovskaya@eu.spb.ru

Irina Podgorny

CONICET / Archivo Histórico del Museo de La Plata-UNLP
Paseo del Bosque s/n, La Plata, Argentina
ipodgo@isis.unlp.edu.ar

Milena Pugina

The Faculty of Liberal Arts and Sciences, St Petersburg State University
58–60 Galernaya Str., St Petersburg, Russia
milenapugina.ru@gmail.com

Lidiya Rakhmanova

HSE University (St. Petersburg)
123A Emb. of Griboedov channel, St Petersburg, Russia
muza-spb@yandex.ru

John Sanbonmatsu

Worcester Polytechnic Institute
100 Institute Rd, Worcester, MA, Worcester, USA
js@wpi.edu

Julia Shanina

Karelian Scientific Centre
11 Pushkinskaya Str., Petrozavodsk, Russia
ishanina@eu.spb.ru

Denis Sivkov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Bld. 3 Vernadskiy Ave., Moscow, Russia
The Moscow School of Social and Economic Sciences (Shaninka)
5 Gazetnyy Lane, Moscow, Russia
d.y.sivkov@gmail.com

Sergei Sokolovskiy

Institute of Ethnography and Anthropology, Russian Academy of Sciences
32A Leninskiy Ave., Moscow, Russia
SokolovskiSerg@gmail.com

Drew Swanson

Georgia Southern University
Interdisciplinary Academic Building, #3004 P.O. Box 8054 Statesboro, GA, USA
dswanson@georgiasouthern.edu

Alexandra Terekhina

Arctic Research Station of Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
21 Zelenaya gorka Str., Labytnangi, Russia
terekhina.yamal@gmail.com

Anna Varfolomeeva

Independent researcher
Oulu, Finland
an.varfolomeeva@gmail.com

Maxim Vinarski

St Petersburg State University /
7/9 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
St Petersburg branch of the Institute for the History of Science and Technology, Russian
Academy of Sciences
5/2 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
radix.vinarski@gmail.com

Grigorij Vinokurov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
HSE University (St Petersburg)
123A Griboedov channel, St Petersburg, Russia
grigorijvinokurov@gmail.com

Alexandr Volkovitskiy

Arctic Research Station of Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
21 Zelenaya gorka Str., Labytnangi, Russia
alvolkovitskiy@gmail.com

Aleksandra Zakharova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya, St Petersburg, Russia
azakharova@eu.spb.ru

Oksana Zaporozhets

The Georg-Simmel Center for Urban Studies, Humboldt University
6 Unter den Linden, Berlin, Germany
oksana.zaporozhetc@hu-berlin.de

Studies of more-than-human sociality in general, and multispecies ethnography in particular, are becoming an increasingly popular trend in global (social, human, and transdisciplinary) scholarship. In the current forum, researchers from various disciplines discuss the advantages, limitations, and challenges of this trend. They also share their thoughts on why multispecies research has (or has not) an appeal in Russian academia and what the future may hold for it. The discussion addresses the key issues of the origin of this trend and its distinctive vocabulary; the subject and object problem; the search for an appropriate methodology and elaborating a scholarly narrative; interdisciplinarity and the relationship between political activism and research.

Keywords: more-than-human sociality, multispecies ethnography, animal turn, Anthropocene, interdisciplinarity.

Acknowledgments

Julia Shanina's material is produced within the framework of the Russian Ministry of Science and Higher Education program (the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences) "Cultural heritage of Karelia and historical experience: new approaches and interpretations," 124022000029-0. Alexandra Terekhina and Alexandr Volkovitskiy's material is produced within the framework of the Russian Ministry of Science and Higher Education program "Terrestrial ecosystem of Northwestern Siberia: assessment of the modern transformation of the communities," 122021000089-9.

References

- Abrell E., *Saving Animals: Multispecies Ecologies of Rescue and Care*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2021, 272 pp.
- Agamben G., *Homo Sacer: Il potere sovrano e la vita nuda*. Torino: Einaudi, 1995, 225 pp.
- Althusser L., 'Idéologie et appareils idéologiques d'État (Notes pour une recherche)', *La Pensée*, 1970, no. 151, pp. 3–38.
- Anderson D. G., *Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade*. Oxford: Oxford University Press, 2000, 270 pp.
- Anderson V. D., *Creatures of Empire: How Domestic Animals Transformed Early America*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004, XI+322 pp.

- Argent G., 'Toward a Privileging of the Nonverbal Communication, Corporeal Synchrony, and Transcendence in Humans and Horses', Smith J. A., Mitchell R. W. (eds.), *Experiencing Animal Minds: An Anthology of Animal-Human Encounters*. New York: Columbia University Press, 2012, pp. 111–128.
- Arregui A., 'Reversible Pigs: An Infraspecies Ethnography of Wild Boars in Barcelona', *American Ethnologist*, 2023, vol. 50, no. 1, pp. 115–128. doi: 10.1111/amet.13114.
- Asdal K., Druglitrø T., Hinchliffe S. (eds.), *Humans, Animals and Biopolitics: The More-Than-Human Condition*. New York: Routledge, 2016, 197 pp.
- Augustyn P., 'What Connects Biolinguistics and Biosemiotics?', *Biolinguistics*, 2013, vol. 7, pp. 96–111.
- Badia-Miró M., Tello E., Valls F., Garrabou R., 'The Grape Phylloxera Plague as a Natural Experiment: The Upkeep of Vineyards in Catalonia (Spain), 1858–1935', *Australian Economic History Review*, 2010, vol. 50, no. 1, pp. 39–61. doi: 10.1111/j.1467-8446.2009.00271.x.
- Balter M., 'Strongest Evidence of Animal Culture Seen in Monkeys and Whales', *Science*, 2013, April 25. <<https://www.science.org/content/article/strongest-evidence-animal-culture-seen-monkeys-and-whales>>.
- Baluska F., Witzany G., Gagliano M. (eds.), *Memory and Learning in Plants*. Cham: Springer Nature, 2018, VI+222 pp.
- Baranov D. A., Arzyutov D. V., Petriashin S. S., 'Diskussiya: Lokalnoe znanie i "drugie antropologii"' [Discussion: Local Knowledge and "Other Anthropologies"], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 5, pp. 84–112. (In Russian). doi: 10.31857/S086954150017416-7.
- Baratay É., 'Buiding a Animal History', Mackensie L., Posthumus S. (eds.), *French Thinking about Animals*. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2015, pp. 3–14.
- Bar-On Y. M., Philips R., Milo R., 'The Biomass Distribution on Earth', *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2018, vol. 115, no. 25, pp. 6506–6511. doi: 10.1073/pnas.1711842115.
- Barrow M., *Nature's Ghosts: Confronting Extinction from the Age of Jefferson to the Age of Ecology*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2009, 497 pp.
- Bastian B., Amiot C., 'The Animal in Me: Understanding What Brings Us Closer and Pushes Us Away from Other Animals', Dhont K., Hodson G. (eds.), *Why We Love and Exploit Animals*. London: Routledge, 2020, pp. 9–28.
- Beach H., Stammer F., 'Human-animal Relations in Pastoralism', *Nomadic Peoples*, 2006, vol. 10, no. 2, pp. 6–30. doi: 10.3167/np.2006.100202.
- Becker C., 'Every Man His Own Historian', *American Historical Review*, 1932, vol. 37, no. 2, pp. 221–236.
- Beckert S., *Empire of Cotton: A Global History*. New York: Knopf, 2014, XXII+615 pp.
- Bekoff M., *Minding Animals: Awareness, Emotions, and Heart*. New York: Oxford University Press, 2002, 256 pp.
- Behnke E., 'From Merleau-Ponty's Concept of Nature to an Interspecies Ethics of Peace', Steeves P. (ed.), *Animal Others: On Ethics, Ontology, and Animal Life*. Albany, NY: SUNY, 1999, pp. 93–116.
- Benson E., *Wired Wilderness: Technologies of Tracking and the Making of Modern Wildlife*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2010, 264 pp.

- Benson E., 'Animal Writes: Historiography, Disciplinarity, and the Animal Trace', Kalof L., Montgomery G.M. (eds.), *Making Animal Meaning. The Animal Turn*. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2011, pp. 3–16.
- Berger J., 'Why Look at Animals?', Berger J., *About Looking*. New York: Pantheon Books, 1980, pp. 1–26.
- Berkes F., Colding J., Folke C., *Navigating Social-ecological Systems: Building Resilience for Complexity and Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 393 pp.
- Bernstein A., 'Pleistocene Park: Engineering Wilderness in a More-Than-Human World', *Critical Inquiry*, 2024, vol. 50, no. 3, pp. 452–471. doi: 10.1086/728942.
- Berry M. K., *Cow Talk: Work, Ecology, and Range Cattle Ranchers in the Postwar Mountain West*. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 2023, XI+291 pp.
- Besky S., *The Darjeeling Distinction: Labor and Justice on Fair-Trade Tea Plantations in India*. Los Angeles, CA: University of California Press, 2013, 264 pp.
- Besky S., Blanchette A., "The Naturalization of Work." Theorizing the Contemporary', *Fieldsights*, 2018, July 26. <<https://culanth.org/fieldsights/series/the-naturalization-of-work>>.
- Besky S., Blanchette A. (eds.), *How Nature Works: Rethinking Labor on a Troubled Planet*. Albuquerque, NM: University of New Mexico; SAR Press Advanced Seminar Series, 2019, 272 pp.
- Bessire L., *Running Out: In Search of Water on the High Plains*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2021, 264 pp.
- Best S., Nocella II A. J., Kahn R., Gigliotti C. A., Kemmerer L., 'Introducing Critical Animal Studies', *Journal for Critical Animal Studies*, 2007, vol. 5, no. 1, pp. 4–5.
- Biehler D. D., *Pests in the City: Flies, Bedbugs, Cockroaches, and Rats*. Seattle, WA: University of Washington Press, 2013, 336 pp.
- Bird-David N., "Animism" Revisited: Personhood, Environment, and Relational Epistemology', *Current Anthropology*, 1999, vol. 40, no. S1, pp. 67–91.
- Blakely C. M., *Empire of Brutality: Enslaved People and Animals in the British Atlantic World*. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 2023, 256 pp.
- Blanchette A., *Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm*. Durham, NC: Duke University Press, 2020, 320 pp.
- Blanchette A., 'Ending Things, as an End In Itself: Notes on Quitting American Meatpacking', *Anthropology Now*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 73–78. doi: 10.1080/19428200.2021.1903561.
- Bogdanova E., 'Sosedstvo kak sotsialnye kostyli samoizolyanta' [Neighbourship as Social Crutches for a Self-isolating Person], *Sosedstvo*, 2020. <<https://privetsosed.org/kostyli-samoizolyanta>>. (In Russian).
- Braidotti R., *The Posthuman*. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2013, 237 pp.
- Braidotti R., Jones E., Klumbyte G. (eds.), *More Posthuman Glossary (Theory in the New Humanities)*. London: Bloomsbury Publishing, 2022, 224 pp.

- Brandišauskas D., *Leaving Footprints in the Taiga: Luck, Spirits and Ambivalence among the Siberian Oroche Reindeer Herders and Hunters*. London: Berghahn, 2019, XIII+291 pp.
- Braverman H., *Labor and Monopoly Capital*. New York: Monthly Review Press, 1974, 475 pp.
- Brednikova O., 'Salfetochkoy ili tapkom? Ili kak klopy svyazany s beznravnstvennostyu' [With a Napkin or a Slipper? Or How Bedbugs Are Connected with Immorality], *Podcast "Bespresedlnaya sotsiologiya" [Sociology Unbound]*, 2021. <<https://podcasters.spotify.com/pod/show/cisr-podcast/episodes/ep-e10s2p7>>. (In Russian).
- Brightman M., Grotti V. E., Ulturgasheva O., 'Animism and Invisible Worlds: The Place of Non-humans in Indigenous Ontologies', Brightman M. et al. (eds.), *Animism in Rainforest and Tundra: Personhood, Animals, Plants and Things in Contemporary Amazonia and Siberia*. New York; Oxford: Berghahn, 2012, pp. 1–28.
- Brondizio E. S., Settle J., Díaz S., Ngo H. T. (eds.), *Global Assessment Report of the Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services*. Bonn: IPBES Secretariat, 2019, 1148 pp.
- Brown N., Buse C., Lewis A., Martin D., Nettleton S., 'Air Care: An "Aerography" of Breath, Buildings and Bugs in the Cystic Fibrosis Clinic', *Sociology of Health and Illness*, 2020, vol. 42, no. 4, pp. 972–986.
doi: 10.1111/1467-9566.13104.
- Broz L., *Evil Spirits and Rocket Debris. In Search of Lost Souls in Siberia*. New York: Berghahn, 2024, 256 pp.
- Burawoy M. et al., *Ethnography Unbound: Power and Resistance in the Modern Metropolis*. Berkeley, CA: University of California Press, 1991, 362 pp.
- Callon M., 'Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay', *The Sociological Review*, 1984, vol. 32, no. 1, pp. 196–233.
doi: 10.1111/j.1467-954X.1984.tb00113.x.
- Carson R., *Silent Spring*. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 1962, 400 pp.
- Chanan M., 'Talking Film with Fredric Jameson: A Conversation with Michael Chanan', Homer S., Kellner D. (eds.), *Fredric Jameson: A Critical Reader*. New York: Palgrave Macmillan, 2004, pp. 125–141.
- Chevallier D., Langlois C., Pujol R., 'A propos d'ethnozoologie', *Terrain. Anthropologie et sciences humaines*, 1988, no. 10, pp. 108–112.
doi: 10.4000/terrain.2935.
- Coetzee J. M., *The Lives of Animals*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999, 133 pp.
- Conklin B. A., *Consuming Grief: Compassionate Cannibalism in an Amazonian Society*. Dallas, TX: University of Texas Press, 2001, 320 pp.
- Cottingham J., "'A Brute to the Brutes?' Descartes' Treatment of Animals", *Philosophy*, 1978, vol. 53, no. 206, pp. 551–559.
- Coppinger R., Coppinger L., *What Is a Dog?* Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2016. XVIII+258 pp.
- Costlow J., Nelson A., *Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010, 336 pp.
- Cox L., *Grayson*. New York: Mariner, 2008, 176 pp.
- Crary A., Gruen L., *Animal Crisis: A New Critical Theory*. New York: Polity Press, 2022, 136 pp.

- Creager A. N. H., 'Model Organisms Unbound', *Journal of the History of Biology*, 2022, vol. 55, no. 1, pp. 21–28. doi: 10.1007/s10739-022-09675-8.
- Cronon W., 'A Place for Stories: Nature, History, and Narrative', *Journal of American History*, 1992, vol. 78, no. 4, pp. 1347–1376.
- Cronon W., 'The Uses of Environmental History', *Environmental History Review*, 1993, vol. 17, no. 3, pp. 1–22. doi: 10.2307/3984602.
- Crutzen P. J., "The "Anthropocene"", Ehlers E., Krafft T. (eds.), *Earth System Science in the Anthropocene*. Berlin; Heidelberg: Springer, 2006, pp. 13–18. doi: doi.org/10.1007/3-540-26590-2_3.
- Cumming G. S., 'Theoretical Frameworks for the Analysis of Social-Ecological Systems', Sakai S., Umetsu C. (eds.), *Social-Ecological Systems in Transition*. Tokyo: Springer, 2014, pp. 3–24.
- Dalziell J., Wadiwel D. J., 'Live Exports, Animal Advocacy, Race and "Animal Nationalism"', Potts A. (ed.), *Meat Culture*. Leiden; Boston, MA: Brill, 2017, pp. 73–89. doi: 10.1163/9789004325852-005.
- Davydov V. N., 'Borba s kishchnikami i povsednevnye praktiki sovremennykh olenevodov: otnosheniya cheloveka i zhivotnykh na Severnom Baykale (po rezultatam polevykh issledovaniy 2007–2012 gg.)' [Predator Control and Everyday Practices of Reindeer Herders Today: Human-Animal Relations in Northern Baikal (based on the 2007–2012 field studies)], Fedorova E. G. (ed.), *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN* [Materials of Field Studies of the Museum of Anthropology of the Russian Academy of Sciences]. St Petersburg: MAE RAS Press, 2013, vol. 12, pp. 23–42. (In Russian).
- Davydov V. N., 'Otnosheniya cheloveka, zhivotnykh i landshafta na severnom Baykale, v Zabaykale i yuzhnoy Yakutii' [Human-Animal Relations in the Historic-Cultural Landscape of Northern Baikal, Zabaikal and Southern Yakutia], Davydov V. N. (ed.), *Sotsialnyye otnosheniya v istoriko-kulturnom landshafte Sibiri* [Social Relations in the Historical and Cultural landscape of Siberia]: A coll. of scientific articles. St Petersburg: MAE RAS Press, 2017, pp. 210–258. (In Russian).
- Davydov V. N., 'Emotsii v otnosheniyakh cheloveka, zhivotnogo i landshafta: issledovanie koralnykh rabot na Taymyr' [Emotions in Human-Animal and Landscape Relations: The Research of Coral Works in Taimyr], *Kunstkamera*, 2018, no. 2, pp. 81–87. (In Russian). doi: 10.31250/2618-8619-2018-2-81-87.
- Davydov V. N., 'Research on Human and Reindeer Relations in Southern Yakutia (Sakha Republic)', *Anthropology and Archeology of Eurasia*, 2017, vol. 56, no. 1–2, pp. 6–31. doi: 10.1080/10611959.2017.1352313.
- Davydov V. N., Klokov K. B., 'Dogs, Reindeer and Humans in Siberia: Threefold Synergetic in the Northern Landscape', Losey R. J., Wishart R. P., Loovers J. P. L. (eds.), *Dogs in the North: Stories of Cooperation and Co-Domestication*. London: Routledge, 2018, pp. 57–72.
- Davydova A., 'Environmental Activism in Russia: Strategies and Prospects', *Center for Strategic and International Struggles*, 2021, March 3. <<https://www.csis.org/analysis/environmental-activism-russia-strategies-and-prospects>>.
- De Bont R., 'Hamster Numbers: Biopolitics and Animal Agency in the Dutch Fields, Circa 1870–Present', *History and Philosophy of the Life Sciences*, 2021, vol. 43, no. 2, pp. 1–25. doi: 10.1007/s40656-021-00398-3.

- De Fontenay É., *Le silence des bêtes. La philosophie à l'épreuve de l'animalité*. Paris: Fayard, 1998, 784 pp.
- De Waal F., *Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are?* New York: W. W. Norton, 2016, 352 pp.
- De Wolff K., 'Plastic Naturecultures: Multispecies Ethnography and the Dangers of Separating Living from Nonliving Bodies', *Body and Society*, 2017, vol. 23, no. 3, pp. 23–47. doi: 10.1177/1357034X17715074.
- DeLanda M., *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London: Bloomsbury, 2006, 160 pp.
- Delort R., *Les animaux ont une histoire*. Paris: Seuil, 1984, 397 pp.
- Demeulenaere É., 'L'anthropologie au-delà de l'anthropos. Un récit par les marges de la discipline', Blanc G., Demeulenaere É., Feuerhahn W. (dirs.), *Humanités environnementales. Enquêtes et contre-enquêtes*. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2017, pp. 43–73.
- Derrida J., *The Animal That Therefore I Am*, trans. by D. Wills. New York: Fordham University Press, 2008, 176 pp.
- Descola P., 'Le déterminisme famélique', Cadoret A. (dir.), *Chasser le naturel...* Paris: Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales, 1988, pp. 121–136.
- Descola P., *Par-delà nature et culture*. Paris: Gallimard, 2006, 640 pp.
- Despret V., *What Would Animals Say If We Asked the Right Questions?* Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2016, 280 pp.
- Digard J.-P., *L'homme et les animaux domestiques: anthropologie d'une passion*. Paris: Fayard, 1990, 325 pp.
- Dolbee S., *Locusts of Power: Borders, Empire, and Environment in the Modern Middle East*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023, 336 pp.
- Donaldson S., Kymlicka W., *Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights*. Oxford: Oxford University Press, 2011, 329 pp.
- Donati K., "'Herding Is His Favourite Thing in the World": Convivial World-making on a Multispecies Farm', *Journal of Rural Studies*, 2019, vol. 66, pp. 119–129. doi: 10.1016/j.jrurstud.2018.12.008.
- Douglas M., *Purity and Danger. An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. London: Routledge; Kegan Paul, 1966, 196 pp.
- Dutkiewicz J., Rosenberg G. N., 'Why Right-Wingers Are So Afraid of Men Eating Vegetables', *The New Republic*, 2023, April 17. <<https://newrepublic.com/article/171781/meat-culture-war-cricket>>.
- Eagleton T., *Materialism*. New Haven, CT: Yale University Press, 2017, 192 pp.
- Ekshtut S. A., "'Zhuzhu, kudryavaya bolonka". Komnatnaya sobachka i lyubovnyy byt epokhi' ["Zhuzhu, Curly-haired Lapdog". Lapdog and the Love Life of the Epoch], Ekshtut S. A., *Bitvy za khram Mnemosiny* [Battles for the Temple of Mnemosyne]. St Petersburg: Aleteya, 2003, pp. 211–225. (In Russian).
- Elhacham E., Ben-Uri L., Grozovski J., Bar-On Y. M., Milo R., 'Global Human-made Mass Exceeds All Living Biomass', *Nature*, 2020, vol. 588, pp. 442–444. doi: 10.1038/s41586-020-3010-5.
- Emery N., *Bird Brain: An Exploration of Avian Intelligence*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016, 192 pp.
- Evans-Pritchard E. E., *The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*. Oxford: Clarendon Press, 1940, VIII+271 pp.

- Evtuhov C., Lajus J., Moon D. (eds.), *Thinking Russia's History Environmentally*. New York; Oxford: Berghahn, 2023, 344 pp.
- Fais-Leutskaia O. D., Novik A. A. (eds.), 'Spetsvyпуск: Rasteniya v kulture narodov Yevrazii: ot magii k resursu' [Special Theme of the Issue: Plants in the Culture of Peoples of Eurasia: From Magic to Resource], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 5, pp. 5–83. (In Russian).
- Fedotova A. A., Zharova E. Yu., 'Zhizn sredi chuchel: biografiya prakticheskogo zoologa Avgustusa Shusterusa' [Of Bison and Taxidermy: Biography of a Practical Zoologist Augustus Szusterus], *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 62, pp. 312–346. (In Russian).
doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-62-312-346.
- Ferret C., 'Éducation des enfants et dressage des chevaux. Des analogies aux modes d'action', Aigle D., Charleux I., Goossaert V., Hamayon R. (dirs.), *Miscellanea Asiatica. Mélanges en l'honneur de Françoise Aubin / Festschrift in Honour of Françoise Aubin*. St Augustin: Steyler Verlag; Institut Monumenta Serica, 2010, pp. 141–172.
- Ferret C., 'Hippophiles et hippophages', *Anthropozoologica*, 2010, vol. 45, no. 1, pp. 115–135. doi: 10.5252/az2010n1a8.
- Ferret C., 'Vers une anthropologie de l'action: André-Georges Haudricourt et l'efficacité technique', *L'Homme. Revue française d'anthropologie*, 2012, no. 202, pp. 113–139. doi: 10.4000/lhomme.23041.
- Ferret C., 'Towards an Anthropology of Action: From Pastoral Techniques to Modes of Action', *Journal of Material Culture*, 2014, vol. 19, no. 3, pp. 279–302. doi: 10.1177/1359183514540065.
- Fischer J. R., *Cattle Colonialism: An Environmental History of the Conquest of California and Hawai'i*. Chapel Hill, NC: UNC Press Books, 2015, XIV+266 pp.
- Fish A., *Oceaning: Governing Marine Life with Drones*. Durham, NC: Duke University Press, 2024, 248 pp.
- 'Forum: V poiskakh detskoj subyektности' [Forum: Children as Subjects], *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 42, pp. 9–106. (In Russian).
doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-42-9-106.
- Fudge E., 'A Left-Handed Blow: Writing the History of Animals', Rothfels N. (ed.), *Representing Animals*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2002, pp. 3–18.
- Gale G., *Dying on the Vine: How Phylloxera Transformed Wine*. Berkeley, CA: University of California Press, 2011, 336 pp.
- Gigliotti C., *The Creative Lives of Animals*. New York: NYU Press, 2022, 289 pp.
- Gillespie K., *The Cow with Ear Tag #1389*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2018, 259 pp.
- Gillespie K., 'For a Politicized Multispecies Ethnography: Reflections on a Feminist Geographic Pedagogical Experiment', *Politics and Animals*, 2019, vol. 5, pp. 17–32.
- Gillespie K., Castro A., DeBruin J., Ferguson K., 'Studying Other Species: Understanding the Webs of Living', *disClosure: A Journal of Social Theory*, 2022, vol. 30, no. 1, article 11.
- Gillespie K., Collard R.-C., *Critical Animal Geographies: Politics, Intersections, and Hierarchies in a Multispecies World*. Abingdon; Oxon; New York: Routledge, 2015, 235 pp.

- Giraud E., *What Comes After Entanglement?: Activism, Anthropocentrism, and an Ethics of Exclusion*. Durham, NC: Duke University Press, 2019, IX+182 pp.
- Godelier M., *L'idéel et le matériel: pensée, économies, sociétés*. Paris: Fayard, 1984, 348 pp.
- Goodall J., *In the Shadow of Man*, 50th anniversary ed. New York: Mariner, 2010, 400 pp.
- Govindrajan R., *Animal Intimacies: Interspecies Relatedness in India's Central Himalayas*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2018, 256 pp.
- Graeber D., 'It Is Value That Brings Universes into Being', *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2013, vol. 3, no. 2, pp. 219–243. doi: 10.14318/hau3.2.012.
- Grossetti M., 'Les limites de la symétrie. À propos de l'ouvrage de Bruno Latour "Changer de société. Refaire de la Sociologie"', Paris: La Découverte, 2006', *SociologieS*, 2007. <<http://journals.openedition.org/sociologies/712>>.
- Guillo D., 'What Is the Place of Animals in the Social Sciences?', *Revue française de sociologie*, 2015, vol. 56, no. 1, pp. 135–163.
- Gvozdkov D. S., 'My-alfa: k modeli sotsialnoy organizatsii sobaki i cheloveka' [We-Alpha: Toward a Model of Social Organization of the Dog and Human], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 4, pp. 44–56. (In Russian). doi: 10.31857/S086954150000401-1.
- H-UTokyo Lab. Society 5.0. A People-centric Super-smart Society*. Singapore: Springer, 2020. XX+189 pp.
- Haider A., *Mistaken Identity: Mass Movements and Racial Ideology*. London: Verso, 2018, 146 pp.
- Hamayon R., *La chasse à l'âme: esquisse d'une théorie du chamanisme sibérien*. Nanterre: Société d'ethnologie, 1990, 878 pp.
- Haraway D., 'Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective', *Feminist Studies*, 1988, vol. 14, no. 3, pp. 575–599.
- Haraway D., 'Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century', Haraway D., *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge, 1991, pp. 149–181.
- Haraway D., *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness*. Chicago, IL: Prickly Paradigm Press. 2003, 65 pp.
- Haraway D., *When Species Meet*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2008, 423 pp.
- Haraway D., *Staying With The Trouble: Making Kin in the Chthulucene*. Durham, NC; London: Duke University Press, 2016, XV+296 pp.
- Harman G., *Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects*. Chicago, IL; La Salle, IL: Open Court, 2002, 256 pp.
- Harman G., *Guerilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things*. Chicago, IL: Open Court, 2005, 296 pp.
- Harman G., *The Quadruple Object*. Winchester, U.K.; Washington, D.C.: Zero Books, 2011, VII+148 pp.
- Harman G., *Object-Oriented Ontology: A New Theory Of Everything*. London: Penguin Random House, 2018, 295 pp.
- Hartigan Jr J., *Shaving the Beasts: Wild Horses and Ritual in Spain*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2020, 312 pp.

- Haudricourt A.-G., 'Domestication des animaux, culture des plantes et traitement d'autrui', *L'Homme. Revue française d'anthropologie*, 1962, no. 2, pp. 40–50.
- Helfant I., *That Savage Gaze: Wolves in the Nineteenth-Century Russian Imagination*. Boston, MA: Academic Studies Press, 2018, XXVI+174 pp.
- Helmreich S., *A Book of Waves*. Durham, NC: Duke University Press, 2023, 432 pp.
- Herzog H., 'The Impact of Pets on Human Health and Psychological Well-being: Fact, Fiction or Hypothesis?', *Current Directions in Psychological Science*, 2011, vol. 20, no. 4, pp. 236–239. doi: 10.1177/0963721411415220.
- Hetherington K., *The Government of Beans: Regulating Life in the Age of Monocrops*. Durham, NC: Duke University Press, 2020, 296 pp.
- Hobhouse H., *Seeds of Change: Five Plants That Transformed Mankind*. London: Sidgwick & Jackson, 1985, 245 pp.
- Holbraad M., 'The Shapes of Relations: Anthropology as Conceptual Morphology', *Philosophy of the Social Sciences*, 2020, vol. 50, no 6, pp. 495–522. doi: 10.1177/0048393120917917.
- Holbraad M., Pedersen M. A., Viveiros de Castro E., "'The Politics of Ontology: Anthropological Positions", Theorizing the Contemporary', *Fieldsights, Cultural Anthropology*, 2014. <<https://culanth.org/fieldsights/the-politics-of-ontology-anthropological-positions>>.
- Hobgood-Oster L., *The Friends We Keep: Unleashing Christianity's Compassion to Animals*. Waco: Baylor University Press, 2010, 245 pp.
- Holden C. J., Herzog H., 'Featherless Chickens and Puppies that Glow in the Dark: Moral Heuristics and the Concept of Animal "Naturalness"', Dhont K., Hodson G. (eds.), *Why We Love and Exploit Animals*. London: Routledge, 2020, pp. 137–153.
- Ingold T., *The Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling and Skill*. London: Routledge, 2000, 465 pp.
- Isenberg A. C., *The Destruction of the Bison: An Environmental History, 1750–1920*. New York: Cambridge University Press, 2000, 218 pp.
- Ivanov V. V., *Ot bukvy i sloga k ieroglifu: sistemy pisma v prostranstve i vremeni* [From Letter and Syllable to Character: Writing Systems in Space and Time], 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2016, 272 pp. (In Russian).
- Jacobs N. J., *Birders of Africa: History of a Network*. New Haven, CT: Yale University Press, 2016, XIII+325 pp.
- Jameson F., *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, NC: Duke University Press, 1990, 461 pp.
- Jones S., 'Becoming a Pest: Prairie Dog Ecology and the Human Economy in the Euroamerican West', *Environmental History*, 1999, vol. 22, no. 4, pp. 531–552. doi: 10.2307/3985400.
- Hobhouse H., *Seeds of Change: Five Plants That Transformed Mankind*. London: Sidgwick & Jackson, 1985, 245 pp.
- Kalinin I., 'Tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola: semioticheskaya model kulture / kulturnaya model semiotiki' [The Tartu-Moscow School of Semiotics: Semiotic Model of Culture / Cultural Model of Semiotics], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2009, no. 4 (98), pp. 27–55. (In Russian).

- Kean H., Howell P. (eds.), *The Routledge Companion to Animal-Human History*. London: Routledge, 2019, 560 pp.
- Keck F., *Avian Reservoirs: Virus Hunters and Bird Watchers in Chinese Sentinel Posts*. Durham, NC: Duke University Press, 2020, 256 pp.
- Kimmerer R. W., *Braiding Sweetgrass: Indigenous Wisdom, Scientific Knowledge, and the Teachings of Plants*. Minneapolis, MN: Milkweed Editions, 2015, 408 pp.
- Kirksey E. (ed.), *The Multispecies Salon*. Durham, NC; London: Duke University Press, 2014, 328 pp.
- Kirksey S. E., Helmreich S., 'The Emergence of Multispecies Ethnography', *Cultural Anthropology*, 2010, vol. 25, no. 4, pp. 545–576.
doi: 10.1111/j.1548-1360.2010.01069.x.
- Klokov K. B., Davydov V. N., 'Human-Dog-Reindeer Communities in the Siberian Arctic and Subarctic', Stépanoff C., Vigne J.-D. (eds.), *Hybrid Communities: Biosocial Approaches to Domestication and Other Trans-Species Relationships*. London: Taylor & Francis, 2019, pp. 261–274.
- Kohler R. E., *Lords of the Fly: Drosophila Genetics and the Experimental Life*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1994, XV+321 pp.
- Kohn E., *How Forests Think: Toward an Anthropology beyond the Human*. Berkeley, CA: University of California Press, 2013, 288 pp.
- Kohn E., 'Anthropology of Ontologies', *Annual Review of Anthropology*, 2015, vol. 44, no. 1, pp. 311–327. doi: 10.1146/annurev-anthro-102214-014127.
- Kolbert E., *The Sixth Extinction: An Unnatural History*. New York: Picador, 2014, XIII+319 pp.
- Kopnina H., 'Beyond Multispecies Ethnography: Engaging with Violence and Animal Rights in Anthropology', *Critique of Anthropology*, 2017, vol. 37, no 3, pp. 333–357. doi: 10.1177/0308275X17723973.
- Korshunkov V. A., *Anima. Otnoshenie k domashnim zivotnym v Rossii* [Anima. Attitude towards Pets in Russia]. Moscow: Neolit, 2022, 360 pp. (In Russian).
- Kosek J., 'Ecologies of Empire: On the New Uses of the Honeybee', *Cultural Anthropology*, 2010, vol. 25, no. 4, pp. 650–678.
doi: 10.1111/j.1548-1360.2010.01073.x.
- Kosek J., 'Industrial Materials: Labor, Landscapes, and the Industrial Honey Bee', Besky S., Blanchette A. (eds.), *How Nature Works: Rethinking Labor on a Troubled Planet*. Albuquerque, NM: University of New Mexico, 2019, pp. 149–168. (SAR Press Advanced Seminar Series).
- Kosheleva O. E., 'Vypas... na Nevskom (korovy i kozy kak atribut peterburgskikh ulits)' [Pasture... on Nevsky (Cows and Goats as an Attribute of St Petersburg Streets)], *Rodina*, 2003, no. 1, pp. 116–117. (In Russian).
- Kowal E., *Haunting Biology: Science and Indigeneity in Australia*. Durham, NC: Duke University Press, 2023, 264 pp.
- Kowalczyk R., 'Panie Premierze, jak żyć w miejscu, które za chwilę stanie się militarną fortyfikacją?', *Wyborcza.pl*, 2024, 31 maja. <<https://wyborcza.pl/7,162657,31021957,panie-premierze-jak-zyc-w-miejscu-ktore-za-chwile-stanie-sie.html>>.
- Kozhevnikova M. (ed.), *Spetsvypusk: Zoo-povorot v antropologii* [Special Theme of the Issue: "Animal Turn" in Anthropology], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 1, pp. 5–75. (In Russian).

- Kraikovski A., 'A Review of Ryan Tucker Jones, *Red Leviathan: The Secret History of Soviet Whaling*. Chicago, IL; London: University of Chicago Press, 2022, 269 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 62, pp. 377–384. (In Russian). doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-62-377-384.
- Krylova K., *Rynok udobnykh zhivotnykh* [Handy Animal Market]. Moscow: NLO, 2023, 408 pp. (In Russian).
- Kull K., 'On the Concept of Meaning in Biology', Corning P. A., Kauffman S. A., Noble D., Shapiro J. A., Vane-Wright R. I., Pross A. (eds.), *Evolution "On Purpose": Teleonomy in Living Systems*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2023, pp. 161–174.
- Kull K., Deacon T., Emmeche C., Hoffmeyer J., Stjernfelt F., 'Theses on Biosemiotics: Prolegomena to a Theoretical Biology', *Biological Theory*, 2009, vol. 4, no. 2, pp. 167–173. doi: 10.1162/biot.2009.4.2.167.
- Latimer J., 'Being Alongside: Rethinking Relations Amongst Different Kinds', *Theory, Culture and Society*, 2013, vol. 30, no. 7–8, pp. 77–104.
- Latour B., *Nous n'avons jamais été modernes. Essai d'anthropologie symétrique*. Paris: Editions La Découverte, 1991, 211 pp.
- Latour B., *Pandora's Hope: Essay on the Reality of Science Studies*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1999, 324 pp.
- Latour B., *Politiques de la nature. Comment faire entrer les sciences en démocratie*. Paris: Editions La Découverte, 1999, 383 pp.
- Latour B., *Changer de société, refaire de la sociologie*. Paris: Editions La Découverte, 2006, 400 pp.
- Latour B., 'Biography of an Inquiry: On a Book about Modes of Existence', *Social Studies of Science*, 2013, vol. 43, no. 2, pp. 287–301.
- Latour B., 'Anthropology at the Time of the Anthropocene: A Personal View of What Is to Be Studied', Brightman M., Lewis J. (eds.), *The Anthropology of Sustainability. Palgrave Studies in Anthropology of Sustainability*. New York: Palgrave Macmillan, 2017, pp. 35–49. doi: 10.1057/978-1-137-56636-2_2.
- Latour B., Woolgar S., *Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979, 294 pp.
- Leopold A., *A Sand County Almanac and Sketches Here and There*. New York: Oxford University Press, 2020, 240 pp.
- Lesjak C., 'History, Narrative, and Realism: Jameson's Search for a Method', Irr C., Buchanan I. (eds.), *On Jameson. From Postmodernism to Globalization*. New York: State University of New York Press, 2006, pp. 27–50.
- Lévi-Strauss C., *Tristes tropiques*. Paris: Librairie Plon, 1955, 381 pp.
- Lévi-Strauss C., *La Pensée sauvage*. Paris: Librairie Plon, 1962, II+395 pp.
- Lévi-Strauss C., *Le Totémisme aujourd'hui*. Paris: P.U.F., 1962, 155 pp.
- Lewin E. (ed.), *Feminist Anthropology: A Reader*. New York: Wiley-Blackwell, 2006, 480 pp.
- Lewis S. L., Maslin M. A., 'Defining the Anthropocene', *Nature*, 2015, vol. 519, pp. 171–180. doi: 10.1038/nature14258.
- Li M. T., Semedi P., *Plantation Life: Corporate Occupation in Indonesia's Oil Palm Zone*. Durham, NC; London: Duke University Press, 2021, 256 pp.

- Lieberman P., *Uniquely Human: The Evolution of Speech, Thought and Selfless Behaviour*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991, 210 pp.
- Lien M. E., *Becoming Salmon: Aquaculture and the Domestication of a Fish*. Berkeley, CA: University of California Press, 2015, 232 pp.
- Lindstrøm T., 'Agency "in Itself". A Discussion of Inanimate, Animal and Human Agency', *Archaeological Dialogues*, 2015, vol. 22, no. 2, pp. 207–238. doi: 10.1017/S1380203815000264.
- Lockwood A., 'The Affective Legacy of "Silent Spring"', *Environmental Humanities*, 2012, no. 1, pp. 123–140. doi: 10.1215/22011919-3610003.
- Lynch M. E., 'Sacrifice and the Transformation of the Animal Body into a Scientific Object: Laboratory Culture and Ritual Practice', *Social Studies of Science*, 1988, vol. 18, pp. 265–289. doi: 10.1177/030631288018002004.
- Manceron V., 'Exil ou agentivité? Ce que l'anthropologie fabrique avec les animaux', *L'Année sociologique*, 2016, vol. 66, no. 2, pp. 279–298. doi: 10.3917/anso.162.0279.
- Marchina C., *Nomadic Pastoralism among the Mongol Herders: Multispecies and Spatial Ethnography in Mongolia and Transbaikalia*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021, XX+178 pp.
- Márquez-Osuna A., *Innovation in the Tropics: The Persistence of Beekeeping Knowledge in the Yucatán Peninsula, 1780–1950*: PhD diss., Harvard University. Cambridge, MA, 2023, 248 pp.
- Marx K., *Das Kapital: Kritik der politischen Oekonomie. Buch I: Der Produktionsprozess des Kapitals*. Hamburg: Meissner, 1867, 784 SS.
- Matusovskiy A. A., 'Pitomtsey indigennykh grupp Amazonii i Orinokii: otnosheniya mezhdru lyudmi i zhivotnymi' [Pets of Indigenous Groups of Amazonia and Orinocia: Relationships between Humans and Animals], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 4, pp. 26–43. (In Russian). doi: 10.31857/S086954150000399-8.
- McLaurin I. (ed.), *Black Feminist Anthropology: Theory, Politics, Praxis, and Poetics*. New York: Routledge, 2001, 290 pp.
- McNeur C., *Taming Manhattan: Environmental Battles in the Antebellum City*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014, 312 pp.
- McWeeny J., 'Sounding Depth with the North Atlantic Right Whale and Merleau-Ponty: An Exercise in Comparative Phenomenology', *Journal for Critical Animal Studies*, 2011, vol. 9, no. 1–2, pp. 144–166.
- Meijer E., *When Animals Speak: Toward an Interspecies Democracy*. New York: New York University Press, 2019, 304 pp.
- Merleau-Ponty M., *Phénoménologie de la perception*. Paris: Gallimard, 1945, XVI+531 pp.
- Merz A., 'Hand-Raising a Rhino in the Wild', Armstrong S. J., Botzler R. G., *The Animal Ethics Reader*. New York: Routledge, 2008, pp. 554–556.
- Mondry H., *Political Animals: Representing Dogs in Modern Russian Culture*. Amsterdam: Brill, 2015, 432 pp.
- Mondry H., 'Selecting Candidates for De-extinction and Resurrection: Mammoths, Lenin's Tomb and Neo-Eurasianism', *Animal Studies Journal*, 2017, vol. 6, no. 1, pp. 12–39.
- Mondry H., *Embodied Differences: The Jew's Body and Materiality*. Boston, MA: Academic Studies Press, 2021, 234+XXII pp.

- Moore A., 'Working Together to Restore the Reef: Naturalizing Corporate Forms of Coral, Labor, and Responsibility. Theorizing the Contemporary', *Fieldsights*, 2018, July 29. <<https://culanth.org/fieldsights/working-together-to-restore-the-reef-naturalizing-corporate-forms-of-coral-labor-and-responsibility>>.
- Moore J., *Capitalism in the Web of Life*. New York: Verso, 2015, 336 pp.
- Morard A., 'Odomashnit Inogo: pokaz monstrov v Rossii' [Domesticating the Other: Monster Shows in Russia], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no. 143 (1), pp. 215–232. (In Russian).
- Morgan L. H., *The American Beaver and His Works*. Philadelphia, PA: J. B. Lippincott and Cie, 1868, 330 pp.
- Morton T., *Humankind: Solidarity with Nonhuman People*. London; New York: Verso, 2017, 224 pp.
- Mullin M., 'Mirrors and Windows: Sociocultural Studies of Human-Animal Relationships', *Annual Review of Anthropology*, 1999, vol. 28, pp. 201–224.
- Nading A. M., *Mosquito Trails: Ecology, Health, and the Politics of Entanglement*. Oakland, CA: University of California Press, 2014, 288 pp.
- Nance S. (ed.), *The Historical Animal*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2015, IX+405 pp.
- Novick T., *Milk and Honey: Technologies of Plenty in the Making of a Holy Land*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2023, 262 pp.
- Nölle J., Hartmann S., Tinitis P., 'Language Evolution Research in the Year 2020: A Survey of New Directions', *Language Dynamics and Change*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3–26. doi: 10.1163/22105832-bja10005.
- O'Gorman E., Gaynor A., 'More-Than-Human Histories', *Environmental History*, 2020, vol. 25, no. 4, pp. 711–735. doi: 10.1093/envhis/ema027.
- Oehler A., 'Introduction', Oehler A., Varfolomeeva A. (eds.), *Multispecies Households in the Saian Mountains: Ecology at the Russia-Mongolia Border*. Cheltenham: Lexington Books, 2019, pp. XI–XXIV.
- Oehler A., *Beyond Wild and Tame: Soiot Encounters in a Sentient Landscape*. New York: Berghahn, 2020, 214 pp.
- Oehler A., Varfolomeeva A. (eds.), *Multispecies Households in the Saian Mountains: Ecology at the Russia-Mongolia Border*. Cheltenham: Lexington Books, 2019, 296 pp.
- Ogden L. A., Hall B., Tanita K., 'Animals, Plants, People, and Things. A Review of Multispecies Ethnography', *Environment and Society*, 2013, vol. 4, no. 1, pp. 5–24. doi: 10.3167/ares.2013.040102.
- Olmstead A. L., Rhode P. W., *Creating Abundance: Biological Innovation and American Agricultural Development*. New York: Cambridge University Press, 2008, 467 pp.
- Onaga L., Douny L. (eds.), 'Special Issue: Making Animal Materials in Time', *Historical Studies in the Natural Sciences*, 2023, vol. 53, no. 3, pp. 197–348. doi: 10.1525/hsns.2023.53.3.197.
- Opie J., 'Environmental History: Pitfalls and Opportunities', *Environmental Review*, 1983, no. 7, pp. 8–16. doi: 10.2307/envrev/7.1.8.
- Pachirat T., *Every Twelve Seconds: Industrialized Slaughter and the Politics of Sight*. New Haven, CT: Yale University Press, 2011, 320 pp.

- Painter C., Lotz C. (eds.), *Phenomenology and the Non-Human Animal: At the Limits of Experience*. New York: Springer, 2007, 172 pp.
- Panov E. N., *Paradoks nepreryvnosti: yazykovoy rubikon: o nepreodolimoy propasti mezhdru kommunikatsiy u zhivotnykh i yazykom cheloveka* [Antinomy of Continuity: The Lingual Rubicon: On Impassable Gulf between Human Language and Animal Communication]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2012, 456 pp. (In Russian).
- Panov E. N., *Znaki, simvoly, yazyki: kommunikatsiya v tsarstve zhivotnykh i v mire lyudey* [Signs, Symbols, Languages: Communication in Animal Kingdom and in Human World], 7th ed. Moscow: URSS, 2017, 502 pp. (In Russian).
- Parreñas J., *Decolonizing Extinction: The Work of Care in Orangutan Rehabilitation*. Durham, NC: Duke University Press, 2018, 288 pp.
- Peemot V. S., *The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Saian Mountains*. London; New York: Berghahn, 2024, 210 pp.
- Pepperberg I., *Alex & Me: How a Scientists and a Parrot Discovered a Hidden World of Animal Intelligence — and Formed a Deep Bond in the Process*. New York: Harper, 2009, 232 pp.
- Peshkovskiy A. M., *Obyektivnaya i normativnaya tochka zreniya na yazyk* [The Prescriptive and Objective Consideration of Language]. Moscow: LIBROKOM, 2019, 190 pp. (In Russian).
- Petryakov S., 'A Review of Alex Blanchette, *Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm*. Durham, NC: Duke University Press, 2020, 320 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 60, pp. 226–239. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-60-226-239. (In Russian).
- Phillips R. C., Phillips W. D. Jr, *Spain's Golden Fleece: Wool Production and the Wool Trade from the Middle Ages to the Nineteenth Century*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1997, 464 pp.
- Philo C., Wilbert C., *Animal Spaces, Beastly Places: New Geographies of Human-Animal Relations*. London; New York: Routledge, 2000, 325 pp.
- Pink S., 'Dirty Laundry. Everyday Practice, Sensory Engagement and the Constitution of Identity', *Social Anthropology*, 2011, vol. 13, no. 3, pp. 275–290. doi: 10.1111/j.1469-8676.2005.tb00391.x.
- Plumwood V., 'Human Vulnerability and the Experience of Being Prey', *Quadrant*, 1995, vol. 39, no. 3, pp. 29–34.
- Pollan M., *The Botany of Desire: A Plant's-Eye View of the World*. New York: Random House, 2001, 271 pp.
- Pollan M., *The Omnivore's Dilemma: A Natural History of Four Meals*. New York: Penguin Press, 2006, 450 pp.
- Porcher J., 'The Work of Animals: A Challenge for Social Sciences', *Humanimalia — Journal of Human / Animal Interface Studies*, 2014, vol. 6, no. 1, pp. 1–9. doi: 10.52537/humanimalia.9925.
- Povinelli E., *Labor's Lot: The Power, History, and Culture of Aboriginal Action*. Chicago, IL: Chicago University Press, 1994, 339 pp.
- Povinelli E., *Geontologies: A Requiem to Late Liberalism*. Durham, NC; London: Duke University Press, 2016, 232 pp.
- Povinelli E., 'Ancestors Forever!', Vidokle A., *Citizens of the Cosmos*. Boston, MA: The MIT Press; Sternberg Press, 2024, pp. 54–61.

- Praet I., 'The Global Biosphere and Its Metaphysical Underpinnings: Ecumenical Alternatives in Animism and Astrobiology', *Sociologus*, 2021, vol. 71, no. 1, pp. 55–72. doi: 10.3790/soc.71.1.55.
- Pujol R., 'Liste des mémoires d'ethnozoologie présentés au laboratoire d'ethnologie-biogéographie du Muséum national d'Histoire naturelle de 1985 à 1988', *Anthropozoologica*, 1990, no. 12, pp. 38–41.
- Pujol R., Laurans R., *L'Homme et l'animal: premier colloque d'ethnozoologie*. Paris: Institut international d'ethnoscience, 1975, 644 pp.
- Raffles H., *Insectopedia*. New York: Pantheon Books, 2010, 480 pp.
- Rakhmanova L. Ya., Davydova E. A., Davydov V. N., 'Novye tekhnologii zaboya i ikh "poslevkusie": biografii oleney, myasa i krovi v Arktike' [New Slaughter Technologies and Their "Aftertaste": Biographies of Reindeer, Meat and Blood in the Arctic], *Siberian Historical Research — Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya*, 2022, no. 2, pp. 181–206. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/10.
- Ramirez J. I., Kuijper D. P. J., Olofsson J., Smit C., Hofmeester T. R., Siewert M. B., Widemo F., Cromsigt J. P. G. M., 'Applied Ecology of Fear: A Meta-analysis on the Potential of Facilitating Human-Wildlife Coexistence Through Nonlethal Tools', *Ecological Solutions and Evidence*, 2024, vol. 5, article e12322. doi: 10.1002/2688-8319.12322.
- Rémy C., 'Agir avec l'animal. Pour une approche ethnographique des relations hybrides', *L'Année sociologique*, 2016, vol. 66, no. 2, pp. 299–318.
- Reno J., 'Toward a New Theory of Waste: From "Matter Out of Place" to Signs of Life', *Theory, Culture and Society*, 2014, vol. 31, no. 6, pp. 3–27. doi: 10.1177/0263276413500999.
- Richardson K., 'Technological Animism: The Uncanny Personhood of Humanoid Machines', Swancutt K., Mazard M. (eds.), *Animism Beyond the Soul*. New York; Oxford: Berghahn, 2018, pp. 110–128.
- Ritvo H., *The Animal Estate: The English and Other Creatures in the Victorian Age*. London; Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987, 368 pp.
- Ritvo H., *The Platypus and the Mermaid and Other Figments of the Classifying Imagination*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997, XIV+288 pp.
- Robichaud A. A., *Animal City: The Domestication of America*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019, 352 pp.
- Robinson M., 'Veganism and Mi'kmaq Legends', *The Canadian Journal of Native Studies*, 2013, vol. 33, no. 1, pp. 189–196.
- Robinson D. G., Draguhn A., 'Plants Have Neither Synapses Nor a Nervous System', *Journal of Plant Physiology*, 2021, vol. 263, article 153467. doi: 10.1016/j.jplph.2021.153467.
- Rogers L., *Minds of Their Own: Thinking and Awareness in Animals*. New York; London: Routledge, 1998, 222 pp.
- Roman J., *Eat, Poop, Die: How Animals Make Our World*. New York; Boston; London: Little, Brown Spark, 2023, ePub ed.
- Rosenberg G., 'How Meat Changed Sex: The Law of Interspecies Intimacy after Industrial Reproduction', *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 473–507. doi: 10.1215/10642684-4157487.
- Rossiianov K. O., 'V poiskakh obyektivnosti: issledovaniya N. N. Ladyginoi-Kots i problema razgranicheniya lyudey i zhivotnykh' [In Search of

- Objectivity: The Work of N. N. Ladygina-Kohts and the Problem of the Human-Animal Boundary], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 1, pp. 13–29. (In Russian). doi: 10.31857/S086954150013591-0.
- Russell E., *Greyhound Nation: A Coevolutionary History of England, 1200–1900*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 214 pp.
- Rykov A. V., ‘Teoriya iskusstva postmodernizma Frederika Dzheymisona. Problemy sotsiologii iskusstva [Fredric Jameson’s Theory of Art of Postmodernism. Problems of Sociology of Art], Rykov A. V., *Postmodernizm kak “radikalnyy konservatizm”* [Postmodernism as “Radical Conservatism”]. St Petersburg: Aleteya, 2007, pp. 325–348. (In Russian).
- Salt H., *Animal’s Rights Considered in Relation to Social Progress* [1892]. Clarks Summit, PA: Society for Animal Rights; Fontwell, Sussex: Centaur Press; State Mutual Book, 1985, 51 pp.
- Samojlik T., Fedotova A., Daszkiewicz P., Rotherham I. D., *Białowieża Forest in the Nineteenth Century: Nature and Culture*. Cham: Springer, 2020, 223 pp.
- Sanbonmatsu J., ‘Introduction’, Sanbonmatsu J. (ed.), *Critical Theory and Animal Liberation*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2011, pp. 1–34.
- Schiebinger L., ‘Why Mammals Are Called Mammals: Gender Politics in Eighteenth-Century Natural History’, *American Historical Review*, 1993, vol. 98, no. 2, pp. 382–411. doi: 10.2307/2166840.
- Schrock R., ‘The Methodological Imperatives of Feminist Ethnography’, *Journal of Feminist Scholarship*, 2013, vol. 5, no. 5, pp. 48–60.
- Segundo-Ortin M., Paco C., ‘Plant Sentience? Between Romanticism and Denial’, *Animal Sentience*, 2023, vol. 33, no. 1, pp. 1–32. doi: 10.51291/2377-7478.1772.
- Semigin G. Yu., ‘Ideologiya’ [Ideology], *Novaya filosofskaya entsiklopediya: internet-versiya izdaniya*. Moscow: IF RAN, 2018. <<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHbb6fc2dd8032798c2096bb>>. (In Russian).
- Shapiro B., *How to Clone a Mammoth: The Science of De-extinction*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015, 220 pp.
- Shaw D. G., ‘The Torturer’s Horse: Agency and Animals in History’, *History and Theory*, 2013, vol. 52, no. 4, pp. 146–167. doi: 10.1111/hith.10691.
- Shaw D. M., Wangmo T., Elger B. S., ‘Conducting Ethics Research in Prison: Why, Who, and What?’, *Bioethical Inquiry*, 2014, vol. 11, pp. 275–278. doi: 10.1007/s11673-014-9559-7.
- Shklovsky V., *Theory of Prose*, trans. by B. Sher. Elmwood Park, IL: Dalkey Archive Press, 1990, 216 pp.
- Shmueley S., *The Bureaucracy of Empathy: Law, Vivisection, and Animal Pain in Late Nineteenth-Century Britain*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2023, 270 pp.
- Silkenat D., *Scars on the Land: An Environmental History of Slavery in the American South*. New York: Oxford University Press, 2022, 272 pp.
- Simons J., *Animal Rights and the Politics of Literary Representation*. London: Palgrave, 2002, XII+218 pp.
- Singer P., *Animal Liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals*. New York: Avon Books, 1975, XIX+297 pp.

- Sivkov D., 'Ontologicheskii povorot v antropologii i tekhnologicheskie izmeneniya v indigennom kollektive' [The Ontological Turn in Anthropology and Technological Change in the Indigenous Collective], *Logos*, 2022, no. 2, pp. 193–225. (In Russian).
- Smuts B., 'Reflections', Armstrong S. J., Botzler R. G. (eds.), *The Animal Ethics Reader*. New York: Routledge, 2008, pp. 84–87.
- Sokolovskiy S. V., 'Telo kiborga: chelovek i kontseptsiya rasshirennogo organizma' [Cyborg Body: Humans in Theories of Extended Organisms], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2022, no. 2, pp. 6–26. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/1.
- Sorenson J., *Critical Animal Studies: Thinking the Unthinkable*. Toronto: Canadian Scholars Press, 2014, 346 pp.
- Stallybrass P., 'Marx's Coat', Spyer P. (ed.), *Border Fetishisms: Material Objects in Unstable Spaces*. London: Routledge, 1998, pp. 183–207.
- Stammler F. M., Ivanova A., 'From Spirits to Conspiracy? Nomadic Perceptions of Climate Change, Pandemics and Disease', *Anthropology Today*, 2020, vol. 36, no. 4, pp. 8–12. doi: 10.1111/1467-8322.12589.
- Stépanoff C., Vigne J.-D., 'Introduction', Stépanoff C., Vigne J.-D. (eds.), *Hybrid Communities: Biosocial Approaches to Domestication and Other Trans-species Relationships*. London; New York: Routledge, 2019, pp. 1–20.
- Strathern M., *After Nature: English Kinship in the Late Twentieth Century*. New York: Cambridge University Press, 1992, XVIII+240 pp.
- Sturgeon T., *More Than Human*. New York: Farrar, Straus & Young, 1953, 233 pp.
- Sutter P., 'The World with Us: The State of American Environmental History', *Journal of American History*, 2013, vol. 100, no. 1, pp. 94–119.
- Swanson H. A., Lien M. E., Ween G., *Domestication Gone Wild: Politics and Practices of Multispecies Relations*. Durham, NC: Duke University Press, 2018, 272 pp.
- Sörlin S., 'The Contemporaneity of Environmental History: Negotiating Scholarship, Useful History, and the New Human Condition', *Journal of Contemporary History*, 2011, vol. 46, no. 3, pp. 610–630.
- Tarasova Z., *Human Anxieties, Bovine Solutions: Political Subtexts of Native Cattle Conservation in North-Eastern Siberia*: PhD Diss., Cambridge University. Cambridge, 2020, 241 pp.
- Taussig M., 'Animism and the Philosophy of Everyday Life. Le Tour de Tiergarten', Franke A. (ed.), *Animism*. Berlin: Sternberg Press, 2010, vol. 1, pp. 199–201.
- Taussig M., *Palma Africana*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2018, 258 pp.
- Terekhina A., Volkovitskiy A., Sokolova N., Ehrich D., Fufachev I., Sokolov A., 'The Context of an Emerging Predation Problem: Nenets Reindeer Herders and Arctic Foxes in Yamal', *European Journal of Wildlife Research*, 2021, vol. 67, article 52. doi: 10.1007/s10344-021-01497-z.
- Tétry A., *Les outils chez les êtres vivants*. Paris: Gallimard, 1948, 345 pp.
- Thirsk J. *Horses in Early Modern England: For Service, for Pleasure, for Power*. Reading: University of Reading, 1978, 28 pp.
- Thomas K., *Man and the Natural World: A History of the Modern Sensibility*. New York: Pantheon, 1983, 425 pp.

- Tolstaya S. M. (ed.), *Antropotsentrizm v yazyke i kulture* [Anthropocentrism in Language and Culture]. Moscow: Indrik, 2017, 264 pp. (In Russian).
- Tsing A., 'Unruly Edges: Mushrooms as Companion Species: For Donna Haraway', *Environmental Humanities*, 2012, vol. 1, no. 1, pp. 141–154. doi: 10.1215/22011919-3610012.
- Tsing A. L., *The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015, XII+331 pp.
- Tsvetkov M. A., *Izmenenie lesistosti Evropeyskoy Rossii s kontsa XVII stoletiya po 1914 g.* [Change in the Forest Cover of European Russia since the End of the 17th Century until 1914]. Moscow: USSR AS Press, 1957, 213 pp. (In Russian).
- Tutorskiy A. V., 'Bears as Pares: Some Notes on Bear Stories in Zapinejje (Arkhangelskaya Oblast, Northern Part of the Russian Federation) and the Tendency to Equality in Human-Bear Relations', Grimm O. (ed.), *Bear and Human. Facets of a Multi-Layered Relationship from Past to Recent Times, with Emphasis on Northern Europe*, in 3 vols. Belgium: Brepols Publishers, 2023, vol. 3: The Archaeology of Northern Europe, pp. 887–899.
- Tuttle W. (ed.), *Buddhism and Veganism: Essays Connecting Spiritual Awakening and Animal Liberation*. Danvers: Vegan Publishers, 2019, 248 pp.
- Táíwò O., *Elite Capture: How the Powerful Took Over Identity Politics (and Everything Else)*. Chicago, IL: Haymarket Books, 2022, 168 pp.
- Uexküll J. von, Kriszat G., *Streifzüge durch die Umwelten von Tieren und Menschen: Ein Bilderbuch unsichtbarer Welten. Bedeutungslehre*. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1956, 181 ss.
- Utekhin I. V., 'Na korotkom povodke: domashniye khozyaeva' [On a Short Leash: Domestic Owners], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2015, no. 132 (2), pp. 32–38. (In Russian).
- Utekhin I. V., 'Chelovek i obezyana: k kontekstualizatsii rannikh eksperimentov v oblasti Ape Language Research' [The Human and the Ape: On the Contextualisation of Early Experiments in Ape Language Research], *Sociology of Power*, 2019, no. 3, pp. 75–99. (In Russian). doi: 10.22394/2074-0492-2019-3-75-99.
- van Dooren T., *Flight Ways: Life and Loss at the Edge of Extinction*. New York: Columbia University Press, 2014, 208 pp.
- van Dooren T., Kirksey E., Münster U., 'Multispecies Studies: Cultivating Arts of Attentiveness', *Environmental Humanities*, 2016, vol. 8, no. 1, pp. 1–23. doi: 10.1215/22011919-3527695.
- van Dooren T., Rose D. B., 'Storyed-places in a Multispecies City', *Humanimalia*, 2012, vol. 3, no. 2, pp. 1–27. doi: 10.52537/humanimalia.10046.
- van Sittert L., Swart S., *Canis Africanis: A Dog History in Southern Africa*. Leiden: Brill, 2007, 295 pp.
- Vinokurova I. Yu., *Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii)* [Animals in the Traditional World View of the Veps (an Attempt at Reconstruction)]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 2006, 447 pp. (In Russian).
- Viveiros de Castro E., 'Cosmological Deixis and Amerindian Perspectivism', *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 1998, vol. 4, no. 3, pp. 469–488. doi: 10.2307/3034157.

- Viveros de Castro E., 'Perspectival Anthropology and the Method of Controlled Equivocation', *Tipili*, 2004, vol. 2, no. 1, pp. 3–22.
- Viveiros de Castro E., *Métaphysiques cannibales. Lignes d'anthropologie post-structurale*. Paris: Presses Universitaires de France, 2009, 216 pp.
- Vorobiev D. V. (ed.), 'Spetsvypusk: Chelovek i mir fauny v antropologicheskome kontekste' [Special Theme of the Issue: Human and the World of Fauna in Anthropological Context], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 4, pp. 5–56. (In Russian).
- Wadiwel D., *Animals and Capital*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023, 328 pp.
- Wagner R., *An Anthropology of the Subject: Holographic Worldview in New Guinea and Its Meaning and Significance for the World of Anthropology*. Los Angeles, CA: University of California Press, 2001, 288 pp.
- Walker H., 'Equality without Equivalence: An Anthropology of the Common', *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2020, vol. 26, no. 1, pp. 146–166. doi: 10.1111/1467-9655.13183.
- Walker R., 'On the Edge of Environmental History', *RCC Perspectives*, 2011, no. 3, pp. 48–52.
- Wasserman D., 'Species and Race, Chimeras and Multiracial People', *The American Journal of Bioethics*, 2003, vol. 3, no. 3, pp. 13–14. doi: 10.1162/15265160360706741.
- Weber M., *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1972, XXXIII+945 ss.
- Weeks K., *The Problem with Work*. Durham, NC: Duke University Press, 2011, 287 pp.
- Wegner P. E., 'Periodizing Jameson, or, Notes toward a Cultural Logic of Globalization', Irr C., Buchanan I. (eds.), *On Jameson. From Post-modernism to Globalization*. New York: State University of New York Press, 2006, pp. 241–279.
- Weisberg Z., 'The Broken Promises of Monsters: Haraway, Animals, and the Humanist Legacy', *Journal of Critical Animal Studies*, 2009, vol. 7, no. 2, pp. 22–62.
- White R., 'Environmental History, Ecology, and Meaning', *Journal of American History*, 1990, no. 76, pp. 1111–1116. doi: 10.2307/2936588.
- Whitehead H., Rendell L., Osborne R. W., Würsig B., 'Culture and Conservation of Non-Humans with Reference to Whales and Dolphins: Review and New Directions', Armstrong S. J., Botzler R. G. (eds.), *The Animal Ethics Reader*. New York: Routledge, 2008, pp. 180–192.
- Willerslev R., *Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood among the Siberian Yukaghirs*. Berkeley, CA: University of California Press, 2007, 246 pp.
- Wolch J. R., 'Zoöpolis', Wolch J. R., Emel J. (eds.), *Animal Geographies: Place, Politics, and Identity in the Nature-culture Borderlands*. London; New York: Verso, 1998, pp. 119–138.
- Wolch J. R., Emel J. (eds.), *Animal Geographies: Place, Politics, and Identity in the Nature-Culture Borderlands*. London; New York: Verso, 1998, 310 pp.

- Wolfe C., *What is Posthumanism?* Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2010, 400 pp.
- Wolfe C., *Before the Law: Humans and Other Animals in a Biopolitical Frame*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2012, 152 pp.
- Woods R. G. H., *The Herds Shot Round the World: Native Breeds and the British Empire, 1800–1900*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2017, 233 pp.
- Worster D., 'Appendix: Doing Environmental History', Worster D. (ed.), *The Ends of the Earth: Perspectives on Modern Environmental History*. New York: Cambridge University Press, 1988, pp. 289–308.
- Worster D., 'Transformations of the Earth: Toward an Agroecological Perspective in History', *Journal of American History*, 1990, vol. 76, no. 4, pp. 1087–1106. doi: 10.2307/2936586.
- Worster D., 'Seeing beyond Culture', *Journal of American History*, 1990, vol. 76, no. 4, pp. 1142–1147. doi: 10.2307/2936592.
- Wróblewski Z., 'Umysł zwierząt: między naiwnym antropomorfizmem a dogmatycznym antroponegacjonizmem', *Zoophilologica. Polish Journal of Animal Studies*, 2016, no. 2, ss. 83–95.
- Yount L., *Animal Rights*, revised ed. New York: Infobase Publishing, 2008, 332 pp.
- Zaporozhets O., Tkach O., 'Sosedstvo na karantine (po materialam dnevnikov moskvichey i peterburzhtsev) [Neighbors under COVID-19 Quarantine (based on diaries of Moscovites and St Petersburgers)], *Sosedstvo*, 2020. <<https://privetsosed.org/covid2020>>. (In Russian).
- Zhivov V. M., 'Moskovsko-tartuskaya semiotika: ee dostizheniya i ee ograniicheniya' [The Moscow-Tartu School of Semiotics: Its Achievements and Its Limitations], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2009, no. 4 (98), pp. 11–26. (In Russian).
- Zlatev Y., 'Znachenie = zhizn (+kultura). Nabrosok edinoj biokulturnoy teorii znacheniya' [Meaning = Life (+Culture): An Outline of a Unified Biocultural Theory of Meaning], *Studia linguistica cognitive*, 2006, no. 1: Yazyk i poznanie. Metodologicheskie problemy i perspektivy, pp. 308–361. (In Russian).
- Zola É., *Germinal*. Paris: G. Charpentier, 1885, 591 pp.
- Zolyan C. T., Zhdanov R. I., 'Genom kak (giper)tekst: ot metafory k teorii' [Genome as a (Hyper)text: From Metaphor to Theory], *Kritika i semiotika*, 2016, no. 1, pp. 60–84. (In Russian).
- Zolyan S. T., Zhdanov R. I., 'Genom kak informatsionno-semioticheskiy fenomen [Genome as a Semio-informational Phenomenon]', *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 88–102. (In Russian).